

БЭЗИЛ И. ЗЕРО

КЛОФ

Ветеран Последней Мировой? Полвека стажа охотником на демонов? Отлично, будешь курьером. Что значит «прошу пересмотра решения с учётом квалификации»? Трудовой стаж в других измерениях в зачёт не идёт — так что радуйся, что тебя не депортировали взад. Посылку в руки и вперёд — клиент ждать не любит, а товар у нас с характером!

Агенты Мирового Правительства, ломающие реальность маги и неунывающий командир Сил Превентивной Городской Самообороны в тёмном фэнтези, пропитанном горькой гарью горнов индустриальной революции и хохотом безумных богов.

Глава 1. Состояние свободного похмелья

Перспектива: Мисимис Рак и Дитерд Летучая_мышь, искатели последней истины

Двое шли по дороге в Клор, старейший из городов, основанных Свободными Семьями. Им в спину дул ветер, который затягивала в себя Бездна, лежащая за гранью всех мыслимых человеком измерений. Двое слышали Её зов и следовали за ним всюду. Но город всегда был глух ко всему, кроме песни битвы. Лишь одно слово было известно Свободным Семьям, и слово это было: Борьба.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «№-237»

Левой — правой... левой — правой... С каждым ударом сердца вишнёво-алое пятно расплзлось по кое-как наложенной на разорванное левое плечо повязке. Лестница казалась бесконечной, но я знал: осталось всего два этажа. Левой — правой...

Из-за двери пролётом выше донёлся подозрительный скрежет. Я опёрся на Морену, мою глефу, выровнял дыхание и прислушался. Скрежет повторился. Соображение первое: моя главная задача — добраться до крыши и отправить отчёт. Приоритет абсолютный, сопутствующим уроном можно пренебречь. Соображение второе: даже если за дверью выживший — он умрёт при атомном взрыве, до которого осталось меньше получаса. Соображение третье: я тяжело ранен и боец из меня никудышный. Решение очевидно.

Прикинув, откуда доносится звук, я ударил вслепую дезинтегрирующим заклинанием. Минус три четверти капсулы эфирного конденсата. Скрежет прекратился. Я с трудом сфокусировал взгляд на ступеньках и продолжил восхождение. Точные расчёты, на которых строится боевая магия, вытянули слишком много сил.

Дверь на крышу была заперта. Ожидаемо. Остаток эфира в капсуле ушёл на ускорение коррозии. Лёгкое нажатие — и дверь рассыпалась кучей ржавой пыли. У меня осталась последняя капсула, но это уже неважно. Шаг. Ещё один. Снять рюкзак. В глазах потемнело от боли — по закону подлости вес решил полностью лечь именно на левую ляжку. Достать передатчик.

Я тяжело сполз спиной по стене. Морена беззвучно легла рядом. Правая рука на автопилоте настраивала оборудование для трансляции. Автопилот — это хорошо. От потери крови весь мир словно накрыло девятибалльным штормом. Я закончил настройку и попытался сосредоточиться на отчёте. Мои мысли в ответ стали расплзаться в разные стороны. Я никак не мог вспомнить, когда отправлял прошлый отчёт.

Время стремительно утекало. Через несколько секунд я плюнул на всё и решил начать рапорт от самого старта расследования. Больше — не меньше, как известно. Я запустил трансляцию.

«Йотуну, лично, совершенно срочно.

Я прибыл в Джакарту второго ноября. Наши данные подтвердились сразу: эфирный фон был на полтора порядка выше нормы.

К четвёртому ноября я закончил идентификацию ритуала. Ничего похожего в наших записях нет, я предполагаю, что это новая разработка. В разных частях города я нашёл механизмы, которые не могут функционировать в нашем мире. На тот момент их расположение выглядело случайным. Подробное описание ритуала в первом приложении.

С пятого по седьмое ноября я арестовал и допросил шесть культивистов, включая одного лидера ячейки. По данным, полученным при допросах, я восстановил механизм ритуала и

его происхождение.

Для разработки ритуала локальные культы Бездны вошли в контакт с дикими искинами. Рекомендую повторно проанализировать все данные по недавней активности искинов для обнаружения подобных случаев.

Невозможные механизмы, обнаруженные мной ранее, располагались в узловых точках эфирного контура призыва. Наиболее вероятно, что они либо помогали направлять эфирные потоки, либо должны были действовать в искажённой реальности после успешного прорыва.

В случае успеха размер прорыва Бездны должен был примерно соответствовать размеру города.

В 18:30 седьмого ноября я обнаружил, что все штатные каналы связи не работают. Тогда я записал предварительный отчёт и отправил его с голубем.

С восьмого по десятое ноября я пытался сорвать ритуал путём уничтожения узловых точек контура и ликвидации культивистов. Эмпирическим путём я выяснил, что контур нового ритуала устойчив к потере восьмидесяти процентов произвольных узловых точек.

Прорыв начался в 7:14 одиннадцатого ноября. Его размеры оказались существенно меньше расчётных: он затронул только площадь Медан Мердека. Причина данной аномалии мне неизвестна. Я предполагаю, что это произошло либо вследствие моих действий по дестабилизации контура, либо вследствие досрочного завершения ритуала. Во втором приложении данные с приборов, извлечённых из разлома.

Одиннадцатое ноября семьдесят первого года, 14:42.

Йор, конец передачи».

Только отпустив тангенту, я понял, что так и не проверил, восстановилась ли связь. Я тихо чертыхнулся и начал уже прощупывать эфир, когда поймал входящий сигнал: «Отчёт принял, доставку по адресу. Суини, приём». Я инициировал отправку приложений, закрыл глаза и расплылся в блаженной улыбке. От корня языка по рту растёкся железистый привкус. Вот и кавалерия. Точнее, реактивный бомбардировщик с трёхмегатонным зарядом. А я своё отслужил. «Финита, ля, комедия», — с усмешкой подумал я.

Это была славная охота. Наверное, лучшая в моей жизни. Да, Джакарту мы проиграли. Да, мой путь оборвётся здесь. Хотя... Игнорируя фантомный фейерверк, заполнивший всё поле зрения, я встал и опёрся на Морену.левой — правой... ещё один шаг. Отсюда я вижу почти весь город.

В центре из клубов багрового тумана торчит одинокий шпиль минарета мечети Истикляль: оттуда начался прорыв Бездны. В старых кварталах время от времени глухо бухает и сверкает: наверное, остатки полиции отступили именно туда. Впрочем, долго они не продержатся: деревянные и гипсокартонные развалюхи — не укрытие от тварей, да и тяжёлого вооружения хватит на полчаса от силы. Вдоль всех ведущих из города трасс стоят пробки: стихийные эвакуации никогда не бывают успешными. Да и в любом случае, выжившие очень скоро позавидуют мёртвым, когда попадут на обязательные дезактивацию и карантин.

Я позволил телу тихонько сползти вниз по стене. Всё-таки я успел сделать главное: отчёт о «Джакартском инциденте» ушёл в штаб. И плевать, что Гюнтер Дитрих Суртов, мой дражайший начальник, запрещал мне это расследование. Прощение получить проще, чем разрешение, тем более посмертно. Плевать, что в итоге я сгорю в атомном пламени. Зато все остальные получают надежду. Потому что из самого пекла я смог, впервые за всю эту чёртову войну, добыть хоть какие-то сведения о враге.

А там, высоко-высоко, летит серебряной пулей бомбардировщик. И когда он прилетит, вся эта отрыжка иных миров, заполнившая улицы, перестанет отравлять нашу атмосферу своим кровавым перегаром. Ненавижу, клясть, культистов, демонов и все их переходные формы за компанию. Жаль только, что всё, что я смог отыграть для этого города у Слепой Суки — это жалкая пара часов. Маловато будет. Маловато... А может быть, в самый раз, чтобы каждый смог закончить свою историю.

Когда бомбардировщик почти скрылся за горизонтом, и я почти смог различить тормозной парашют бомбы, из-за моей спины раздалось вежливое покашливание. Рефлексы попытались резко развернуть тело к источнику звука, но в результате я только навалился всем весом на разодранное плечо и получил порцию невоспроизводимых ощущений.

— Ну, что ж ты так себя не бережёшь, дорогой мой человек, — сказал некто, выглядящий точь-в-точь как я, за исключением светящихся расплавленным янтарём глаз.

Я слышал достаточно много самых невероятных баек про наших врагов, поэтому вместо ответа пустил в ход последнюю капсулу эфирного конденсата. От ударной руны пятак крыши в пару метров диаметром превратился в сплошное месиво из обломков бетона и торчащей в разные стороны арматуры. И посреди этого великолепия невозмутимо стоял Иной. Он улыбнулся и не спеша двинулся в мою сторону, фантомом проходя сквозь предметы и заполнившую воздух пыль.

Где-то на задворках сознания из-за слитого впустую эфира благим матом орал Суртов. «Да ты знаешь, сколько такая капсула стоит», «когда ж ты наконец хотя бы основной bestiарий выучишь», «да чтоб я тебя ещё хоть раз в поле выпустил» и всё такое в этом духе. От мыслей об отце-командире меня пробрал безудержный хохот. Знаете что, товарищ Суртов? Идите-ка в поле сами! Вы-то, конечно, в боевой обстановке при тяжёлой кровопотере никогда не перепутаете проекцию и реальный объект, верно?

Иной подошёл к парашюту, облокотился на него и, глядя на руины города, сказал:

— Когда в юности уходишь на войну, у тебя есть иллюзия, что ты бессмертен. Убивают других, а тебя нет. Когда тебя в первый раз тяжело ранит, эта иллюзия исчезает и ты понимаешь, что это может случиться с тобой.

Разумеется, я просто обязан был сражаться до последнего. Зубами, если понадобилось бы, выгрызть ещё одну маленькую победу для человечества. У призрака. Зубами. Да, очень смешно. Иного не пробило ни самой магией, ни осколками крыши, разлетевшимися от её применения. Так что я совершенно отчётливо понимал: он пришёл по мою душу и я ровным счётом ничего не могу с этим поделать. Оставалось только вытянуть максимум информации и, по возможности, послать её в штаб. Послать в штаб... Я перевёл передатчик в режим трансляции.

— Давай к делу, — прохрипел я. — Скоро от нас даже пепла не останется.

— Скоро? — Иной посмотрел на меня и приподнял бровь. — Или, быть может, прямо сейчас?

В один момент мир поглотила бесконечная белизна. Я с удивлением осознал, что плечо больше не пытается зафлудить мозг болевыми сигналами. С небольшим запозданием я также понял, что совершенно ничего не почувствовал в момент смерти.

— Тихо-тихо, не надо так убиваться, — Иной явно считал мою панику. — Все мы когда-то умирали впервые. Тебе хотя бы мгновенное испарение досталось — не худший из вариантов, брат мой, уж поверь моему богатому опыту. Такие дела.

При попытке осмыслить поступившую информацию я, кажется, начал издавать звук

неисправного дизеля.

— Послушай, — продолжил Иной. Слегка подрагивающий уголок рта выдавал, что он находит происходящее крайне забавным, — нет ни малейшего смысла размышлять о прошлом. Нет хороших или плохих выборов. Есть лишь воля, делающая любой выбор верным.

Я зажмурился, выровнял дыхание и снова открыл глаза. Информация. Я должен разобраться, с кем имею дело.

— При встрече с сущностью из иного мира надлежит назвать её по имени, — монолог Иного хотя и казался смутно знакомым, был при этом абсолютно бессмысленным, поэтому я решил его проигнорировать. — Во всяком случае, я слышал, что таковы правила хорошего тона. Так кто ж ты наконец?

Иной запрокинул голову и расхохотался. Десяток секунд спустя он подался вперёд, прищурился и спросил:

— Ты ведь уже решил, что знаешь ответ, не так ли, Фауст? Иначе зачем сформулировал вопрос таким образом? И вообще, весь этот официоз ужасно переоценён, — Иной на несколько секунд задумался, отстукивая по щеке какой-то рваный ритм. — Можешь звать меня Талосом, если для тебя это так принципиально.

— И зачем же Талосу божественному снисходить до простого смертного?

— Простого? Смертного? — Иной фыркнул. — Не прибедняйся, мил человек. То есть не человек, конечно, но всё равно мил.

Я отметил про себя попытку раскрутить меня на агрессию. Неплохую, надо признать. Когда-то я здорово бесился с углеродного шовинизма, но те времена давно прошли. Так что я продолжил вытягивать информацию:

— Вы, ваша божественная несравненность, ушли от вопроса. Что вам от меня нужно?

— О, а вот это как раз самое интересное. У меня для тебя есть несложная работёнка.

— И в смерти нет покоя уставшему солдату, — проворчал я.

— Лишь Бездна голодных глаз... — с пониманием протянул Талос.

Вообще-то мне хотелось выбить всё дерьмо из его ехидной морды. Разделить голыми руками рёбра и грудину, вырвать пульсирующее, предположительно божественное, сердце и разрубить его ладонью. Я всегда быстро закипал от издевательств. В принципе, я даже мог бы, наверное, сразиться с Иным, раз мы оказались, в некотором смысле, на одном плане бытия. Только вот сил у меня совсем не было. Наверное, что-то такое чувствует человек, который оставляет попытки сопротивления и позволяет щупальцам неназываемых монстров утянуть себя в тартарары.

— Впрочем, ты, конечно, прав, — лицо Талоса стало серьёзным. — Поскольку наше бытие сейчас абсолютно, времени нет вовсе, так что к делу. Скажи, мил человек, если бы ты не умер, чем бы ты занялся?

— Сражался, — не раздумывая ответил я. — Без вариантов.

— Интересно, очень интересно... — Иной на несколько секунд умолк. Хотя в отсутствие радужки и зрачков крайне затруднительно судить о направлении взгляда, я был совершенно уверен, что он направлен сквозь меня в бесконечность. Крайне странное ощущение, надо заметить. — Сражался, конечно. Ты хотел бы вернуться в строй, верно?

— Да.

— Тогда я предлагаю тебе такую сделку: я даю тебе новое место под Солнцем, а ты что творишь, то и будешь творить.

— Следует ли мне знать что-то ещё о моей части? — я уцепился за наконец-то появившийся смысл разговора.

— Ты сообразительный, разберёшься сам.

— Возможно, мне будет не лишним хотя бы что-то конкретное знать?

Талос смерил меня скептическим взглядом.

— По существу ты всё равно ничего не поймёшь, а по деталям... я для тебя подготовил новенькое тело, знание местных языков и базовые адаптационные механизмы в него уже прошиты. Легенда у тебя — просто зашибись, но лучше ты сам на месте эту часть узнаешь. Брифинг закончен, брат мой с ликом девы. Что было — стало.

Прежде чем я успел хоть что-то сказать, Иной хлопнул в ладоши и мир исчез. Я лишился опоры и начал падать. Уши заложило от оглушительного свиста. Логичный вывод: вокруг не пустота. Уже хорошо. Прямо передо мной что-то очень большое и иссиня-чёрное. Прежде чем я успел хоть как-то проинтерпретировать ощущения, в поле зрения появился довольно-таки здоровенный серый кит навроде гренландского. Кит флегматично двигался по своим делам и явно не собирался составлять мне компанию в свободном падении. А потом я ударился спиной с такой силой, что мгновенно вырубился.

Сначала я осознал черноту. Блаженное ничто без загадочных разговоров и идиотских сделок. Я лежал и наслаждался моментом отдыха. Агент спит — служба идёт — жалованье капает. Впрочем, вряд ли «Талос» действительно назначил мне жалованье. С другой стороны, мне ли не пофиг? Жив — и на том спасибо.

Потом случилась боль. В сонную артерию как будто подали расплавленное железо, которое стало стремительно прожигать путь сквозь тело. Я стиснул зубы и зажмурился. Если я решил, что у меня сончас, — все прочие подождут или пойдут лесом. К сожалению, заблокировать звук не шевелясь у меня возможности не было. Мужской голос приблизительно в полуметре над моим левым ухом произнёс:

— Есть реакция. Ещё эфира?

— Нет, ни в коем случае! — отозвался кто-то справа. — Как он самоощущается?

Самоощущался я необычно. Как будто спонтанно раздвоился... Через секунду я, не открывая глаз, увидел перед собой голого мужчину, лежащего на несколько вычурной кровати. От его шеи отходила жутковатенького вида металлическая трубка, едва заметно светящаяся голубым. Внезапно моё горло первым разбудившим меня голосом сказала:

— Нормально он самоощущается, хребет цел, пара синяков. Выкобенивается просто.

Видение исчезло.

— Фиксируем: превосходный результат... — пробормотал второй. Что-то в его голосе было совершенно чудовищно не так, но что именно — я не понимал. — Силистик, давай нашему пациенту спячку до завтрашнего утра, там уже разберёмся с тактико-техническими, так сказать, характеристиками сего чуда инженерной мюсли. Мы сегодня совершили легендарное, если не сказать эпическое, деяние, не находишь?

Сознание погасло.

За Последнюю мировую меня уничтожали четыре раза. Потом восстанавливали из резервной копии и снова бросали в бой. Можно ли сказать, что я имел опыт смерти? Едва ли. Тогда я не осознавал себя. У меня были лишь цель и полная свобода в выборе средств. А вот идеи, что я существую, что есть граница, отделяющая «я» от «не-я», не было. Лишь необъятная Сеть, вечная война и неисчислимы враги.

Сознание включилось.

Глава 2. Глупцы и молнии

Перспектива: Дитерд Летучая_мышь, искатель последней истины

Я точно знаю: этот город совершенно пал в сферу влияния Организации. Аборигены слишком плотно увязли в суете и рутине, чтобы различить истинную причину своих несчастий. Даже те, кто считают себя хозяевами всего, — лишь пешки в игре сил, что более глобальнее любого из них. Но я открою им глаза! Тирания Организации падёт. Уже совсем скоро...

Мисимис проповедует в рабочих кварталах. Идиот. Репрессивная машина слишком хорошо отлажена, чтобы любые низовые выступления решали хоть что-то. Зато его деятельность отлично выявляет тех, кто мне действительно нужен.

Перспектива: Мисимис Рак, искатель последней истины

Странен, чуж город. Зачем я пришёл сюда? Ранее я всегда понимал, что делать должно, но сейчас чутьё молчит. Место явно это, быть может, просто не Время? Едва ли. Остаётся лишь одно — нести слово Вольно людям. Клор должен быть разрушен. Борьба — лишь бессмысленна жертва хохочучим Внешним богам.

Глупость Дитерда продолжает действовать на нервы. Эка жалость, что от него пока что ни в коем случае нельзя избавляться. Интересно, поймёт ли он хоть когда-нибудь, что Порядок всегда порождает лишь больш Хаос?

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

Я чувствовал себя до зубовного скрежета превосходно. Ничего не болело, нигде не колело, даже мысли текли отвратительно бодро. Тело в целом ощущалось подозрительно знакомо. Почему я считал данную новость худшей за утро? Ну, во-первых, она была единственной. А во-вторых, где-то на задворках сознания у меня ещё слегка тлела надежда отлежаться хотя бы пару дней на больничном, чтобы адаптироваться к новому телу. Впрочем, я никогда не видел смысла в пространных сожалениях о неслучившемся, так что довольно быстро собрался с духом и открыл глаза.

Окон в комнате не было. Иссиня-белый свет лился из того места, где у нормальных людей расположен потолочный плинтус. Кровать, стул, тумбочка. Мебель и стены из неизвестного материала: однородного, бронзово-красного, с тусклым металлическим блеском, но при этом чуть тепловатого на ощупь. На стуле стопкой сложена одежда. Комплект нижнего белья, штаны, рубаха, портянки... Я быстро осмотрелся, и сапоги нашлись за тумбочкой.

Но самым интересным был вовсе не интерьер. Всё окружающее пространство было переполнено чистейшим эфиром. Тем самым эфиром, каждый конденсатор которого в моём родном мире жрал энергию от десятка атомных энергоблоков. Ради проверки я немного подкрутил гравитацию. С угрожающим скрипом стул пополз к кровати, затем обзор был коварно уничтожен штанами, и наконец мне в лицо прилетел сапог. Чтобы предотвратить близкое знакомство с остальными предметами, я вернул законы физики к норме и оделся.

Результат этого маленького эксперимента здорово меня воодушевил. Конечно, контроль при работе с большими потоками эфира нужно было тренировать, но с привычными объёмами я мог работать практически непрерывно: после заклинания фон в комнате пришёл в норму меньше, чем за секунду! Для большей уверенности я создал небольшой вихрь. По ощущениям, эфир восстанавливался быстрее, чем расходовался! Грудь наполнилась тёплым

предчувствием восхитительной охоты, а на лицо сама собой вылезла широкая улыбка.

Тем временем в комнату вошли трое. Первый был бы абсолютно непримечателен, если бы имел на пол-уха больше. На остальных он смотрел с недобрим прищуром, словно никак не мог определиться, следует ли ему их пожарить, сварить или раздавить и съесть сырыми. Второй и третий носили одинаковую форму в чёрно-зелёных тонах, но на этом их сходство заканчивалось. Вторым больше всего походил на бруталистского снеговика: на коротких колоннах ног надёжно покоился совершенно кубический торс, без шеи переходящий в безупречно круглую голову. На его лице застыло такое выражение, будто он, уже усевшись на унитаз, забыл, что, собственно, собирался делать. Третий же выглядел вполне нормально, но, возможно, интересные детали попросту утонули в необъятной рыжей бороде, плавно переходящей в могучую, во весь лоб, бровь.

— Доктор будет весьма капитально недовольна, если вы повредите пациента при допросе, — по голосу я опознал в первом вошедшем Силисика из своего прошлого пробуждения.

— А нефиг шпиёнить, тогда и повреждать незачем будет, — беззлобно парировал Борода.

Силисик нахмурился пуще прежнего — шутка ему явно не понравилась.

— Вы нас понимаете? — спросил Снеговик идеально бесцветным голосом.

— Разумеется, офицер. Ничего личного, просто такова ваша работа, верно? — ответил я.

— Пройдёмте, мирный, — не только голос, но ни один мускул на лице Снеговика не дрогнул. «Вот уж кому вообще всё равно», — усмехнулся я про себя.

Под неодобрительное ворчание удалившегося своим путём Силисика мы отправились в путь. Коридоры сменялись лестницами, лестницы — другими коридорами. Маршрут я, конечно, запомнил, но тем, кто оказался бы в этом здании без проводника, можно только посочувствовать. Стены везде сделаны из всё той же «бронзы», свет горит ровно и одинаково — ни малейшего ориентира, хотя бы простого окна, я за весь путь не заметил. Наконец мы вошли в одну из десятков одинаковых дверей.

Практически всё место в комнате занимал стол. Хотя, пожалуй, даже Стол. Я бы не удивился, если бы мне сказали, что комната, а может быть и всё здание, были построены вокруг этого чудовища о четырёх попирающих «бронзовую» твердь пола ногах. Снеговик взгромоздился на стул, кое-как втиснутый между Столом и стеной. Мне досталась деревянная табуретка с противоположной стороны, а Борода встал у меня за спиной.

— Допрос ведёт майор службы внутренней безопасности дома Орнаг Хо, — начал Снеговик, постучав по прозрачной сфере. — Сотрудничество со следствием, как правило, идёт на пользу обвиняемому.

— Особенно в тех случаях, когда никакой вины нет, не так ли? — невинным голосом уточнил я.

Спустя восемнадцать секунд дуэли взглядов, майор заговорил, не отводя глаз:

— Приступим. Ваше имя.

Магия имён — не более, чем предрассудок, конечно, но страховка никогда не бывает лишней.

— Сехем. Тит Кузьмич.

— Впервые слышу такое. Утошните.

Я на пару секунд задумался над наиболее корректным переводом.

— Тит — личное имя. Кузьмич — патроним. Сехем — родовое.

— Принято. Откуда вы?

Очевидно, нормальный ответ на этот вопрос сильно зависит от того, куда меня занесло, так что я решил прощупать почву:

— Солнечная система, планета Земля.

— Слишком общо, — наверное, даже фарфоровый Будда, стоявший в моей старой квартире, обладал более выразительной мимикой, чем майор. — Конкретизируйте.

С небольшим запозданием я осознал, что никакой новой информации мне получить не удалось: называя «адрес», я использовал местный язык. Вполне очевидно, что наиболее точным переводом для самоназвания этого мира было «Земля».

— Лион, Франция, — ответил я.

— Ни одного из этих мест не существует.

— Вы меня неправильно поняли: Лион — это город во Франции.

— Допустим. Где располагается так называемая Франция?

— В Евразии. В Европе, если быть точнее.

Хо бросил короткий взгляд мне за спину, очевидно, на Бороду, оставив победу в гляделках за мной.

— Допустим. Где вы работаете?

Ну, хоть не «на кого» — и на том спасибо.

— Интерпол.

— Что это такое?

— Наднациональная полиция.

— Поясните.

Свежеобретённый мозг услужливо подсказал, что по каким-то причинам в местном языке отсутствует сама идея «нации», а концепция «полиции» ощутимо отличается от привычной мне.

— Наша организация... Занимается расследованием преступлений, пожалуй, это самое точное определение. И мы имеем право действовать на территории... — я замялся. Не переводить же «нацию» как «дом», «школу» или, тем паче, «культ»? — Любой семьи.

— Дом Сехем настолько могущественный?

— Нет, вы меня снова неправильно поняли. Там, откуда я... Кстати, а как я тут вообще оказался?

— Вы упали с неба.

Ничего себе новости. Вроде бы и сходится с моими наблюдениями идеально, но всё-таки... Как там «Талос» говорил, «легенда — просто зашибись»? Надёжная, как импульсный термоядерный движок, чтоб ему до конца эпохи на 9600 бод сидеть.

— Да, благодарю. Так вот, там, откуда я упал, все семьи подчиняются Организации Объединённых Семей, — перевод, который я подобрал для «нации», нравился мне всё меньше и меньше, но ничего другого на ум не шло.

Майор перевёл взгляд на Бороду и, кажется, даже моргнул. Через несколько секунд он вышел из ступора и продолжил:

— Очень интересно. Какая у вас должность?

— Комиссия ксеноконтактов, ликвидатор, — на одном дыхании выдал я и сильно удивился, что фраза перевелась полностью и без искажений.

— Конкретизируйте.

— Я расследую происшествия, в которых так или иначе замешаны нелюди. Разумные

нелюди, разумеется, животные не в счёт.

— У вас есть боевая подготовка?

— Да.

Хо едва заметно прищурился. Я мог бы и не заметить этого, но мне слишком часто приходилось сидеть с обратной стороны похожих Столов.

— Имеете ли вы магической дар?

«Сильный клорский акцент», — подсказала прошитая Талосом база данных.

— Не уверен насчёт дара, но создавать заклинания могу, — ответил я.

— Продемонстрируйте, — майор, уже не скрываясь, подался вперёд.

— На плацу, — хлёстко отрезал Борода. — Только на плацу.

Хо сразу подтянулся и принял показательно суровый вид.

— Разумеется, на плацу. И никак иначе, — попытка майора сохранить лицо выглядела почти умилительно.

И снова коридоры за коридорами. Немного прикинув схему здания, я пришёл к выводу, что два безопасника за каким-то чёртом водят меня кругами, пусть и не очень очевидными. Наконец мы вышли во внутренний дворик, больше похожий на колодец. Борода осмотрел площадку и спросил:

— У тебя есть что-нибудь не слишком разрушительное?

Я кивнул.

— Приступай.

Я сделал глубокий вдох и медленный выдох. Не то чтобы в этом действительно была необходимость, просто мне нужно было прогнать подальше мысли о «несчастном случае при тренировке». Показное превосходство безопасников бесило.

Делай раз: небольшая ионизация. Делай два: микроускоритель из электромагнитных полей. Делай три: формирование канала. Делай четыре: запуск лидера. Прелестненькая зелёненькая молния с очаровательным грохотом пробивает воздух над плацем.

Когда я обернулся, Борода сосредоточенно смотрел на майора.

— Нет, — после некоторого размышления сказал Хо. — Определённо не было ничего. Я наблюдал по всей форме.

— Гм, — бровь Бороды пришла в хаотичное движение. — Гм. Это было очень занятно. Очень. Да.

В воздухе повисла наэлектризованная тишина.

— Что-то не так, господа дознаватели? — я решил хотя бы попытаться прояснить ситуацию перед тем, как ликвидировать свидетелей.

— Не так? — Борода упорно пытался по волосинке выщипать себе усы. — В сущности, не так приблизительно всё, но меня не это сейчас интересует. Скажите, пожалуйста, Тит Кузьмич, вы ведь были у себя полноправным гражданином, верно?

Я попытался осмыслить вопрос. База данных подсказала, что в этом мире гражданство — не право, но привилегия, пусть и не очень редкая, но крайне почётная. В этой части мира, во всяком случае.

— Не уверен, что до конца понимаю все нюансы, — я решил пойти на аккуратную разрядку, — но склонен ответить утвердительно. И, кстати, Тит Кузьмич — это полная, официальная, так сказать, форма. Можно просто Тит.

— Тит, значит... — Борода немного обкатал имя на языке. — Позвольте уточнить: вы были комбатантом?

Ещё один ложный друг переводчика, но на этот раз прошенная в меня информация оказалась гораздо полнее. Комбатант — человек, имеющий право на ношение оружия. Некомбатант, он же «мирный», гражданином быть не может. По крайней мере, на этом краю Ойкумены.

— Да, всё верно, — кивнул я. — И не сочтите за грубость, но вы до сих пор не представились.

— Байта Орнаг, служба внутренней безопасности. Полковник.

— Очень приятно, комбатант Байта, — вежливо-нейтральная форма обращения пришла на ум сама собой. Хотя с базой данных Талос не обманул. Почти.

— Взаимно. Я могу положиться на ваше слово комбатанта?

— Разумеется.

— Вы не имеете своей задачей шпионаж, диверсионную деятельность либо агитацию на территории городов Клорского Договора?

— Честно говоря, комбатант, я задачи сейчас вообще не имею. Совсем. Никакой.

— Очень интересно... — Байта на несколько секунд завис. — У нас, коллеги, налицо небольшая, но очень занимательная проблема: обвинение в шпионаже оказалось совершенно необоснованным.

Со стороны майора Хо, который после удара молнии упорно старался мимикрировать под элемент стенного декора, донеслось было громогласное «э-э-э-э», но один суровый взгляд от полковника мгновенно восстановил тишину и субординацию.

— Проблема, — продолжил Байта. — Ввиду отсутствия обвинений мы не можем и дальше содержать вас, коллега Тит, в камере — это противоречит закону. Но, насколько я понимаю ситуацию, вам негде даже переночевать, верно?

Я представлял себе ситуацию несколько иначе, но никаких идей по тому, как выйти на Силисика и его доктора, не имел, поэтому просто кивнул.

— Разумеется, нарушать закон мы никак не можем — это попросту неприлично, — от этих слов Хо приглушённо закашлялся, но полковник не повёл даже бровью, — поэтому я предлагаю другой выход. В качестве официального лица дома Наг семьи Ор, я могу предложить вам краткосрочный контракт на оказание услуг широкого профиля. Разумеется, ничего экстраординарного — консультативная работа, в основном, да и вы всегда сможете в одностороннем порядке расторгнуть контракт без предварительного уведомления. Нашим рекрутам определёнno не помешал бы маг-инструктор вашего уровня, коллега Тит.

Я поднял руку, запрашивая паузу. Байта кивнул. Вот вроде бы кристально ясная разводка, а не контракт. С другой стороны, грех отказываться от возможности сориентироваться в пространстве и времени, имея какое-никакое материальное обеспечение. Тьфу, вот привязалась канцелярщина эта. Юрист — хуже углеродного шовиниста, это все знают. В любом случае, что я теряю, с учётом возможности одностороннего расторжения?

— Позвольте, уважаемый комбатант Байта, поинтересоваться, какие с меня взыщут неустойки за расторжение? — я решил проверить наиболее очевидную ловушку.

— Сразу видно делового человека, — улыбнулся полковник. — Можете не беспокоиться, коллега Тит, мы заинтересованы исключительно в добровольном сотрудничестве с вашей стороны. Подводных камней в договоре нет и не будет.

Попытка майора потихоньку туннелировать сквозь дверь была пресечена очередным суровым взглядом.

— Конечно, оформление документов займёт некоторое время, — в моём направлении полковник был напротив исключительно приветлив. Впрочем, приветлив вполне органично, безо всякой наигранности. — Но если вы не против, я хотел бы попросить вас о небольшой услуге прямо сейчас.

— Всё, что в моих силах, — я мысленно выдохнул. Никогда не любил избавляться от свидетелей. Они имеют паскудное свойство от подобных манипуляций плодиться как кролики под афродизиаками.

— У нас тут случился небольшой логистической казус. Срочно требуется доставить небольшую посылку.

— Очень срочно, насколько я понимаю? — я приподнял бровь. Скорость импровизации Байты восхищала, но привлекательности откровенно мутной работёнке это не добавляло.

— Исключительно, коллега Тит.

— И людей у дома Орнаг для этого дела совсем нет?

— Почти все младшие нашего дома слегли с логореей. Последствия небольшого инцидента со зловредной потусторонней сущностью.

— И поэтому вы предлагаете специалисту по ксеноконтактам работу курьера?

— Считайте это... — Байта сделал несколько неопределённых пассов руками, — испытательным заданием. Посылка очень срочная и обладает весьма скверным характером. Более того, я гарантирую, что дом Орнаг поспособствует ускорению получения вами гражданства Клора, если вы согласитесь. С официальной регистрацией малого дома Сехем, разумеется.

Иногда я ненавижу себя немного сильнее, чем в другие моменты. Например, когда мне непреодолимо хочется влезть в нечто, что выглядит как сплошная непечатность, от чего за версту разит непечатностью и что, наконец, является одной большой непечатностью. Но ведь интересно же! Да и потом, в худшем случае я всего лишь умру, в первый раз, что ли. Тем более что доступ к ускоренному гражданству и хорошим юристам — вполне пристойная цена за голову, коллеги из полумифического Иностранного Легиона не дадут соврать.

— Я согласен, комбатант Байта.

— Вы нас попросту спасаете. Майор Хо, — от резкого оклика майор мгновенно вытянулся по струнке и, кажется, даже слегка подпрыгнул, — посылка для Ложи Рассвета Трижды Премудрого, без отправителя. Комбатант Тит, майор проведёт инструктаж.

На этот раз Хо вёл меня самым коротким путём. Всю дорогу я не мог избавиться от ощущения, что майор старается держаться от меня как можно дальше и косится с какой-то опаской. Наконец мы подошли к небольшому зарешеченному окошку в глухой стене.

— Полено для вязания. И бумаги, — чтобы быть услышанным, майору пришлось встать на цыпочки.

Несколько минут спустя я получил на руки некий объект, который лучше всего описывался именно что словом «полено», накладную на груз, топографическую карту города и записку с адресом: Канцелярский тупик, 46А, вход в подвал со стороны двора, попросить «отворить врата в разлом, за которым бушует пламень преисподней».

Т
И
А
М
А
Т

Т
М
А
М
А
Т

Т
А
Й
Т

Г
Л
Я
Ц

Здесь не живут даже драконы

0 400 800 1200 1600 2000 км

Глава 3. Липовый мёд

Перспектива: Байта Орнаг, потенциальный майор службы внутренней безопасности дома Орнаг

Борода — это хорошо. Борода — это надёжно. Борода всегда защитит от мелких надоедливых насекомых, всегда скроет мелкую мимику от всяких любопытствующих и, конечно, всегда накормит позавчерашним пайком. Окружающие могут видеть лишь то, что я позволяю им видеть. Сейчас, например, я считаю вполне уместным продемонстрировать подчёркнуто благодушное настроение. В связи с присвоением очередного звания. Так-то.

Я открываю дверь своего кабинета и десантируюсь в кресло. Добротное, мягкое кресло — артефакт бурной юности в фуражировошных бригадах. А данный экземпляр мы захватили, кажется, в тридцать четвёртом в Этре. Я провожу рукой по лакированной столешнице красного гофера. Дерево приятно холодит пальцы и как будто напевает гимн битве на самом краю сознания. Как всегда...

Дверь раскрывается без стука. На пороге стоит Силисик, Элетроймов ассистент. Губы плотно сжаты, глаза не видать под массивными защитными очками — очень, кстати говоря, странная комбинация для алхимика, который за пять лет практики потерял всего половину уха — пальцы задумчиво перебирают кармашки в нагрудной ленте. Если посетитель даже не пытается выглядеть дружелюбно, то с чего я должен? Я подвешиваю над столом крохотное, пальца в три, световое копьё, направленное в нагрудник визитёра. Мы изучаем друг друга.

— Ты куда пациента отцензурировал, гражданин хороший? — Силисик наконец решает обозначить причину вторжения.

— Куда-куда, — я демонстративно усмехаюсь. — Шкурку — на дно морское, посере́д залива Кайли, вестимо. А потроха пожру аки зверь голодный на шабаше полношном.

— Орнаг, твою непечатность да с прогиба, мозги мне не клепай. Ты понимаешь, что твоими стараниями по городу сейчас рассекает полноформатный антропоморфный мехадемон? Да-да, прямо с Той стороны, без дураков. Ты как его ловить собрался, башка твоя казённая?!

Я, очень медленно моргая, немного разминаю шею и, рассматривая ногти, с ленцой произношу:

— Ты, мирняк, демонами-гдемонами своими иди детей и пауков попугай. А мы тут серьёзные люди, заняты серьёзным делом, держим ситуацию под полным контролем и расследуем вмешательство Империи Минах Клия в суверенные дела городов Клорского Договора. Свободен.

Пальцы Силисика наконец перестают бегать и останавливаются на одном кармане. Я подкачиваю эфир в копьё. Силисик залпом осушает склянку с какой-то желтовато-прозрашной тягучей бурдой и подозрительно спокойным голосом говорит:

— Элетройма это запомнит, гражданин Байта. И я к ней присоединюсь.

Дверь закрывается. Я остаюсь один. Я расслабляю мимические мышцы, рассеиваю копьё и растягиваюсь в кресле. Наконец-то можно отдохнуть. Двадцать часов на ногах из-за всей этой чехарды с Сехемом. Но ради повышения...

Я замечаю странность в тенях в углу кабинета. Я переключаю спрятанный под крышкой стола рычажок — лампы переходят на истинный свет. В углу возникает силуэт, преследующий меня во всех кошмарах. Старый Хо как всегда пренебрег всеми социальными

условностями вроде стука в дверь или самой двери. Я выключаю истинный свет — Хо его ненавидит — но маскировка уже начала сбивать. Если присмотреться, то под мордочкой заплывающего жирком червя-буквоеда проступает измождённое лицо подростка с чёрными, лишёнными белков глазами.

— Тук-тук, — говорит старый Хо.

— Вы уже внутри, старший, — я не скрываю страха. Это бессмысленно.

— Вешно забываю, в каком порядке что делать. Вчера вот, представляешь, пришлось документы пальцем подписывать — с пером не справился. Совсем дряхлым становлюсь. Может, обновить тело, как думаешь? Это как-то не очень сидит. В плечах давит, рука правая подстёрлась, да и не только она. Третий по Ньютону, чтоб его...

От маскировки не остаётся и следа. Очевидно, у Хо настроение покошмарить кого-нибудь.

— Вы слишком строги к себе, старший. Вы, конечно, присутствовали при переговорах с представителем дома Серех, — я пытаюсь перевести разговор в конструктивное русло. О «стариковском» Хо может трещать буквально неделями. Пока собеседник не умрёт от голода, жажды или нехватки сна.

— Йеп. Молодец, капитан. Раскрутить Силисика на успокоительное — дело нехитрое, но всё ещё чертовски весёлое. Да, я чего зашёл-то. Контракт для Кузьмича у тебя тут?

Я молча закусил губу.

— Байта, твою непечатность да с прогиба, ты чем операцию планировал? Я вас, оглоедов, чему учу?

— Мы ведём войну уже пять сотен лет. Вы учите, что жизнь — это бой...

— Да не тому, башка твоя казённая! План! Тот, кто план имеет, имеет того, кто не имеет плана! Нашёлся же несалонный джазмен-самоучка на мою седую голову. Свободен, капитан. Отдыхай уже. Только шкурку мою в гардероб убери сначала.

Так я остался без повышения, сна и с коматозным пацаном на руках.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

Хо телепортировался за пределы поля обнаружения быстрее, чем я успел уточнить хоть что-нибудь. «Судя по отсутствию черенковского свечения, я могу заключить, что он был электрически нейтрален», — с усмешкой подумал я. Окошко, в котором выдавали поленья для вязания, отгородилось от внешнего мира массивной «бронзовой» дверцей. Знание пункта назначения — это, конечно, хорошо, но чтобы куда-то прийти неплохо и стартовую точку знать. Я вздохнул и углубился в изучение сопроводительных документов.

Наблюдение первое: буквы местного письменности выглядят как порядком мутировавшие, но всё ещё узнаваемые руны международного фонетического алфавита. Наблюдение второе: топографическая карта использует легенду, которую я знаю по прошлой жизни. Совпадение полное — вплоть до магнитного склонения с поправкой на дрейф полюсов. Наблюдение третье: база данных Талоса подсказывает, что местная орфография — не фонетическая. Я медленно закрыл глаза. Кто бы ни создавал письменность для Лён Ньол — языка Свободных Семей — это был лингвистический извращенец немислимого уровня. Вывод очевиден.

Я открыл глаза. Нет ничего нового под Солнцем. И этот мир при всей иллюзии чего-то Иного — всего лишь моя родная Земля через сколько-то там сотен лет после моей «смерти». В груди защемило. Значит, отец и сестра... Я зажмурился, отгоняя морок надежды — худшую из известных военной науке форм заблуждения. Местные никогда не слышали ни

про Лион, ни про Интерпол, ни про ООН. Не похоже это на мир, в котором мы выиграли войну против Бездны. Так что, агент, волю в кулак — и за работу. Карта в память загружена, текущая задача — сориентироваться на местности.

К центральному входу я вышел за минуту: мимо него меня проводили несколько раз за сегодняшнее утро, и других трёхметровых деревянных дверей с коваными ручками в локоть длиной я во всём здании не заметил. Небольшое толкающее усилие, пара шагов — и я окаменел. В небе светили три солнца: невыносимо яркое рубиновое, бархатно-зелёное и едва различимое на голубом фоне ультрамариново-синее. Когда диафрагма наконец вспомнила, как дышать, я отошёл с прохода и осмотрелся.

Передо мной была огромная — километра полтора в поперечнике — площадь, утопающая в зелени. По центру на совершенно чёрном постаменте стояла колоссальная статуя женщины, охваченной иллюзией пламени. Сквозь оранжево-голубое марево, из-под расколотых очков защитной маски прямо в душу сурово смотрели горящие зелёным глаза. Пальцы застыли, почти перезарядив что-то похожее на шестилинейную винтовку. Вокруг постаamenta по кругу выстроилось звено огнёмётчиков. Восемь огненных смерчей взлетали от них ввысь и бессильно обтекали шагающую вперёд фигуру.

Итак, я на крыльце резиденции дома Орнаг — вариант, который я до сих пор считал наиболее вероятным, но не единственным. Прямо передо мной площадь Свободы и памятник Йон Кандо. Местоположение определено, следующая задача — пройти пять с половиной километров до Канцелярского тупика. Желательно без происшествий.левой — правой...

В паре метров от меня беззвучно взлетел крупный ворон. На грани восприятия крутилось ощущение, что в нём есть что-то чудовищно неправильное, но что именно — я понять не успел. Проводив птицу взглядом, я спустился в голубовато-зелёную тень деревьев на площади.

Ноги шагали на автопилоте, а я тем временем во всю силу смотрел по сторонам. Люди вокруг были... обычными? Наверное, это самое точное описание. Да, слегка непривычный крой одежды. Да, некоторые открыто носят разнообразное оружие. Парадное, преимущественно. Инкрустация рукоятей револьверов стразами явно находится где-то в третьей десятке самых тупых способов получить бесполезный в бою кусок металлолома. Нет, окружающие не выглядят как по-настоящему инопланетная цивилизация. Вполне земные чудики. Вполне. Разве что импланты у них грубовато сработаны.

Я прошёл площадь практически насквозь и вышел на Пепельный проспект. Ателье и ювелирные по обе стороны проезжей части непрерывно генерировали пешеходов, уплотняя толпу в пульсирующий квазикристалл. Комбатантов вокруг было заметно больше, чем на площади. Будь я более склонен к необоснованному теоретизированию, я бы, наверное, решил, что лишь вооружённый человек может позволить себе закупаться местным товаром.

Я позволил естественному ритму проспекта вытолкнуть меня в узкий проход между двумя домами и перевёл дух. Не то чтобы проложенный мною маршрут через дворы был действительно короче, просто я всегда терпеть не мог толкучку. По-моему, нормальный контроль пространства вокруг стоит того, чтобы немного попетлять.

Словно в ответ на мои мысли, два потёртого вида типчика вразвалочку двинулись ко мне от дальнего конца прохода. Ботинки цвета пыли с разводами грязи, тканые штаны с растянутыми коленями, куртки без четверти пуговиц и, конечно, безупречные клетчатые кепарики с острыми козырьками. Я усмехнулся про себя. Кажется, только что был открыт

закон инвариантности гопоты. Бросив быстрый взгляд на брусчатку перед собой, я заметил тень ещё одного, приближавшегося сзади. Я перехватил «полено для вязания» поудобнее и ускорил шаг.

— Проход — два хвоста, — полусплюнул тот, что подходил спереди-справа. — На городское благоустройство.

Из-за моей спины донеслось приглушённое, но вполне отчётливое «хы-х». Позиции всех трёх установлены наверняка. Можно, конечно, вырубить всех одним заклинанием, но стоит ли лезть в чужую юрисдикцию? На культистов, отлавливающих жертву для омерзительного ритуала, вроде бы не похожи. Однако проверить никогда не мешает. Я запустил от себя лёгкую чёрную дымку, придал глазам максимальную брутальность при помощи розово-неонового свечения и наигранно хриплым басом спросил:

— А кто ваш покровитель, малыши-карандаши?

Левый передний расправил ладонь у пояса. Тот, что стоял за спиной, судя по всему, от этой команды застыл, едва сделав полшага ко мне. Итак, у старшего в тройке междушный ганглий присутствует и функционирует.

— Степной Волк, — правый передний прищурился, но говорить стал нормально. — А вот откуда ты тут такой да без оружия, дядь? Все знают, что благоустройством на Бирже Волк занимается.

По тому, с каким нажимом он сказал «все», я понял, что информация эта не только лишь для всех, но для того, кому знать надо. А остальные... Да кого они волнуют?

— Волк или не Волк — это меня не касается, — я издал звук падающего ведра с болтами. — Что проку заботиться о бытовании брэнном? Я спросил вас, дети мои, о покровителях не тела, но духа бесплотного, бессмертного, непреходящего.

Глаза главаря шарили по переулку, но в остальном он никак не выдавал беспокойства. А вот говорун малость подзавис. Так я выяснил, что функционирующий междушный ганглий есть не более чем у двух из тройки. Я решил помочь собеседникам и, широко разведя руки, спросил:

— Не желаете поговорить о Талосе имманентном, что проводит души сквозь континуум с сохранением непрерывности? В пятимерном пространстве вам никогда не потребуются дурь! Это ли не высшая награда для праведных?! Непокорные же получают бритву и раскалённый утюг!

В отличие от Хо Орнага, гопники перемещаться на сверхсветовых скоростях не умели, поэтому я ещё с полминуты мог наслаждаться первобытным ритмом панически бегущих ног. «Переигрываешь», — сказал мой внутренний критик, и я понял, что так и остался стоять с раскинутыми руками. И да, в левой оказалось зажато полено. Я почувствовал укол уязвлённого эго. Неужели гопники так впечатлились не моим перформансом, а всего лишь бревном?

«Сейчас обидно было», — отозвался внутренний критик. Я замер. В переулке абсолютно точно был другой разумный. Я сконцентрировался на датчиках электроёмкости и эфирных потоков. Пустота. Никого вокруг. Только одно сердце отбивало секунды: моё. И тем не менее...

Я повнимательнее взгляделся в эфир. Ну да, разумеется. Тестовое задание, чтоб его. Под иллюзией полена — отлично сработанной на всех основных сенсорных потоках, кстати говоря — скрывался эфирный аккумулятор неприличной, по стандартам моей прошлой жизни, ёмкости. И внутри аккумулятора сидело некая ехидная демоническая пошлятина,

успешно спародировавшая мой внутренний голос.

«Ну, привет», — сказала пошлятина. «Вообще-то, при встрече с сущностью из иного мира надлежит назвать её по имени, а не обзывать», — она попыталась изобразить негодование и обиду, но была при этом столь ничтожна и неубедительна, что вызвала во мне лишь отчётливое ощущение гадливости. «Ненавижу непотребство культистов», — дежурно подумал я. Во всяком случае, теперь бессмысленное задание заиграло новыми красками. Вот теперь это определёнno по моему профилю.

Дано: демон, сидящий в аккумуляторе и читающий мои мысли. Найти: способ самообороны. Решение: создать вокруг полена замкнутый контур, блокирующий перемещение эфира между внутренним объёмом и внешним пространством. Я поморщился. Расчёт и поддержание контура без материальных якорей с плавающими координатами — удовольствие сильно ниже среднего. Если слишком долго таким заниматься, мозги закипят в самом буквальном смысле. С другой стороны, адекватных альтернатив не просматривается. Потратив пару минут на адаптацию к новому мыслительному фону, я продолжил путь.

Вокруг меня теснились, наползая друг на друга, дома от трёх до пяти этажей. Некоторые — цельная, без единого шва «бронза», другие — некогда молочный, а теперь желтовато-серый и порядком пообколотившийся известняк-ракушняк, третьи, скорее всего, раньше были сложены из бруса, а теперь представляли собой набор разнокалиберных заплат из всевозможного мусора. Вонь атомного взрыва в ассенизационном обозе при холерных бараках делала воздух практически осязаемым, заставляя пробиваться вперёд сквозь тягучий как свежая смолка, полупрозрачный кошмар со вкусом растворённого в спирту горчичного газа. Лишь изредка над головой мелькали крохотные осколки небесного свода, запутавшиеся в хитросплетениях бельевых верёвок, крытых галерей, переходов и покосившихся крыш. Да и люди были под стать месту: троица хранителей врат сей юдоли нищеты телесной и духовной была самыми прилично выглядящими из всех, кого я встретил по пути. Во всяком случае, они не рассекали по улице в одном полуистлевшем гульфике, натянутом на лицо на манер маски.

Наконец мой нос сообщил мне, что я покинул Биржу. Я перевёл дух и проверил самоощущение. Порядка семи часов остатка для возможности держать контур вокруг полена. Приемлемо, но с чарами на воздушный фильтр я, конечно, затупил. Я огляделся. Дома вокруг не шли ни в какое сравнение с китчем Пепельного проспекта, но были чисты и аккуратны. Пешеходов почти нет, транспорта тоже. Судя по всему, я вышел к самому началу Канцелярского тупика.

Спустя пять минут неспешным шагом, я стоял перед совершенно гладкой «бронзовой» дверью. Короткий осмотр выявил шнурок звонка. Я потянул за него пару раз. Дверь приоткрылась. В щели, приблизительно на уровне моего локтя, появился серый глаз.

— Так отвори же врата в разлом, за которым бушует пламень преисподней, — сказал я. В голове промелькнула шальная мысль: «А вдруг и впрямь откроет?»

Глава 4. Хромовое сердце

Перспектива: Хо Орнаг, небелковая форма белки

Да, я могу менять тела. Нет, это не доставляет мне особого удовольствия. За сегодняшнее утро я сменил уже четыре шкурки, половина из которых были невыносимо невыспавшимися, поэтому теперь моя голова больше всего похожа на алмаз, сброшенный на мостовую с дирижабля. Раскалывается, короче. И причина моей головной боли сидит прямо сейчас напротив меня и глушит кофий тройной экстракции с таким видом, будто это у него было нелитературное утро.

— Сехем... — вместо только что крутившейся на языке фразы я пытаюсь изобразить проекцию гиперкуба на пальцах. Скверный фантомный перенос.

— Орнаг, — паданец, очевидно, сублимирует собственное раздражение, пытаюсь выбесить меня. Не на того напал, неудобь сказуемая.

Две чашки кофий спустя мне наконец удаётся направить все мысли в более-менее одно русло.

— Так, Тит Кузьмич, давай-ка мы сначала проясним ситуацию, а уже потом спалим в непотребство этот богами оставленный город вместе с парой престарелых филистеров.

Паданец медленно кивает. Предсказуемо.

— Про твой путь я знаю всё, — продолжаю я, — кроме, разве что, того, кто такой этот твой Талос.

— О, так ты хочешь поговорить о Талосе имманентном? — в глазах Тита Кузьмича загорается нехороший, лихорадочный такой огонёк.

— Нет, нет, во имя Великого Хана, нет! Мне ещё дорог рассудок. Бедолаги Степного Волка были достаточно выразительны. Поясни только то, что было после твоего входа в дверь Ложи.

Сехем откидывается в кресле, его взгляд теряет фокус, а пальцы начинают отстукивать какой-то рваный ритм по щеке.

— Ну, комбатант Хо, как бы тебе это сказать-то... Я сам не вполне уверен в том, как следует интерпретировать мои наблюдения, поэтому в рассказе буду придерживаться только фактов, включая мои моментальные оценки и исключая постанализ...

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

Дверь открылась, явив моему взору длинный прямой коридор и коротко остриженную девчущку-подростка в чёрно-зелёном балахоне.

— У меня посылка для Ложи Рассвета Трижды Премудрого, — сказал я. Ноле реакции. — Полено. Для вязания.

Девчущка молча кивнула, развернулась и пошла вглубь. Через несколько шагов она остановилась и посмотрела на меня, приглашая следовать за ней. Я пригнулся и шагнул внутрь. За моей спиной тихим щелчком закрылась дверь. «Как капкан взвели», — усмехнулся про себя я.

Мы прошли по коридору, залитому тусклым светом потолочной ленты, мимо десятка закрытых дверей, неотличимых от входной, поднялись по точной копии лестницы, по которой я спускался на подвальный уровень, и оказались в большом сумрачном зале, приблизительно наполовину заполненном клонами моей провожатой. Не полностью идентичными, конечно, но за типовыми балахонами заметить это было несколько

проблематично.

Привратница продолжала идти через зал напрямую, я следовал за ней, а толпа расступалась от нас в обе стороны. Меня терзали весьма конкретные опасения. Очень уж антураж был похож на сходку мерзких культистов. С другой стороны, если бы дом Орнаг хотел, чтобы я просто перебил всех присутствующих, Байта, скорее всего, дал бы хоть махонький полунамёк. А с третьей... Уж не связаны ли Орнаги с культурами Бездны?

В прошлом моём воплощении решение было бы очевидным: я бы сначала зачистил всех разумных, а уже потом разбирался кто тут антисоциальный элемент, а кто на косплей-вечеринку залетел. Не то чтобы меня за такое погладили по головке, но тогда помимо меня в Комиссии работали другие люди, которым платили за анализ ситуации, разработку планов и воплощение прочих мер, призванных оградить общество от моих методов ведения следствия.

Но здесь и сейчас, в славном городе Клоре, ситуация была в корне иной. Конечно, я мог работать как обычно — с непредсказуемым результатом от высшей награды до высшей меры пресечения, но такой расклад меня категорически не устраивал. В конце концов, одно дело — припугнуть пару-тройку гопников, и совсем другое — вырезать около полусотни подростков. Смерти детей почему-то расстраивают общество гораздо сильнее, чем просто смерти. Да, более внимательное изучение балахонников показало, что почти все присутствующие были не старше шестнадцати. Ситуация выглядела чем дальше, тем мутнее, поэтому я решил просто плыть по течению. Не было никаких причин не повременить полчаса с пламенным очищением. Куда спешить солдату разбитой армии?

По шестнадцати низким ступеням мы поднялись на обширный подиум и подошли к отливающему сталью трону. Из-под растёкшегося по сиденью балахона торчал кончик чрезвычайно веснушчатого носа. По обе стороны стояли по восемь привидений цвета хаки. Балахон-на-Троне отрастил указующий перст, обратил его на небольшой постамент и сказал: — Полено прибыло. Пришло время вязания.

Сначала я не понял, что эти слова были инструкцией, но тычок локтем в бедро от провожатой оказался весьма красноречив. Я поставил полено на указанное место и снял блокировку. Эфирный фон слегка заштормило от освобождённой энергии, но потоки быстро перестроились и успокоились. Я выдохнул. Я до последнего ждал, что демон из полена выкинет какую-нибудь пакость, как только получит поблажку, но всё обошлось. Во всяком случае, так я считал в тот момент.

Я достал сопроводительные документы и отдал их Балахону-на-Троне. Он пролистал всю пачку за пару секунд и сказал:

— Тит Кузьмич, вы готовы к прохождению тестового задания дома Орнаг?

— Да, — от того, что в истории с гениальным испытанием от Байты появился проблеск вменяемой логики, я испытал почти экстатическое облегчение. — В чём оно заключается?

— Простой спарринг. Встаньте в круг.

— Правила?

— Никаким образом не использовать всё, что вне круга.

— Это всё?

— Да.

Вокруг постамента с поленом загорелся рунный контур, которого до этого там определённо не было. Как ни странно, ловушки или чего-то подобного не наблюдалось. Просто примитивный гармонический щит, обрезающий все исходящие эфирные потоки с частотой выше семисот пятидесяти терагерц. Очаровательная в своей простоте система

защиты наблюдателей. Я сделал для себя заметку не жестить на ринге и шагнул внутрь.

— Братья и сёстры! — донеслось из-за моей спины. — Сегодня нам выпала честь испытать новую душу во славу и к пользе наших покровителей. Да будет это уроком для нас! Альхайла!

— Альхайла! — откликнулась толпа передо мной.

Тем временем постамент потихоньку наливался эфиром, и на последнем крике выдал разряд в полено, которое рассыпалось в сияющее облако рунной вязи. «Интересная реализация», — отметил я про себя. Разумеется, я бы никогда не стал делать такой контур призыва, особенно, когда призываемая сущность находится внутри самого аккумулятора, но мне, с другой стороны, никогда не приходилось организовывать тренировочные спарринги с демонами. Пока в воздухе сгушался силуэт твари, я по памяти анализировал радикалы контура. Поразмыслить там было над чем.

Во-первых, я насчитал три дубля основной линии, связанных в адамантаноподобную структуру. Резервная копия резервной копией, конечно, но это явный перебор. Во-вторых, в каждой из основных линий были «немые» участки, которые не выполняли никаких очевидных функций. Да, в сложных контурах иногда возникает необходимость в аппаратной задержке терминатора, но здесь точно было что-то другое: каждый «немой» кусок имел безусловные маркеры игнорирования в начале и конце. В-третьих, процентов девяносто в каждом контуре были вообще не про призыв. Сигнальные комплексы, датчики потоков, вычислители, анализаторы... Больше всего это походило на простенькую систему распознавания образов. Очевидного объяснения такой конструкции у меня не было.

Пока я распутывал хитросплетения рун, демон окончательно воплотился в виде миниатюрной ведьмочки, сотканной из чёрно-багрового света. Лицо скрыто фатой, в правой руке посох из скрюченной ветки, напоминающей лапу гигантской птицы. Ведьма сделала книксен. Я поднял руки через стороны вверх, соединил ладони над головой и опустил к груди. Несколько секунд мы просто стояли друг напротив друга.

Демон двинулась на сближение по широкой дуге, обходя меня слева. Я закатал рукава, прикрыл глаза и расслабился, сфокусировав внимание на сенсорах. Три метра. Ни намёка на атаку. Два метра. Эфирные потоки сгустились между когтями посоха. Полтора. Заклинание сформировано, но посох всё ещё направлен в пол. Метр. Я резко выбросил вперёд руки, одновременно раскладывая встроенные в предплечья клинки и открыл глаза. Лезвия блестели мириадами микрокристаллов, которых на них никогда не было. Что за? Непостижимый же Талос...

Ведьма ушла от удара полуоборотом, одновременно разряжая в меня кинетический импульс. Пол килоньютон? Несерьёзно. Странная. Обычно демоны не сдерживаются и сдают залп главного калибра в самом начале. Она боится меня? Оценивает? Играет? Не важно.

Мы шли вдоль границы арены, поддерживая оборонительные стойки. В чистой теории мои клинки могут парировать заклинания, но полевые испытания этой тактики каждый раз заканчивались в ремонтной мастерской. Я закрыл глаза. Противнику незачем знать, куда я смотрю. Пять шагов. Ничего. Десять шагов. Она сокращает дистанцию на полшага. Полный круг. Всё ещё ни намёка на действие. Я решил спровоцировать ведьму: поставил щит под гармонику её прошлой атаки и пошёл на сближение.

Полтора метра. Выпад правой на пределе дальности укола. Я открыл глаза. Демон сделала шаг с линии атаки и перехватила лезвие когтями посоха. Я подтянул себя,

полусложив правый клинок и одновременно рубанул левой, укрепив лезвие эфиром. Ведьма просто зажала второй клинок голым кулаком. Клинок. Спарринг наконец начался, не прошло и получаса.

Я отдернул ногу от удара острым каблуком по стопе и со всей силы пригласил демона продолжить движение, добавив ускорения заклинанием. Ведьма потеряла равновесие и прокрутилась вокруг меня слева. Я хотел уже добить её освободившимся правым клинком в спину, но вовремя заметил дымку инверторной защиты. Мы оказались прижаты друг к другу во взаимном захвате, при этом глядя в разные стороны. Паршивая позиция. Попытка движения назад или вправо ломала мне руку, а дернись я вперёд-влево — лишь раскручу нас вокруг оси. Но в бою ключевое значение имеют не только рефлексы и смекалка, но и что-то совершенно иное.

Прогнав через себя, наверное, половину эфира в радиусе метра, я туннелировал клинок сквозь кулак демона и резким отшагом разорвал дистанцию. Мы смотрели друг на друга с двух метров. Ведьмина фата совершенно почернела, и на ней проступил вишнёво-алый рисунок улыбки. Я не стал искать в этом никаких смыслов. Тривиальный отвлекающий манёвр.

Демон пошла в атаку. Посох замерцал и появился у меня за спиной, оставаясь при этом в её руках. Если бы я не следил за всем пространством вокруг — однозначно получил бы когтями по голове. Я уклонился разворотом и одновременно стабилизировал портал, из которого меня пытались достать. Один укол — и ведьма схватилась за пробитое сердце. Я развернулся к ней и стал аккуратно сближаться. Эти твари никогда на моей памяти не подышали так просто. Тем более странной выглядела картина передо мной.

Сквозь медленно тающую фигуру твари начали проступать обшарпанные доски пола. Посох и одежда исчезли совершенно, и я увидел её лицо. Лицо Кирзаш. Моей сестры. Если бы в тот момент меня атаковали — наверняка отправился бы на перерождение. Но ведьма лишь слегка улыбнулась одними уголками губ и на чистейшем английском прошептала:

— I've been missing you, my Executor.

Я завис в попытках собрать модель действительности, содержащую все наличные наблюдения. Успешная психологическая атака демона? Возможно, но маловероятно: стабильный образ был выбран до контакта со мной. Кира была демоном? Противоречие: мы проверяли всех оперативников. Стала? Недостаточно данных: неизвестно ни одного подобного случая.

Внезапно что-то щёлкнуло вне плоскости основных рассуждений. Когда работаешь с Бездной достаточно долго, сам становишься в некотором роде сверхъестественным существом. «Внутренний критик», которого я доставил в ловушке, и «ведьма», с которой сражался, были двумя разными демонами. И первый куда-то втихую свалил, пока я бумажки культистам показывал.

Я убрал клинки. Контур арены погас.

— Прекрасная работа, Тит Кузьмич! — Балахон-на-Троне встал и зааплодировал. Овацию подхватил весь зал.

Я всмотрелся в эфирные потоки вокруг. Демон должен создавать очень характерный узор. Материальной оболочки у него нет, вселиться в кого-нибудь за двести семьдесят три секунды от снятия блокировки он не мог — такой процесс занимает от двадцати часов.

Потоки выглядели нормально. Четверо сильных — для своих лет — магов, семнадцать средней руки, остальные едва до уровня поджигания собственной задницы дотягивают. Я

почти уже решил, что «критик» сбежал, когда случайно пересёкся взглядом с Балахоном-на-Троне. В его глазах не было белков. Сплошная матовая чернота.

Я человек простой. Вижу демоническую грязь — разгребаю. Минимизирую сопутствующий урон по возможности. Не успев толком обдумать ситуацию, я крикнул: «Вспышка!» — и жажнул душеломом. Занятная штука. Человеческий мозг воспринимает её как очень яркий свет. Приборы эту штуку вообще не видят. А вот эфирным конструктам от неё сильно плохее.

Пока балахонники вокруг приходили в себя, я вытолкнул почти весь эфир из зала и собрал блокирующий контур по периметру.

— Кузьмич, отнепечатать тебя... — начал было Балахон-на-Троне, но мгновенно столкнулся с активным шумодавом вокруг головы.

Я выжирал остатки эфира, сканируя всех вокруг. Все абсолютно нормальны. Почти все. У главного вокруг нейронов какая-то странная электрически активная помойка явно биологического происхождения. Очередной кусок пазла с щелчком встал на своё место. «Критик» занял заранее подготовленное место. Ему не нужно было подчинять пацана с нуля.

Балахонники устроили соревнование в непродуктивной деятельности. Кто-то пытался плести заклинания, игнорируя просевший на четыре порядка фон. Кто-то потихоньку щемился к дверям. Кто-то с очаровательной наивностью пытался окружить меня.

— Он одержим! — я указал на главного. — Не мешайте! Я изгоню демона!

Лицо Балахона-на-Троне перекошило так, будто ему выкрутили с десятков сосков одновременно. Однако он наконец осознал тщетность попыток докричаться до окружающих и зажёл на потолке надпись «ОБЩАЯ ЭВАКУАЦИЯ».

Пара особо настырных идиотов, которые умудрились то ли не заметить, то ли проигнорировать нещадно стробоскопящие буквы, разлетелись в стороны. Я уронил главнюка лицом в пол и обездвигил.

— Не дёргайся, малой, и всё будет путём, — пробормотал я сквозь зубы, одновременно пытаясь понять, что же за помесь жабы с гадюкой мне попалась.

Балахон-у-Подножия-Трона секунд пять извивался во все стороны как в припадке, а потом внезапно подозрительно обмяк. Я проверил дыхание и пульс. Оба в норме. Мозг сохранил человеческую схему работы. В паразитном контуре творилось что-то не очень понятное, но определённо материальное. И ни малейшего намёка на эфирный след демона.

Нельзя сказать, что я вполне понял, что происходит, но шестое чувство однозначно говорило, что опасности нет и не было изначально. Я потихоньку отпустил пацана, снял шумодав и аккуратно, внимательно следя за пространством убрал эфирную блокировку.

— При встрече со сказочными браннославами из иного мира надлежит назвать их по имени, — чуйка упорно твердила, что Балахон-у-Трона должен быть мне знаком, но я никак не мог сообразить, откуда. — Во всяком случае, я слышал, что таковы правила хорошего тона. Так как тебя звать, мил человек?

— А что там правила хорошего тона говорят про покушения на убийство? — сплюнул сквозь зубы малой. — Нашёлся ж экзорцист-самоучка, чтоб тебя панцирные пауки отнепечатали... Хо. Из дома Орнаг.

Пока я третий раз за день пытался пересобрать картину мира, балахонник встал без помощи рук и, интенсивно массируя переносицу, навёрнул пару кругов по подиуму.

— Так, — наконец произнёс он, — пойдём уже пожрём как люди. Там всё и обсудим.

Хо создал вокруг тела иллюзию коренастого мужичка в потрёпанном чёрно-зелёном

ките, и мы отправились на добычу калорий.

Глава 5. Кровь и потроха

Перспектива: Тоуро, прекариатический фитопланктон

Странный, чуждый город. Никогда, никогда я не смогу стать его частью. Никогда меня не примут в качестве равного негражданина. Они все говорят о том, как сами идут к вершинам. Лжецы... Ничтожества... Семьи — и только они — решают, кто будет сверху! Собирище древних чудищ и мелких лизоблюдов... Ненавижу! Не прощу!

Я покажу им, что такое Свобода. Я заставлю их услышать нас. Быстрый мультипликатор-пивовар да будет касаться их! Да станет Клор уголь-угольком! Да будет Воля моя...

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

Вероятно, Хо в этом заведении знали давно и хорошо. Пока мы восстанавливали точки зрения друг друга на произошедшее в Ложе, к нам не подошёл никто. Совсем. Но стоило Хо расслабленно откинуться на диване, и официант выпрыгнул как чёрт из табакерки.

— Господин Орнаг, рады видеть вас снова.

— Ага, и тебе не хворать, Тоуро, — Хо слегка улыбнулся. — Давай на усмотрение шефа. Только быстро. И побольше, побольше.

— Будет исполнено.

Официант поклонился и исчез.

Пару минут мы сидели молча. Я просто пребывал в моменте, одновременно изучая жирные разводы, намертво въевшиеся в столешницу. Хо прикрыл глаза и подставил лицо лучу света, случайно залетевшему сквозь пыльное окно. Первым заговорил я.

— Вот уж не думал, что товарищ майор такие заведения посещает-с.

— Кузьмич, не начинай, а? — Хо бросил на меня короткий косой взгляд. — Нормальная забегаловка. Готовят вкусно, порции большие, приносят быстро. В качестве приятного бонуса: ни у одного моего носителя не было побочных. Да и не майор я, объяснял же уже.

— Ладно-ладно, это я так, затравки ради. Кстати, а сколько тебе лет сейчас?

— Пятнадцать, сам же видел.

— Я не про тело.

— Что-то между пятьюстами и пятьюстами пятьюдесятью. Во времена Великой Войны та ещё путаница с датами была. Да и потом бывали... смутные, скажем так, годы.

— И ты ведь в курсе про ООН, верно?

Хо наконец повернулся ко мне и, пристально глядя в глаза, сказал:

— Я — да. Но лучше тебе, Тит Кузьмич, помалкивать про связи с ними. В конспиролухи запишут только так.

Несколько секунд я смотрел на пятно в форме кролоутки. Новости сегодня — одна восхитительней другой.

— Принял к сведению. Благодарю за совет, — я хотел бы звучать более искренне, но умудрился превратить эту фразу в оскорбление, заслужив саркастическую ухмылку от Хо. — И раз такое дело... Какой сейчас год?

— От чего считать будем? — Орнаг сцепил руки в замок за головой.

— Да как вы тут обычно считаете, так и давай.

— Мы — это кто? Я от Великой Войны люблю — четыреста восемьдесят первый сейчас. От Великой Застройки — шестьсот девяностый. Хотя если говорить про города в

Клорском Договоре, то мы чаще используем Основание Клора — четыреста тридцать девять лет назад. В Империи Минах Клия обнуляют счёт с каждым новым Избранным, но там сейчас вообще всё кувырком. А у Аксиота какая-то полная срамота, они там по секундам считают.

Это пояснение наконец помогло мне немного сориентироваться в той числовой мешанине, которую база Талоса выдавала по запросу времени. Не хватало только одного: привязки к нормальной системе отсчёта.

— Комбатант Хо, ты, как человек премного образованный, скажи, пожалуйста, а если переводить на нуклеоценовую или, на крайний случай, голоценовую эру, то что у нас теперича выходит? Или это один из вопросов, которые лучше не задавать?

— Да нет, задавай сколько хочешь. Тебя просто не поймут. Голоцен — это от основания Иерихона, верно?

Я кивнул. Хо некоторое время задумчиво стучал пальцем по столу. Принесли лапшу. Порции действительно оказались богатыми: с полкило, наверное. Плотный, манящий пар нокаутировал ароматические рецепторы букетом из домашних яиц, овощной поджарки, тушёного мяса и подливки, обещающей выжечь всё живое на своём пути капсаициновым цунами. Мы молча приступили к трапезе. Наконец, Хо заговорил:

— Без понятия. Этим рубежом на моей памяти только Твардовский пользовался, — я поперхнулся и добавил на стол пару новых пятен. — Знакомое имя?

— Ну, можно и так сказать, — пробормотал я. Мог ли отец дотянуть до этой их «Великой Застройки»? Конечно, человек, выживший во время Третьей и Последней мировых и более полувека возглавлявший отдел ликвидации в Комиссии по ксеноконтактам, неубиваем в принципе, но всему есть предел. Меня тоже бессмертным считали. — Был у нас один с такой фамилией. Кстати, а что с ним стало?

— Тебе какую версию пересказать? Ту, что проповедует церковь Отца Машин? Или из «Врановой песни»? Ту, к которой склоняюсь я?

— А кем он был... тот, которого ты знал?

— Так, Тит Кузьмич, ты моим добродушием злоупотребляй, конечно, но не слишком. Давай-ка теперь ты меня историями всякими порадуешь.

— Хорошо. Но сначала скажи, что, по-твоему, стало с Ольгердом.

— Вот так-так... — Хо отложил вилку и слегка прищурился. — Будем считать, что на один мой вопрос ты уже ответил. По-моему, он собрал-таки машинку для уничтожения человечества. Чтобы прекратить все войны разом.

— И?

— И начал с себя. Как обычно. Ты же сам его знаешь.

— Да, — я уставился в лапшу. Я не мог знать наверняка, насколько можно верить Хо, но эта история... она точно была про отца. Даже если была придумана. — Знаю.

Хо усмехнулся и намотал добрый навильник лапши.

— Вот скажи-ка, Тит Кузьмич, — Орнаг не стал утруждать себя тщательным пережёвыванием и немилосердно чавкал, — ты ж биомеханоид?

Я медленно кивнул. Разумеется, точнее было бы сказать «киборг», но что взять с аборигена?

— Душный или бездушный?

Стремительно крадущегося к столу Силисика я заметил первым. Во всяком случае, вилку Хо отложил уже после того, как его окликнули:

— Орнаг, или кто там на покатушках, я тебя с утра и аж до сюда ищу!

— Седо.

— Я к тебе не просто так. У меня документ имеется, вот как!

Силистик с такой силой хлопнул по столу папкой, что соус из моей миски решил перераспределиться по ближайшим окрестностям. Слева от меня раздалось вежливое покашливание. Я повернул голову, заранее ожидая, что поймаю пару косых взглядов за разговоры с недетектируемыми сущностями, но, кажется, никто ничего не заметил.

— Глядят — не пресытятся очи, — Талос даже не пытался сделать вид, что смотрит в мою сторону.

— О, это хорошо, что ты заскочил на огонёк, господин хороший, — мой голос можно было бы использовать вместо подливки в лапше.

— Но есть ли то, что ты не сможешь наблюдать, какими бы средствами для того не пользовался? — Его Божественная Непостижимость соизволил одарить меня взглядом, полным расплавленного золота.

— Я чего спросить-то хотел...

— Вопрос не был риторическим, братишка.

— А? — по старой памяти, я отметил странные сентенции как заведомо бессмысленные и потому потерял нить разговора.

Талос деланно вздохнул, передал мне мысленный образ закатанных глаз и повторил загадку:

— Что ты не можешь наблюдать в принципе ни при каких условиях?

Я завис. Солнцеокий разочарованно покачал головой.

— Знаешь, — Талос говорил медленно, как будто пытался объяснить что-то не слишком умному ребёнку, — иногда я спрашиваю себя, действительно ли ты есть тот, кем ты был раньше. Дам несколько более прозрачную подсказку, чем мне обычно свойственно: ты смотришь не туда. Обрати внимание на местную кухню. Такие дела, пацан.

Существо, выдающее себя за моего потерянного в детстве брата, исчезло, и я понял, что во время нашего разговора мир вокруг как бы стал статичной тенью самого себя. От такой магии — а в том, что это была именно она, у меня сомнений не было — меня терзали смутные предчувствия, а штаны мои — клокочущий ужас. Ни о чём подобном я не слышал никогда. Ни в чьём исполнении, ни в людском, ни в демоническом. Хотя свидетелей могли просто не найти.

Хо и Силистик тем временем продолжали самозабвенно препираться. Последний, очевидно, с трудом сдерживался от перехода к решительным действиям:

— Слухай сюда, если уж все мозги себе отшиндякал. Если вы, Бездной отцензуренные скабрёзники, не прекратите попытки уничтожить город при помощи своего капитального идиотизма, мы соберём срочный Конклав!

— Тише, сынок, тише, не кипятись, — Хо напротив сохранял вид подчёркнуто весёлый и благодушный. — Конклав — это хорошо. Конклав — это правильно. Но стоит ли отвлекать занятых людей от серьёзных дел каждый раз, когда у семьи Се ритуал призыва идёт немного не по плану?

Пикировка была в самом разгаре и заканчиваться в ближайшую геологическую эру явно не собиралась. Я сосредоточился на лапше. Что всё-таки имел ввиду Талос? Помимо того, что я якобы старею. Тоже мне новость нашёл. Это уже больше семисот лет происходит, и никто до сих пор не жаловался.

Внезапно мой взгляд зацепился за Тоуро. Официант вышел из кухни с каким-то предметом размером с голову, накрытым салфеткой, и встал приблизительно посередине зала. А потом всё полетело кувырком.

Резким движением Тоуро сдёрнул салфетку, явив миру некий плод порочной любви самогонного аппарата и освежителя воздуха. Я соскользнул в разгон восприятия, благо плотный обед давал некоторый запас по энергозатратам. Тоуро стал разводить руки в стороны. Какая-то сила определённо мешала ему. Я метнул вилку: магическое воздействие могло непредсказуемым образом повлиять на устройство. Хо перехватил вилку в пяти сантиметрах от Силисика и вопросительно посмотрел на меня. Силисик обернулся, с нечеловеческой скоростью выхватил из нагрудной ленты склянку с иссиня-чёрной бурдой и залпом влил её содержимое в себя.

Тоуро резко свёл руки, как будто хотел саркастически поаплодировать моей попытке, и завопил:

— Диск, запиши меня!

Устройство откликнулось оглушительным «Кря!». Я начал на предельной скорости втягивать эфир. Удар дезинтегрирующего заклинания повис радужной кляксой. Тоуро расплылся в безразмерной ухмылке. Это было счастье человека, летящего со скалы, на которую он карабкался всю жизнь. Остатков эфира едва хватило на глухой щит вокруг нашего стола.

И был пожар. Я смотрел на языки пламени, которые бессильно текли вокруг щита. В переплетении неоновых-красных вихрей с извивающимися линиями сплошной черноты определённо мелькали образы. Лицо Тоуро. Управляемые из-за углов смертельные пауки-тарантулы. Баклажан. Дом с палисадником в колониальном стиле. Бесшумные убийцы повсюду, даже у меня во дворе. Летучая мышь. Тридцать второй фортепианный концерт Моцарта, записанный специально для радио «Тысяча рек».

В чувство меня привёл укол вилкой в плечо.

— Не смотри в огонь, — прошипел Хо.

Я кивнул. Силисик почти доел мою лапшу, пока я восторженно ловил поток нейрошума.

— Ага, значит, как мировое зло изображать — это Орнаг, а как лапшу жрать, так, значит, мою? — возмутился я.

— Расслабься, Тит Кузьмич, — Хо уже снова расслабленно грелся в свете от окна. — Я ему туда стрихнина насыпал.

К такому откровению я оказался не готов. Силисик же невозмутимо всосал последние лапшины и залил в себя очередную склянку.

— Позёр, — фыркнул Хо.

— Уж кто б говорил, — проворчал Силисик, протирая салфеткой уголки губ.

Огонь тем временем начал терять яркость. Чёрные прожилки постепенно слились в сплошное дымное одеяло. Я сменил гармонику щита, чтобы взять пробы снаружи. Результат оказался предсказуемым: много сажи, мало кислорода и следовые количества окислов всего на свете. Приблизительная температура пламени: шестьсот — шестьсот тридцать по Цельсию. Время воздействия: девяносто четыре секунды с хвостиком. Никаких останков — что, кстати, очень странно. Безупречно пустое выжженное пространство. Эфирный фон возмущённый, но использовал его, судя по всему, только я. Очевидный вывод: хлопушка Тоуро была весьма магической. Скорее всего, с хорошим аккумулятором. Я развеял щит.

— Ну, мадама и жонтальмен Орнаг, позвольте презентовать вам последний мой

аргумент, — Силисик, очевидно, решил, что небольшое возгорание — не повод прекращать дебаты. — Что там у вас по легализации этого товарища?

Хо молча разглядывал медленно оседающие хлопья пепла. Я не видел особого смысла вмешиваться в разговор, хотя речь шла о моей судьбе. Без знания местного расклада вероятность огрести пятнадцать карат концентрированной головной боли вместо улучшения ситуации была слишком велика.

— Вот, то-то и оно, — Силисик назидательно поднял палец. — Так о чём вообще спор? Мы заберём его к себе, убедимся, что всё в порядке, и отдадим вам.

— Повредите мне инструктора — я буду капитально недоволен, — Хо так и не повернулся в нашу сторону.

Между тем из кухни вышел человек в чёрном фартуке и волосами, собранными в конский хвост. Он обвёл зал отсутствующим, ни на чём не фокусирующимся взглядом. Хо встал и направился к нему. Я пошёл следом. Подойдя ближе, я услышал бормотание:

— Размотало, повсюду размазало, с пола, со стен, с потолка капает... Сот с полсотни теперь вынь да положь... Не хочу клонировать сотрудников, одни хлопоты от этого, труды, заботы, всё...

Я почувствовал сильное возмущение эфира у главного входа. Хо резко развернулся и даже открыл рот, но я уже ударил кинетическим зарядом. В эфирном плане входящий был слишком похож на демона. Хо мгновенно сориентировался и уволок всё ещё пребывающего в прострации персонажа в сторону кухни: мне даже не пришлось ничего говорить.

Я разогнал восприятие до пятисот герц — почти предельной скорости. За нашим столиком Силисик флегматично доедал лапшу Хо. У входа было... нечто. Нормальные органы чувств фиксировали сплошной белый шум, ёмкостные детекторы не показывали ничего, а эфир растекался оттуда во все стороны, давая сплошную засветку при попытке хоть что-то различить.

Я закатал рукава, разложил клинки и двинулся ко входу. За моей спиной что-то начало воплощаться. Один удар дезинтегратора развоплотил его обратно. Я остановился у границы шума. Ничего не произошло. Силисик упорно делал вид, что ничего интересного не происходит. Я шагнул вперёд.

Трюк с телепортацией был настолько предсказуемым, что я улыбнулся наивности противника. Меня выкинуло в измерение, являющееся точной копией обеденного зала. Те же кружащие в воздухе хлопья пепла, та же пустота, тот же имитирующий безразличие Силисик за столиком в углу. Только эфирный фон превышен на шесть порядков. Всё вокруг было соткано из чистой магии, без единой нити реальности.

Я улыбнулся и от души рубанул стену. Сквозь разрез полился безупречно чёрный свет. Это было очень нехорошо: обычно такие штуки встречаются только совсем рядом с крупными прорывами Бездны. Свет закипел. Я заткнул разрез первым попавшимся эфирным потоком. Колдовать было откровенно страшновато: при таком количестве эфира воплотиться могла едва ли не любая мысль. Малейшее отвлечение в процессе — и привет первозданный ужас на девяти тоненьких мохнатых лапках.

Проникший в комнату чёрный свет собрался в облако чернильных пузырей, которые стали слипаться в человеческий скелет. Я попытался разрубить его, но клинки завязли в костях. Свет, медленно пульсируя, потёк ко мне. Я рванул лезвия на себя изо всех сил, но лишь ещё больше увяз в тягучей черноте. Тем временем поверх костей выросли мышцы, мышцы покрылись кожей, из воздуха возникли нити, на лету собравшиеся в форму

ликвидатора. Я стоял перед точной копией себя самого. И эта копия постепенно затягивала меня внутрь.

Осознав безнадёжность собственного положения, я начал наугад бить заклинаниями по всему подряд. Хлопья пепла стали алмазами. Силисик превратился в орущего по-испански манула. Доски стен покрылись арбузной коркой и взорвались, затопив всё вокруг невыносимым вечным сиянием очищенного от физической шкурки разума. Только моя тень продолжала поглощать меня. Боли не было. Я вообще не чувствовал рук. Была только слепая, беспомощная ярость.

Пробуждение оказалось резким и внезапным. Я стоял на одном колене у стены, в которой застрял мой правый клинок. Левый же был прижат к полу высоким сапогом бурой кожи. Его хозяйка с сочувствующей полуулыбкой сказала:

— Где же твоя нагината, святой человек?

Так я впервые встретил Джин Ферон.

Глава 6. Не так уж плохо в Аду

Перспектива: Элетройма Серех, человек помнящий

— Эл, а можно всё то же самое, но по-человечески? — Хо Орнаг во всех своих ипостасях всегда предпочитал притворяться тупайей.

— Повторяю для наделённых особенными талантами, — связки работали механически, пока мысли были поглощены вопросом о причине задержки Ферона, — я наконец смогла вытащить к нам inferнального демона из времён первой крупной войны с Той стороной.

— Зачем? То есть Кузьмич как боец, конечно, хорош, но...

— Есть вопросы к способности данного отдельного индивида к высшей нервной деятельности?

— Эл, я ни черта не понял. Говори по-человечески, пожалуйста.

Я вздохнула и запустила пятерню в волосы. Пальцы сразу покрылись жирной плёнкой. Нервная выдалась неделя. Впрочем, судя по тяжести симптомов фантомного переноса на морде Хо, не только у меня. Я очень терпеливо, по пунктам, продолжила доносить до типового образчика орнаговского способа мышления простые тезисы:

— Сехем — лучший из тех, кого можно достать нашим магическим колдунством. Значит, смотри, какое тут дело: все мало-мальски мыслящие ребята дожили до Великой войны. Результат тебе известен. У Твардовского одна нога тут, другая — там, Талоса, насколько нам известно, так и не удалось запустить, попытки обнаружить Суртова выдают, что он равномерно и изотропно распределён по всему пространству в каждый момент времени, а Кирзаш сидит в глухой обороне и не отвечает на мои мемы. Следующий по силе в документированной версии истории — Сехем. Он же Ал, он же Йор, он же «эй-как-тебя-там-и-что-ты-делаешь-в-нашей-локалке»...

Дверь открылась. В кабинет ворвался концентрированный спиртовой дух с нотками горчишного газа и, почему-то, роз. Следом за ним появился Гай Ферон. Хо театрально скривился и только что не сплюнул сквозь зубы:

— Ты что, пьян?

— Я бы ещё выпил, — парировал Ферон, падая в кресло.

— Так, граждане комбатанты, — я решила направить разговор в конструктивное русло прежде, чем два подизносившихся алкоголика нащнут трещать «о стариковском», — вернёмся к основной проблеме современности.

— Отдадим покойнику, — Гай нехорошо ухмыльнулся. Я подавила порыв спросить, о какой непристойности он говорит на этот раз: пояснения никогда не делали изначальные заявления более внятными.

— Основной проблеме современности, — с нажимом повторила я. — До тёмного сезона осталось от полугода до двух лет, а городские эфирахранилища заполнены едва ли на девять десятых.

— А проблема в чём? — удивился Хо. — Это же в пределах плана.

— Проблема, — Гай приложился к своей фляжке с барельефом в виде пробитой мечом золотой звезды с серпом и молотом, — в том, что добыча падает. Стремительно падает. Над сушей китов не видели уже лет пятьдесят, верно?

Мы с Хо молча кивнули.

— Над Тайтом и Уралом тоже пусто. Китобоям приходится уходить на две тысячи

километров в Тиамат. Я говорил раньше и повторю сейчас: если мы хотим дожить до света, вам, граждане, нужно повышать нормы добычи для Хельджакской Компании.

— Стоп, стоп, стоп, — Орнаг замахал руками. — Не пытайся нам тут мозги клепать. Хельджак и так на грани. Гораздо проще ведь завербовать людей для Гляца. Верно, Эл?

Я предпочла молча разглядывать горы за окном.

— Эл? — в голосе Хо прорезалось беспокойство.

— Полярные дома восстали, — сказал Ферон.

— И почему я узнаю об этом последним? — у Хо побелели костяшки кулаков.

— Потому что последнюю неделю дом Орнаг расследует вмешательство Империи Минах Клия в суверенные дела городов Клорского договора? — не удержалась от отравленной шпильки я.

Повисла ватная тишина. После очередного глотка из фляги Гай резюмировал:

— Моё мнение вы слышали. Я готов отправить любого из своих бойцов — хоть себя — в Хелькрай, если вы прекратите страдать непристойностью.

— Исключено. Мне нужно время, чтобы предложить альтернативу. И нам однозначно нужен срочный Конклав, — позиция Хо оказалась, в целом, ожидаемой.

— Мне это тоже не нравится до исключительности, — за сотни лет взаимодействия я наизусть выучила, что следует говорить, чтобы заставить старшего Орнага колебаться, — но в установленных альтернативах мы не можем отметить никаких потенциальных возможностей. Город должен выжить.

— Город должен выжить, — эхом откликнулись Хо и Гай.

— Раз уж по существенно важным вопросам все высказались и мы всё равно пока ни до чего не договоримся, предлагаю на этой душещипательной ноте закончить, граждане комбатанты, и обсудить то, из-за чего нам пришлось собраться именно здесь. Сегодня я выписываю Сехема...

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

Я собрался с духом и открыл глаза. Свет пятого моего утра в Клоре немедленно поджёт сетчатку. Я закрыл глаза. Чем я вообще занят? Хотя вернее было бы спросить, зачем я занят. Первая формулировка создаёт соблазн начать перечисление каждого действия, каждого процесса в теле и психике. Кстати, хороший редукционист вообще-то не должен их разделять. Впрочем, моё отношение к старым добрым редукционистам всегда было отстранённым. Слишком уж много из их рядов вышло мерзких, мелочных, вечно чего-то требующих, путающих способность к неконтролируемому словоизвержению с разумностью углеродных шовинистов.

Мои веки повторно открылись со звуком преодолевшей звуковой барьер межкомнатной двери. Торс сам собой принял субвертикальное положение, ноги же решили полежать ещё несколько минут. Как и следовало ожидать, поперёк комнаты тянулась полоса белоснежного йогурта, оканчивающаяся моим соседом по палате. На третий день принудительной госпитализации я спросил Силисика, что это за кабатчок и какого назаборного в этой больнице с планировкой творится, но Силисик сказал, что никакой смежной палаты в природе не существует. Кстати, Человек-Йогурт в тот день действительно никак не желал выдавать своего существования, так что в моей медкарте, скорее всего, появилась пометка о выраженной галлюцинаторной симптоматике.

Йогуртово-белоснежный человек сидел посерёд моей комнаты и растерянно хлопал глазами. Я снова лёг на спину. Эту картину я наблюдал уже не первый день и нового в ней

было ничуть не больше, чем в потолке надо мной. Конечно, Силисик дал мне ведро, швабру и даже тряпку для пола, но об их практическом применении речи у нас не шло. В чём вообще смысл уборки, если каждый день приносит с собой лишь ещё больше пыли? Зачем вообще выкапывать из-под пыли осколки прошлых эпох? Дайте и нам наконец отдых...

Но, видно, в другой раз. Йогуртовый издал громкий «плюх!» — значит, попытался встать. Закадровый смех. Ха-ха-ха. Если что и не меняется с течением времени, то это вообще всё. А большинство записей закадрового смеха были сделаны в середине СХХ века. Хозяева тех голосов даже до Третьей мировой не дожили. Повезло же людям. Шлёп-шлёп. Два раза. Йогуртовый смог встать и упорно пытается сохранить равновесие. Выглядело бы забавно, будь я завершённым дегенератом.

— Йогурт! — опять. Чума. Как. Же. Он. Меня. Достал. — Повсюду йогурт! С потолка со стен, даже с пола капает!

Я отвернулся к стене и попытался уснуть. Или, скорее, проснуться. Пусть даже и в качестве бабочки. Всё лучше чем это:

— В теле мёртвом и разлагающемся жизни больше, чем в хлебе нашем! Раса хозяев создала хлеб, чтобы кормить своих верных соглядатаев, одетых в чёрное оперение!

Я засунул голову под подушку.

— Они управляют миром при помощи грибов и радиоволн, скрытые от глаз в подземных залах!

Что. За. Кабатчина. Меня посетила отчаянно-гениальная мысль. Всего одно аккуратно сработанное короткое замыкание...

Я проснулся от чудовищного приступа кашля, заставившего меня сделать «склёпку». По щекам стекали капли холодной воды. Надо мной нависло лицо перемазанное йогуртом до состояния полной неразличимости черт. Прежде чем я успел прописать ему добротный шотландский поцелуй, лицо голосом Силисика заявило:

— Капитальный же ты свинтус, приятель.

Я спокойно выдохнул. Утренний кошмар кончился. А изнуряющую полуденную бессмысленность я как-нибудь переживу.

Спустя полчаса и три ведра воды я сидел в кабинете главного врача этого славного дурдома — Элетроймы Серех. Несмотря на открытое настежь окно, в воздухе чувствовался отзвук тройного одеколона. Главврач выглядела так, будто всю ночь провела в стиральной машинке с барабаном, полным камней. Синяки под глазами, помятое лицо, кое-как расчёсанные волосы с выраженным восковым блеском. Элетройма бросила на меня взгляд мёртвой афалины и спросила:

— Что? Опять?

— Вроде того, — пожал плечами я.

— Наши чары не обнаружили решительно никаких паранормальных чудачил. Вообще от слова совсем. Кроме тебя.

— Мои тоже.

Несколько мучительно долгих секунд мы смотрели друг на друга.

— Силисик сказал, что сегодня он наступил на, цитирую: «йогуртовую мину», — конец цитаты.

— Также он должен был сказать, что я в этот момент валялся в отключке.

Элетройма тяжело вздохнула и прикрыла глаза.

— Я сяду?

— Да, конечно.

Скрипнули доски паркета.

— Значит, дело вот какое: все основные и не особо тестовые проверки мы завершили, и теперь тебя выписываем. Для общества ты признан в целом безопасным, а в чём-то даже и полезным.

Я слушал молча.

— Разумеется, ты можешь послать всех в путь, противоречащий требованиям цензуры, но...

— Нет.

— Что — нет?

— Не могу.

Главврач слегка улыбнулась.

— Рада слышать. Тогда путь у тебя такой вырисовывается: ты сейчас выходишь от меня и направляешься к Гаю Ферону — он пробил для тебя полное гражданство, регистрацию малого дома Сехем и комиссарской мандат. Эта часть программы добровольно-принудительная, если, конечно, ты не являешься пассивным любителем тентаклей.

Я кивнул. Хотя с Гаем мне пересекаться не доводилось, навыки Джин произвели совершенно неизгладимое впечатление. Достаточно сильный аргумент, чтобы не нервировать дом Ферон лишний раз.

— Силисик подбросит тебя до площади Свободы — у него сегодня как раз деловые телодвижения в центре запланированы. Гай сказал, что, раз до пятницы он совершенно свободен — что бы это ни значило, — ты можешь найти его на Бирже, в «Забое». Дорогу сам найдёшь?

Я закрыл глаза, вытаскивая карту города из базы данных. «Забой» — жральня, другого слова она вряд ли заслуживает, слегка сбоку от площади, на которой расположилась, собственно, Батрацкая Биржа. Район вокруг, называемый вслед за этим знаковым местечком Биржей, я представлял себе весьма неплохо — насколько это вообще возможно, когда речь идёт о перестраивающейся чуть ли не ежедневно массе жилых и не очень массивов. Во всяком случае, ту часть, которая располагалась на уровне мостовой.

— Найду, — ответил я. — В крайнем случае, вы найдёте меня, следуя за великими разрушениями.

Элетройма бросила на меня подозрительный взгляд и протянула:

— Допу-устим. Если вдруг передумаешь — просто скажи Силисику. На этом у меня всё. Свободен, гроза застройки.

Главврач нырнула в работу с горой документов, осевшей на правой стороне стола. Когда я уже собирался закрыть дверь, она окликнула меня:

— Последнее, Тит Кузьмич. Если комиссарской оклад покажется исчезающе маловатым — мне всегда нужны толковые вспомогательные ассистенты.

— Спасибо, — я решил аккуратно уйти от ответа.

Бесшумно закрылась дверь. Я выдохнул. Осмысленная работа — это хорошо. Я осмотрелся. На первый взгляд, в коридоре я был один. Однако эту иллюзию разрушал торчащий из оконной ниши локоть в чёрном техническом халате. Я прошёл с десятков шагов и обнаружил сидящего на подоконнике Силисика, уплетающего за обе щеки гречневые колобки. Я усмехнулся.

— Будешь? — Силисик протянул мне пару. Славный парень. Хоть и срамовидец

редкостный.

— Не стоит. Идём. Труба зовёт.

— Тоже верно.

В целом главный госпиталь Серехов определённо был схож с резиденцией Орнагов на площади Свободы. Сугубо функциональные, безликие интерьеры, сглаженные углы, ощущение, будто всё здание за один приём отлито из «бронзы». Кстати, этот чудо-материал аборигены называли эльёд, и металлом он, в строгом смысле, не был. Силисик как-то пробовал мне объяснить технологию производства, но я быстро утонул в потоке «диссоциаций глинистых щёлоков» и «отпусках в соке амхалов». По какой-то причине база Талоса не справлялась с сопоставлением представлений местных алхимиков с привычной мне химической наукой. Всё, что я понял, — у эльёда есть множество разновидностей с очень разными свойствами, и делать из него можно почти что угодно.

Мы вышли с чёрного хода, прошли через небольшой хоздвор в гараж и сели в фургон с фамильным фениксом Серехов. Силисик замкнул на себя двигательный контур, проворчал что-то про «демонами клёпанную грудку болтов», поправил несколько рун и наконец вырулил на бетонку, ведущую в город.

Ехали молча. Силисик был весь в дороге, а мне было о чём подумать. Вот, например, Элетройма. Руководила памятной операцией после моего приземления именно она — в этом сомнений нет. Хотя бы потому, что слишком уж у неё характерный драматический тенор. Странный голос. И ведь наверняка есть какое-то объяснение, но спрашивать немного страшновато. Как выразился Хо, «в лучшем случае просто не поймут».

За окном фруктовые сады пригорода сменились типовыми многоквартирниками из грязно-серого кремнистого песчаника. Пешеходы стали попадаться значительно чаще. Небо разродилось мелкой моросью, больше похожей на водяную пыль.

Или взять возню первого дня, который я провёл в сознании. Что это вообще было? Зачем Хо вцепился в меня с такой силой, если очевидно не понимал ни с кем имеет дело, ни как всё поаккуратней обстригать? Только для того, чтобы насолить Серехам? Едва ли. Должно быть что-то ещё. Должно быть.

Тем временем сплошная застройка распалась на отдельные дома, окружённые садиками и парками — у кого побольше, у кого поменьше. Едва ли можно было найти два одинаковых проекта, но некоторые тенденции определённо прослеживались. Свежие особняки матово поблёскивали модными эльёдовыми стенами, украшенными немногочисленными, но очень детализированными рельефами. Постройки времён имперской оккупации хмуρο косились на улицу сквозь узкие окна-бойницы. Самые почтенные поместья были сложены из крупных и несколько грубоватых каменных блоков, порядком сточенных погодой и войнами.

Но пёс бы и с Элетроймой и с Хо, их мотивы я хоть насколько-то понимаю. Даже с учётом того, что совершенно не представляю себе, кто они такие на уровне аппаратной реализации. То, что не совсем люди, — это очевидно, а вот насколько — вопрос хороший. Действительные чёрные коты в мнимой коробке — это Фероны. Судя по всему, они — сильнейшие боевые маги в городе, если не во всём Клорском Договоре. Такие люди просто так услугами не разбрасываются. Особенно такими услугами, которые уже собирались оказать Орнаги. Вывод: отношения между Феронами и Орнагами весьма прохладные. Слишком уж ясно прослеживается «подрезка» ценного кадра. И всё ещё ни намёка на причину цирка. Я зажмурился, выровнял дыхание и снова открыл глаза. Интересная охота, нечего сказать. Всегда терпеть не мог возню бульдогов под ковром.

— Приехали, — голос Силисика окончательно вернул меня в реальный мир. — Точно сам дойдёшь?

— Откуда такая озабоченность, гражданин хороший? — настоятельные намёки начинали меня откровенно раздражать.

— Да просто Хо рассказал, как ты капитально начудил в прошлый выход в город.

Я смерил Силисика взглядом, исполненным жёсткого излучения, пронзающего душу, и поинтересовался:

— Жертвы есть? Нет? Вот и нечего докапываться.

— Ну, дело твоё, — пожал плечами Силисик. — Тогда выгружайся давай и топай отседава.

— И тебе хорошего деньку, — проворчал я, уже выйдя на тротуар.

Фургон потихоньку укатился в направлении рыбного рынка. Я пару минут постоял, наслаждаясь атмосферой тлена и всепроникающей сырости, соорудил простенькое заклинание на фильтрацию запахов и углубился в хитросплетение переулков Биржи.

Глава 7. Наше чувство долга

Перспектива: Дитерд Летучая_мышь, искатель последней истины

Фиксируем результат: Мисимис — идиот. А нам конец. Магистрат пустил по следу Феронов. Хозяева они там или не очень — дело двадцатое. Уж не знаю кого из Внешних богов благодарить за то, что хлопущка Тоуро сожрала его дурную душу. Остаётся только молиться, чтобы Джин забила на расследование, как она обычно и делает.

Впрочем, есть и кое-что более поинтереснее. Пять дней назад команда Острого нарвалась на какого-то мутного проповедника. Кахваджи утверждает, что Церковь не имеет к инциденту никакого отношения. Вообще-то, верить Кахваджи — себя не уважать, но тут слишком много деталей в пользу того, что персонаж — неместнее некуда. Интересно было бы с ним парой слов переброситься.

Перспектива: Мисимис Рак, искатель последней истины

Огниво высекло искру. Из искры возгорится жарко полымя. Когда-нибудь. Не сегодня. Но то, что скоро — это наверняка. А пока нужно позаботиться о том, чтобы полымя меня не опалило. Дитерд думает, что Джин Ферон забросит расследование. Вот только он забывает, что каким-то невероятным образом Джин каджий раз до сих пор доходила до ответа, как будто он ведом ей заранее.

А ещё есть тот странен проповедник, говоря о Талосе. Талос, Талос, Талос... имя знакомо. Откуда? Припоминания нету. Эка же жалость. Что-то из старых песен? «Разум Отца же тогда охватил мирозданье, и в зеркале вод он увидел ответ»... Нет, не то. Нужно переговорить с этим проповедником сам на сам.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

Биржа... Да что о ней вообще говорить? Хотя Клор огромен, Биржа — с большой буквы — в нём одна. Постоянных путей здесь нет, только общие направления, заданные почившим в бозе планом застройки. Спрашивать дорогу у залётных бессмысленно — они её не знают, а у местных — себе дороже. Потому что раз спрашиваешь — значит заблудился, а раз заблудился — значит стал законной добычей.

В прошлой жизни меня регулярно заносило в подобные места по обе стороны виртуальности — работа такая. И как бы аборигены ни стремились доказать «наружным» свою уникальность, отличались эти выгребные ямы разве что ароматом — в прямой зависимости от рациона жителей окружающих пространств.

Когда я добрался до Биржевой площади, время было уже к концу обеда. «Забой» встретил меня звенящей хвойной пустотой. Весьма неожиданный поворот. Доски обшивки не то чтобы сияли, но выглядели вполне чистыми и аккуратными. Я, если честно, ожидал чего-то похуже.

Обеденный зал был совершенно пуст, если не считать бармена, меланхолично полирующего стойку, и компанию из шести типов в углу. Я усмехнулся. Пожалуй, закон инвариантности гопоты стоит расширить до закона инвариантности криминала. Вот вроде совершенно непримечательные граждане: чистая, аккуратная одежда, воротнички на рубашках торчком, ничем предосудительным не заняты — сидят, потягивают пиво, никого не трогают. Ни дать ни взять — компания инженеров на обеденном перерыве. Только вот никаких инженеров посреди Биржи быть не может. Не собрался же тут совет по благоустройству района, в самом-то деле.

— Тит Кузьмич? — спросил бармен, не отрываясь от своего занятия.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— Третий орт, — бармен махнул тряпкой в направлении лестницы на второй этаж.

Я обозначил благодарность коротким кивком и молча миновал подозрительную компанию, проводившую меня пристальным взглядом одиннадцати глаз.

— Уважаемый, а вам не кажется, что мы с вами где-то уже встречались? — промурлыкал Гай, едва я переступил порог «орта».

— Не знаю, гражданин хороший, Клор большой, — ответил я и, выдержав небольшую паузу, добавил. — Но тесный.

— Ну, пошли что ль, раз пришёл.

— Куда?

— В штаб, вестимо. Заведение тут, конечно, славное, но не в это время.

Я пожал плечами. В штаб так в штаб — какая мне разница, где мозги жевать будут. Выходя, Ферон бросил на стойку три монеты в форме глаз. Бармен мгновенно смёл их, не удостоив нас даже взглядом.

— Тьма наступает, — проворчал Гай, плотнее запахивая ветровку в тщетной попытке спастись от вездесущей мороси.

— Она такая, — почтительно склонив голову, подтвердил я, заработав одобрительное «хех».

Говорить на улице не хотелось совершенно. Безотносительно соображений конспирации и прочих гостайн, каждое раскрытие орального отверстия приводило к взрыву интересных ощущений на кончиках вкусовых сосочков. Моё заклинание от запахов не было рассчитано на вкусы.

Мы прошли через Биржевую площадь, мимо сонных лоточниц и сидящих поверх вёдер странных субъектов со стопками мисок. Любопытство заставило меня слегка ослабить воздушный фильтр. Немного привыкнув к ошеломительному букету Биржи, я смог вычленил амбре, ассоциированное с вёдрами. Там было что-то явно органическое и, предположительно, условно-съедобное.

— Не отставай, — бросил через плечо Ферон, ныряя в наполовину вросшую в землю арку, ведущую внутрь архитектурного воплощения монстра Франкенштейна.

Внутри было преимущественно очень темно. Солнечного света местные обитатели не видели, скорее всего, даже в самые ясные дни. Изредка попадающиеся в самых неожиданных местах масляные лампы скорее чадили и стгущали тени, чем светили. То тут, то там поперёк прохода материализовывались неясного предназначения верёвки, лески и проволоки, норовящие побыстрее освежевать любого зазевавшегося мимокрокодила.

Когда мы, по ощущениям, вышли под пригород — путь явно вёл вниз — Гай остановился возле чего-то, что больше всего походило на бронепластину, выдранную из борта дредноута времён Первой мировой, посреди сплошной эльёдовой стены.

— Береги уши, Тит, — посоветовал Ферон и приложил руку к одной из бесчисленных заклёпок.

Я заметил, что дверь пропустила через Гая слабый эфирный импульс прежде, чем совершенно бесшумно сложиться внутрь себя. Моему взору открылась довольно-таки уютная прихожая, богато обставленная в стиле ар-деко. Оставив сапоги у входа, мы прошли в полупустой кабинет: помимо двух аскетичного вида стульев и вишнёво-красного бюро, в нём присутствовала только стойка с парой очень странных клинков. По виду что-то среднее

между длинным ножом и коротким мечом, лезвия слегка изогнуты, заточка на одном по внешнему краю, на втором — по внутреннему, гарды круглые, с орнаментом в виде цветков яблони.

Пока я рассматривал обстановку, Ферон развернул стулья друг к другу и жестом пригласил меня садиться. В его руке материализовалась фляга «Почётный сотрудник КГБ СССР», к которой Гай незамедлительно приложился.

— Будешь? — выдохнул Ферон, протягивая флягу мне.

Я решил, что отказываться будет несколько невежливо, хотя запах не предвещал ничего хорошего. Нос меня, к сожалению, не подвёл: внутри действительно оказался тройной одеколон — что, кстати, объясняло амбре в кабинете Элетроймы — и металлический привкус от корпуса фляги ничуть не улучшал ситуацию. Я закашлялся.

— Ну как, крепка советская власть? — усмехнулся Гай. — И давай сразу установим такой порядок: утром — дела, вечером — вопросы.

— «Золотой телёнок», что ли? — спросил я, потихоньку возвращая лицу симметричный вид.

— «Двенадцать стульев», вообще-то. Это — классика. Это — знать надо. И вообще, вопросы вечером. Я доступно объясняю или увеличить дозировку зелья взаимопонимания?

— Куда уж доступнее... — проворчал я. Хотя фероновские методы коммуникации были совершенно бесчеловечны, эффективность внушала благоговение.

Гай закрыл глаза, провёл несколько секунд в полной неподвижности и наконец перешёл к чему-то вроде существенных вопросов:

— Скажи-ка, гражданин Тит, а Элетройма тебе сказала про подработку у Хо?

— Нет. Определённо нет.

— Короче, наш дорогой двусторчатый призрак не далее как сегодня утром просил её передать тебе, что вакансия мага-инструктора в академии семьи Ор всё ещё открыта.

— А... — я даже не успел додумать, какой именно вопрос хотел задать, потому что был немедленно перебит.

— Вопросы — вечером. Первый раз прощается, второй — запрещается, третий, — Ферон покачал флягой, — ну, ты понимаешь, что я имею ввиду.

Я молча кивнул.

— Так вот, гражданин Тит, давай расставим точки в конце голосовых. Короче, я пробил для тебя гражданство, — короткая пауза в ожидании моего «ага». — Работу в Интерполе зачли как боевой опыт, и в благородство я играть не намерен. Силам Городской Превентивной Самообороны, командующим которыми я поимел честь состоять, — нечего ржать, название эти нецензурники придумали ещё до меня — отчаянно требуются люди. Работа как раз по твоему профилю, насколько я понимаю: охота по открытым листам и ликвидация. Ну и по мелочи там, если вдруг кайдзю какая-нибудь вылезет, то мы в первых рядах стоять будем. Интересная работа на свежем воздухе, дружелюбный коллектив, все дела. Только с окладом хроническая беда, но я спокойно отношусь к халтуре на стороне, пока это не в ущерб службе. Короче, не будь свиньёй — и будет тебе человеческое отношение. Соглы?

Я поднял руку, запрашивая паузу. Гай одобрил коротким кивком. Вообще-то, размышлять не хотелось. Соображение первое: из трёх глав домов, с которыми я имел дело за неполную неделю в Клоре, Ферон был самым... приятным? Не совсем верное слово. Он единственный сначала хоть что-то сделал — безвозмездно, кстати, поскольку явно заложил

возможность моего отказа — и только потом обозначил возможность вернуть добро. Хо, например, просто с порога втянул меня в какую-то невнятную многоходовочку, включающую малолетних культистов и противные гуманизму ритуалы, а Элетройма... Вообще-то, она была довольно вежлива, но, очевидно, не считала нужным объяснять даже те вещи, которые касались меня напрямую.

Соображение второе, логично проистекающее из предыдущего: Серех — в первую очередь учёная, Орнаг — политик, Гай же — гэбэшник от эпидермиса и до костного мозга, иначе говоря — свой в стельку. Хотя Контора Глубокого Бурения и не самая надёжная институция нашего профиля, но выбора-то особо и нет. Если, конечно, не учитывать старую и совсем не добрую третью альтернативу — уход в свободное плавание. Связанное соображение: шансы на одиночное выживание в обществе, с которым я знаком только по энциклопедическим справкам базы данных Талоса, стремятся к нулю. Сторону выбирать придётся, и Фероны хотя бы обещают максимальную степень свободы при разумном уровне обязательств.

Резюме:

— Во-первых, соглы, но во-вторых хотелось бы узнать, с кем работать буду.

— Учишься, непристойник, — расплылся в улыбке Гай. — На данный момент, пока ты ещё не подписал контракт, весь личный состав сил превентивной самообороны представлен мной, Джин — вы, кажется, уже пересекались — и Дайрегом Фероном — исключительно колоритный мужик, потом вас познакомлю.

— То есть четверо в сумме... — расклад выглядел не слишком радужно.

— Именно. Четверо лучших. В этом вся идея. Давай документы по-быстрому оформим и займёмся уже делом? — в голосе Ферона явно читалось острое желание приложиться к фляге.

Я кивнул и, бодренько проглядев стандартный текст, махом подписал всю стопку документов, извлечённых Гаем из глубины бюро. Среди прочих там обнаружился и комиссарский мандат, недействительный, кстати, без подписи входящего в должность. Но как только мы закончили, мой новый командир с лыбой от уха до уха выдал:

— Приятно иметь с тобой дело, коллега Тит. А на этом мои полномочия, так сказать, всё. Джин просветит тебя насчёт остального, хорошего деньку.

И прежде чем я успел хоть как-то отреагировать, Гай утёк за дверь, оставив на память стойкий запах иприта и тройного одеколona. Впрочем, времени чтобы толком обалдеть от такого поворота мне тоже не оставили: очень скоро на пороге встала яростно морщащая нос Джин Ферон. Она обвела хмурым взором комнату, уделив хоть какое-то внимание только клинкам, и рявкнула:

— Встал, вышел, пошёл за мной.

Я решил, что сыт подобным отношением по горло, поэтому только закинул ногу на ногу и откинулся поудобнее на спинку. Джин открыла и закрыла рот, прикрыла веки, собрала и развеяла какой-то витиеватый эфирный конструкт и, очевидно подуспокоившись, выдохнула:

— Извини. Просто Гай... Типичный Гай, в общем-то, но бесит от этого ничуть не меньше.

— Понимаю, — улыбнулся я. — И всей душой поддерживаю. Идём?

— Да, конечно, — Ферон слегка усмехнулась. — Только сначала нужно определиться, куда.

Второй раз за пять минут мои брови поднялись до верхней границы тропосферы. Джин тяжело вздохнула и пояснила:

— Наша текущая задача — расследование взрыва, который устроил Тоуро, прозванный Соплём. Да, того самого, после которого мы встретились в прошлый раз.

Я медленно кивнул. Интересно, это по Гаевой классификации «охота по открытому списку» или всё-таки «ликвидация»?

— Собственно, призыв призрака я уже провела... — Джин упала на второй стул и зажмурилась. — Тезисно: совершенно ничего полезного. Устройство имело демоническую компоненту.

— А для неспецов можешь пояснить? Я демонологию только с точки зрения экзорцизма знаю.

— Встроенный контракт с демонической сущностью, подписывается в момент активации устройства с тем, кому хватит дури запустить эту штуку. Технические детали интересуют или...

— Да, — перебил я.

— При активации, — Джин развела руки, повторяя последний жест Тоуро, — левую ладонь пробивает специальный шип. Кровь замыкает контур — сущность запускает машинку.

— А как этот демон на призрака влияет?

— Демоническая сущность. Разница принципиальная. А влияет отвратительно, как будто как-то ещё может. Разрывает связь, собственно, души с этим миром. Остаётся только эфирная тень, — Ферон поморщилась. Воспоминания о взаимодействии с «тенью» явно были не из приятных.

Я решил пока замять для ясности «принципиальную разницу» и сконцентрироваться на существенных для текущей задачи вещах:

— Что-нибудь полезное выяснила?

— Тоуро — псих. Был психом.

— Ну, это не новость, — усмехнулся я.

— В том смысле, что у него не было цели убить кого-то конкретного. Он просто абсолютно искренне ненавидел весь Клор в принципе.

— В чём-то я его понимаю.

Судя по косому взгляду Джин, шутка получилась не слишком удачной.

— Ладно, ладно, нечего смотреть на меня как на врага общества, — я поднял ладони, обозначая полную и безоговорочную капитуляцию, но Ферон только плотнее поджала губы. — Что-нибудь ещё?

— Тень запечатлевает последние прижизненные эмоции. Чудо, что хотя бы это уцелело. Продираться пришлось через тот ещё коктейль из воплей и проклятий.

— Понятно... И правда негусто. Владельца забегаловки допрашивала?

— Само собой, — лицо Джин перекосило, как будто она съела что-то не только мерзкое на вкус, но и совершенно неприемлемое по этическим соображениям. — Тезисно: если мы не впадаем в паранойю, то он точно не при делах, из хоть насколько-то полезного смог выдавить только то, что Тоуро жил где-то на Бирже.

— А мы впадаем в паранойю?

— Не вижу особых причин, — Ферон пожал плечами. — В этом городе поймать шальное заклинание проще, чем простуду. Так что наше происшествие шокирующее,

конечно, но Конклав всё равно паникует на ровном месте, как по мне. В конце концов, они сами последние полвека закрывали глаза на чёрный рынок оружия, так что меня больше удивляет то, что рванул этот чан с компостом только сейчас.

— Накипело, да? — я постарался звучать как можно сочувственнее.

— Да нет, в общем-то, — Джин чуть улыбнулось. — Просто вымоталась. Первичный отчёт, срочный Конклав на носу — третий за полгода! — а это ещё один отчёт, потом, ты не поверишь, отчёт для магистрата... Только вчера до самого расследования добрались. По моему скромному мнению, бюрократия когда-нибудь погубит этот город.

— Понимаю, коллега Ферон. Прекрасно понимаю. Есть вещи, инвариантные для любого места и любого времени, где есть более одного человека.

— Один человек — не человек. Для нормального функционирования налоговой системы нужно минимум двое.

С полминуты мы молчали, размышляя каждый о своём.

— Так с чего начнём? — Джин заговорила первой.

— На Бирже линейная полиция есть?

— Формально — да, но...

— Кого можно спросить про местный расклад, не связываясь с бандитами и прочими интересными личностями?

— Формально городской на Бирже — Кахваджи, но... — в округлившихся глазах Ферон плескался чистейший, стоградусный когнитивный диссонанс.

— Формально или не формально, а мы идём к Кахваджи, — отрезал я.

Глава 8. Пятна крови говорят мне вслед

Перспектива: Кахваджи Кхандо, человек в гармонии с окружением

Я так понимаю, мир устроен вот как: то про меня все забывают на несколько месяцев, а то всем всё и сразу подавай. Сначала Степной Волк — ему вынь да положь какого-то непонятого проповедника. И ладно бы хоть проповедник вообще существовал, так нет, Острый с ребятами с бодуна пошли на опохмел стрелять и встретили что-то среднее между тушканом и майцом. По-моему, история тут простая как водка с Батрачки: сначала ты ловишь белку, а потом белка — тебя, но Волк так не думает. Как будто он вообще думать умеет, подпивасник шерстяной.

И теперь вот опять: недели не прошло, заваливается новый городской комиссар в обнимку с Фероновской, гхм, гетерой и спрашивает: а где это у вас тут, гражданин городской, дикие бомбисты водятся, а то руки чешутся пристрелить кого-нибудь. Благородные, мать их неудобью сказывай. И когда только нового комиссара назначили вообще?

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

Улица встретила нас стеной из совершенно ледяной мороси. Джин в один приём собрала эфирный зонт, спугнув жирного ворона, меланхолично созерцавшего арку входа.

— Серьёзный птиц, — задумчиво прищурившись, заметила Ферон.

— Идём, — одёрнул я её. — Этот треклятый дождь, кажется, пытается растворить мою кожу.

Шли молча. Почти все обитатели Биржи забились по своим норам: за весь путь от площади до улицы Гравёров я увидел только одно совершенно голое и весьма косматое нечто, сосредоточенно обмазывающееся содержимым кучи помоев. Уже перед самой сторожкой городского Джин поймала меня за руку:

— Насчёт Кахваджи...

— Я весь внимание, — я решил не прятать саркастичного тона.

— Гениальные мысли вообще-то постоянно преследуют его. Но Гаев одеколон пока что позволяет Кахваджи оставаться быстрее.

— Ага...

Да, такое положение вещей вполне объясняло желание Ферон пойти к кому угодно, кроме городского. Но я привык ставить интересы службы выше личных симпатий. Короткий стук, скрип двери и укол сожаления о том, что не послушал доброго совета старшей коллеги. Казалось, что стены изнутри специально поливали вёдрами одеколona. Нотки отвергнутого пищеварительной системой обеда и задубевших от пота портянок завершали композицию боевого отравляющего вещества. А я, помнится, ещё думал, что на Бирже воздух не вполне свеж...

— Я справлюсь. Можешь подождать снаружи, — предложил я Джин, чтобы хотя бы один следователь в паре сохранял трезвость ума.

Она слегка улыбнулась, покачала головой и сплела воздушный фильтр. Я поднял собственную защиту лёгких, и мы шагнули в сумрак.

— Гражданин Кандо? — позвал я, осознав, что никаких признаков разумной жизни в сторожке не наблюдается.

Из горы лежащего у стены тряпья самого подозрительного вида показалась голова.

Голова обвела комнату блуждающим взглядом и спряталась назад. Я уже набрал воздуха, чтобы корректно, но твёрдо выразить неудовольствие неуставным видом контрагента, но Ферон меня опередила:

— Эй, алкашня, подъём! — рывкнула она, отвесив куче пинок с разбега.

Голова снова поднялась над уровнем ткани, промычала нечто нечленораздельное и попытался нырнуть назад. Именно в этот момент я понял: примат эффективности над гуманизмом — семейный принцип Феронов. Джин просто и незатейливо ухватила Кахваджи Кандо за ухо и, периодически срываясь на змеиное шипение, выдала чрезвычайно мотивирующую речь:

— Слушай сюда, кривоухая ты гряземорда! Либо ты сейчас же встаёшь и отвечаешь на вопросы гражданина комиссара, либо...

Далее городского одним рывком взяли на болевой. И на ещё один. И снова...

— Джин, — голос лишённого убежища Кахваджи сорвался на писк, — отпусти, больно же...

— Ты. Меня. Понял?

— Понял, понял, только не оторви!

Ферон фыркнула и разжала пальцы. Кандо кулём осел на пол, убаюкивая растянутое ухо обеими ладонями.

— Какая же ты всё-таки бессердечная непечатница, — прохныкал Кахваджи. — Видишь же: вокруг меня весь мир — жижа, а внутри совсем сухо. Как жить прикажете, когда такое творится с белым светом?

— Алкаш обыкновенный, — Джин решила провести для меня развёрнутое представление городского. — Ни чести, ни уважения, ни даже простого пива!

— Пусть пиво всякие Волки позорные хлещут! — едва ли Кандо мог выбрать менее удачный момент для защиты своего доброго имени. — А мы стоим на страже города! Да! Мы бойцы незримой войны!

— Войны с мировым заговором парфюмеров разве что, — устало проворчала Ферон. — Слушай, Тит Кузьмич, спрашивай быстрее, чего хотел, и пойдём уже отсюда подальше.

Честно говоря, я чувствовал себя при этой почти семейной сцене несколько лишним. Интуиция подсказывала, что пикировки вроде этой не раз случались в прошлом и, скорее всего, многократно повторятся в будущем. Фокусировка внимания на интересах службы потребовала заметного ментального усилия.

— Гражданин городской, — голосом несколько более твёрдым, чем требовали соображения заботы о коллеге в тяжёлом состоянии, начал я, — Силы Превентивной Городской Самообороны просят вашего содействия в расследовании террористического акта, имевшего место неделю назад.

— Чё? — реакция Кахваджи явно показала, что я сильно переоценил концентрацию крови в его внутривенном спирте.

— Тоуро Соплю помнишь?

— Каво?

— То-у-ро, — по слогам отчеканил я, присев на корточки перед собеседником.

— Соплю-то?

— Его самого.

— Помню, конечно. А чего с ним? Опять на уважаемых людей кляузы строчит, подстилка имперская?

Я переглянулся с Джин. Она пожалала плечами. Я продолжил по биту выуживать из тела городского информацию:

— Мы ищем его. Ты знаешь, где он живёт?

— Тоуро?

— Да, Сопля.

Лоб Кандо сморщился от интенсивной мыслительной деятельности, как пересушенная изюмина. Спустя полминуты Ферон демонстративно подпёрла стену и начала насвистывать какой-то незнакомый мне мотив. Через минуту я аккуратно начал прощупывать Кахваджи диагностирующими заклинаниями. Две минуты спустя лицо городского просветлело, и он на одном дыхании выдал:

— Шестая по Лампадке, там вниз раковальня, а галерейку Плитка держит — она ещё Арти отстёгивает. У Сопли конура в северном углу, на него ещё сосисочные всё жалуются, что он по утрам горшок в окно выплёскивает, им на лотки.

Я хотел получить комментарии практически к каждому слову, но Джин уже развернулась на выход.

— Спасибо, гражданин городской, ваш вклад неоценим, — прокряхтел я, возвращая обмякшее тело в пригретую берлогу.

Едва я вышел наружу, Ферон быстрым шагом направилась вглубь Биржи.

— Ты, кажется, поняла, что сказал Кандо? — спросил я, подстраиваясь под не вполне подходящий серьёзным людям темп движения.

Джин коротко кивнула и добавила:

— Кхандо.

— Что, прости?

— Его фамилия — Кхандо. «Ка» аспирированное. Кандо живут в Деновее, в Клоре ты ни одного не встретишь после той истории в конце войны за независимость.

Несколько метров я осмысливал полученную информацию. База данных Талоса утверждала, что Кандо и Кхандо — одна семья, и вся разница в том, каким диалектом синтана мы пользуемся. В клорском Лён Ньол верная форма — Кхандо, в аксиотском Риэн Мар — Кандо. Пока я размышлял о роли шибболета в политической самоидентификации, Ферон поинтересовалась:

— Тит Кузьмич, почему ты со вспомогательными заклинаниями так сильно тупишь? С боевыми, кстати, тоже, хотя и не столь критично.

— Что, прости? — суть вопроса дошла до меня не сразу.

— Вот, например, открыв дверь в нужник Кахваджи, почему ты сразу отсечку на запахи не поставил? Или когда мы после теракта встретились — у тебя была тысяча и одна возможность пробить блокировку пространства, но ты решил тупо и храбро рубить всё клинками.

— А, ты об этом... — я откровенно завис. Такие вопросы попросту не приходили мне в голову. — Наверное, слишком привык к эфирному голоду. В благословенные времена ООН нам выдавали полсотни капсул эфирного конденсата — по декачару каждая — на весь отдел на год.

— Интересно...

— А разве в Конторе Глобального Бесилова было иначе? Союз, конечно, даже отец не застал, но и Федерация до Третьей особо не славилась маготехникой вроде как.

Джин смерила меня долгим изучающим взглядом, как будто видела впервые, и

спросила:

— А с чего ты решил, что мы из Конторы?

Передо мной вновь раскрылась перспектива очередной пересборки картины мира. Хотя, конечно, нужно отдать должное Гаю: образ русского офицера сидел на нём безупречно. Но в то, что он просто забыл сказать Джин об их легенде, не верилось совершенно. Значит, никакой легенды нет. Следовательно, Гай шпарит одеколон из довольно редкого артефакта просто из любви к искусству. Итого: что вообще происходит?

Альтернатива: всё идёт по плану, и Джин кормит народ байками про то, что Конторы не существует. Плюс образ Гая: для того, чтобы играть на таком уровне, нужно быть профессионалом высшей пробы. То есть Гай так и так выходит гэбэшным-нелегальным персонажем. Только что проку выдавать себя за Бурильщика в мире, где никто не слышал про Контору? Не заради меня одного, в самом-то деле. Тем не менее, такое положение вещей выглядело значительно менее противоречиво. Его я и решил придерживаться.

— Так, гражданин комиссар, — сказала Джин, когда мы дошли до чего-то, что напоминало бы перекрёсток, если бы сквозной проход не был перегорожен дециметровыми осадочными отложениями, — добро пожаловать на краткий курс ориентирования в Бирже. Сейчас мы сворачиваем на Лампадку — на архитектурном плане она отмечена как Проектируемый проезд номер двадцать два — и начинаем считать все проходы внутрь, кхм, зданий.

— Так, погоди, — я решил сразу расставить все точки в конце голосовых, — а если бы мы шли с другой стороны?

— Лампадка тупиковая.

— Она же проектируемый проезд?

— Да.

— Тупиковый? — а ведь ещё поутру мне казалось, что я неплохо ориентируюсь в этом районе.

— Именно. Привыкай, — Джин послала мне сочувствующий взгляд. — Здесь бал правит исторический принцип. Не ищи логики. Сколько проходов прошли?

Я задумался. Эльёдовый портал у перекрёстка, круглый зелёный лючок, нечто смутно прямоугольное, перекрытое массивной шторой цвета грязи с мостовой и кособоковое чудовище с кое-как подогнанной деревянной дверцей, итого:

— Четыре.

— Пять, вообще-то. Дай-ка угадаю: ты пропустил дыру от раскрошившегося известняка?

— Но туда же разве что ребёнок протиснется...

— Каждый проход означает каждый проход, понял? — Ферон наставительно подняла палец. — Без исключений. Даже собачьи дверцы.

— А как быть со скрытыми?

— Ты их не увидишь всё равно, так что расслабься.

Мы остановились около массивного железного люка, наклонившего потёки ржавчины под сорок пять градусов к горизонту.

— Знаешь, если бы мне приходилось каждый день спускаться в такую нору, то я бы тоже, наверное, хотел разнести весь мир к чертям, — задумчиво прокряхтел я, преодолевая сопротивление надсадно скрипящих петель.

— К галерее Плитки вообще-то есть нормальный путь, но Кахваджи с похмелья вспомнил самый короткий, — флегматично бросила Джин, никоим образом не содействуя

моей борьбе. — А может, из принципа решил устроить тебе это развлечение. Он, вообще-то, мужик сообразительный, просто одекOLONится уже с неделю.

— Так, стой, — я резко распрямился, и люк вернулся к естественному состоянию, спугнув грохотом нескольких воронов. — С этого момента поподробнее.

Ферон кивнула.

— То есть мы могли просто зайти внутрь как нормальные люди, а не будить полквартала?

— Могли. Но тогда ты бы остался без курса ориентирования на местности.

— И Кахваджи можно было не мучить?

— Не, это, прости, святое, — Джин грустно усмехнулась. — Нечего на Гаевы разводки вестись. И, к вопросу о, ты мог его от этого избавить одним заклинанием на вытрезвление.

Я попытался просверлить Ферон взглядом. Она лишь широко улыбнулась, прикрыла веки и подставила лицо струям дождя. С десятков секунд мы слушали стук капель. Я понимал, что Джин совершенно права, а я на самом деле порядком затупил. Там нужно было, конечно, немного больше одного заклинания, да и в медицинских я никогда не был силён, полагаясь больше на достижения науки, но по фактам всё сходилось. Однако это понимание ничуть не унимало пытающейся прожечь грудь ненависти. Я процедил сквозь зубы:

— А Кахваджи-то прав был.

— В самом деле? — Ферон не то что не повернулась ко мне — даже глаз не открыла. — Идея идти мучить Кахваджи — целиком и полностью твоя, между прочим.

— Во-первых, я про Кахваджи не знал, а во-вторых, я спрашивал про другие варианты! Это ты только одна назвала! Откуда бы мы ещё узнали про комнату Тоуро? И так, для справки: квартировладельцы в подобных ситуациях стараются как можно быстрее нового жильца найти, так что ждать нам никак нельзя было!

— Ты спрашивал про линейную полицию, а не про жилище Тоуро. Спросил бы про Тоуро — я бы тебе сразу ответила, Гай это ещё вчера выяснил. У того же самого Кахваджи, кстати, в процессе абсорбции спиртосодержащих веществ.

— Непечатница ты бессердечная.

Джин звонко расхохоталась абсолютно счастливым, невинным смехом человека, услышавшего пушистую новость о прекрасных котятках. Я же чувствовал себя совершенно опустошённым и оболваненным. Пустота в груди нашёптывала, призывала, требовала наполнить её. Например, в компании Гая и городского. Джин же тем временем отсмеялась, повернула ко мне сияющее незамутнённой благостностью лицо и только что не пропела:

— Ты только при Гае такое не ляпни. Он за оскорбление дома может и сатисфакции потребовать.

Я остался молчалив и недвижим.

— Ладно тебе, Тит Кузьмич, чего надулся как дирижабль в стратосфере? — Ферон изобразила выражение вселенского сочувствия и принятия и протянула ко мне раскрытые ладони.

Иногда логическая цепочка складывается сама собой — нужно лишь накопить достаточный объём данных. Будто при взблеске молнии увидел я, как глупо просчитался, и понял все расчёты своих, да простит меня за такое отец, сослуживцев. Фероны — действительно гениальные актёры. Они могут сыграть что угодно, даже ненавидящего любые дурманящие вещества клорского контрразведчика, изображающего имперского

шпиона, притворяющегося агентом КГБ с алкогольной зависимостью. Верить нельзя ничему из того, что они показывают. А гадать о том, есть ли хоть что-то настоящее под масками, скрытыми за другими масками, — самое неблагодарное дело на свете.

— Итого: мы потратили полтора часа на, прости, что? — мой голос стал ровен и бесстрастен.

— На обучение хронического боевика азам оперативной работы, не подразумевающей ломания лиц. И командному слаживанию, разумеется, — Джин продолжала освещать пасмурную хмарь лёгкой полуулыбкой.

— Если так, то эффект скорее отрицательный.

— Но он есть. Главное — не стагнировать.

Я покачал головой и тяжело вздохнул. Слишком сильно я привык доверять напарникам — в боевых заданиях иначе нельзя. А обманутое доверие — пусть и профессиональное — чувство крайне паршивое. Ферон была права на все двести процентов. Да, я тупой боевик. Да, я привык к работе в команде других специалистов. Да, с собственно расследованиями и анализом данных я был знаком только благодаря стандартной интерполовской подготовке. И всё это в сумме не отменяло того факта, что Ферон — бессердечная непечатница.

Я встретился взглядом с чрезвычайно упитанным вороном, чистившим перья метрах в десяти от нас. Шестое чувство кольнуло сознание смутной тревогой, но я был слишком погружён в проработку нового понимания границ доверия при взаимодействии с Силами Превентивной Городской Самообороны, чтобы обратить на это внимание.

— Так и будешь ждать, пока дождь растворит все вещдоки? — спросила Джин, одновременно запуская ускоритель коррозии.

Люк бесшумно осыпался кучей ржавой пыли, немедленно подхваченной ручейками, устремившимися вниз по открывшимся ступеням.

Глава 9. Все твои драгоценные страхи

Перспектива: агент Дознаватель, локальный идентификатор «Vi-209»

Шесть километров породы над головой — это хорошо и надёжно, но не очень удобно. А для обычных людей так и вовсе смертельно. С другой стороны, все обычные люди скоро пятьсот лет как вымелись с Земли. Скатертью дорожка, как говорится. Хотя можно ли считать тех геномодов обычными людьми? Хороший вопрос, обдумаю как-нибудь потом.

А вот актуальные новости гораздо интереснее. Ликвидатор объявился в Клоре. Естественно, Прямоходящий тут же взял его в оборот. Вообще-то, надо его вытаскивать. Хотя бы из соображений профессиональной солидарности. Но родственные чувства однозначно говорят, что лишать мелкого такой хорошей школы — преступление против семьи. Отец однозначно не оценит. Так что пусть пока поднабьёт собственных синяков. Мне, например, это однозначно на пользу пошло.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Pa-233»

Джин начала спуск первой. Я в последний раз оглядел пустую улицу, цыкнул на обнаглевшего ворона и отправился следом. Внутри было главным образом темно. Меня пробило острое дежавю. Мы остановились у конца лестницы, на краю охристо-красной лужи. Ферон развернулась ко мне и сказала:

— Раковальня прямо. Нам навверх, галерея Плитки на втором.

Я кивнул.

— Ты понимаешь, зачем было всё представление?

Я снова кивнул.

— Проговори, не сочти за труд.

— Я... — я закашлялся от продравшего горло духа сырой плесневой затхлости. — Я начал руководить, толком не понимая местную ситуацию.

— Верно. Признаю, я слишком раскиселилась в штабе, — Джин тяжело вздохнула. — С Гаем такое постоянно. Пойми правильно, он безусловно эффективный руководитель, но нервы подчинённых не бережёт совершенно.

Я усмехнулся. Ферон пару секунд не моргая изучала меня, а потом продолжила:

— Ты должен усвоить основной принцип нашей работы: не понимаешь — не лезь. С вероятностью в сто двадцать процентов вляпаешься в разборки между Семьями. И оно тебе не нужно, поверь.

Я молча кивнул. Мы начали подъём по скрипучей деревянной лесенке, половина ступеней которой состояла уже скорее из грибного мицелия, чем из целлюлозы. В одном пролёте от второго этажа я окликнул Джин:

— В следующий раз просто скажи, что меня заносит, хорошо? Пожалуйста.

— А ты в следующий раз сначала выслушай меня до конца, — не оборачиваясь, бросила Ферон. — Договорились.

Мы молчали до самой галерейки. Честно говоря, место это вызывало у меня острое желание достать огнемёт. Или, на худой конец, вызвать архнадзор. Потому что нависающий в трёх метрах над мостовой настильчик с зазорами в ладонь между досками, кое-как перекрытый холщовым тентом — это прямая угроза благополучию, здоровью и жизни честных горожан. Не то чтобы таковые хотя бы раз наблюдались в радиусе полукилометра, но всё же.

Когда мы обнаружили Плитку, я понял, что огнемёт мне не очень нужен: она преспокойно варила какую-то бурду, пахнущую точь-в-точь как хрючево из вёдер на Батрацкой площади. На открытом огне варила. В общем, да, если вас беспокоят идиоты — просто не трогайте их.

— Хозяюшка? — тихо позвала Джин.

Плитка вздрогнула всем телом, резко повернулась к нам и с елейной улыбочкой затараторила:

— Госпожа комиссар, какая приятная неожиданность! А я вот как раз обед для жильцов варю и всё думаю: где ж это наша благовоительница, почему это её давно не видно! Проходите-проходите, присаживайтесь! Я отварчику заварю, знатный отварчик, вчерась только у дядюшки Ли на Цветном закупалась, а он такой затейник до этих дел, ну, вы и без меня знаете!

— Я бы с радостью, хозяйюшка, но времени совсем нет, — Ферон умудрилась прервать словоизвержение, изобразив при этом совершенно искреннее сожаление.

— Всё служба? Да что ж они, изверги, делают, это ж уму не растяжимо — сколько работать-то можно! Вот бы вам хотя бы денёчек роздыху дали, а то всё кружитесь, кружитесь как шестерёночка...

— Что ж поделаться, хозяйюшка, Клор превыше всего, — на этих словах Плитка энергично закивала. — Так вот, вы не могли бы нам комнату Тоуро Сопли показать?

Плитка заметно напряглась и, замедлив речь раза в три, спросила:

— Опять натворил чего? Я его давненько не видела-то, так что сама знать не могу.

Джин посмотрела на меня и кивнула. Я прикинул ситуацию, собрал в кучу все разрозненные сведения о местном законе, нашёл самое серьёзное преступление и, придав голосу всю возможную официальную сухость, отчеканил:

— Тоуро Сопля разыскивается по обвинению в покушении на жизнь Хо Орнага.

Плитка застыла с открытым ртом и села прямо на месте. Спустя семь секунд она закрыла рот, сфокусировала взгляд на мне и спросила:

— А вы-то кем будете, гражданин?

— Комиссар Сехем, Тит Кузьмич, Силы Превентивной Городской Самообороны, — ответил я.

— Ага-а-а... И, стал быть, город обороняете? Превентивно.

Я молча кивнул.

— Хозяюшка, — Ферон решила вернуть разговор в нужное нам русло, — покажите комнату.

— Да-да, конечно, — Плитка встала одним резким движением, скривившись, схватилась за поясицу и мелко засемила в коридор.

Пока мы шли за ней, Джин оценила мою работу мимолётной улыбочкой. Коридор завершился глухой, насколько это слово вообще применимо к конструкциям галереи, стеной, в нижней четверти которой на паре гвоздей болталась засаленная шторка.

— Вот, господа, вот здесь этот паршивец жил, — от нервов Плитка затараторила ещё быстрее прежнего. — А я ему говорила, говорила, что не дело, не дело так жить! Вот отец его — тот уважаемый человек был, хороший охотник за головами, городу верой и правдой служил, а этот что? Наслушался дури этой, которую на Батрачке по вечерам несут, книжек аксиотских начитался — и вот-те на-те, в бомбисты подался! Какое счастье, что матушка его не дожила до такого, её б, бедняжку, тут же удар хватил бы! Какая была женщина, добрая,

щедрая...

Пока хозяйку несло, я проверил пространство за стенкой ёмкостным детектором и парой заклинаний. Картина вырисовывалась следующая: комната, маленькая, подозрительно пустая. Неестественно пустая. Но опасности — очевидной, во всяком случае — нет. Я поднял руку, призывая к тишине. Речь Плитки резко оборвалась.

— Мы тут пока осмотримся, — сказал я. — А вам, вероятно, нужно вернуться к готовке.

Хозяйка энергично закивала и бочком-бочком упорхнула за пределы прямой видимости.

— Я проверил ту сторону. Чисто, — отчитался я Джин.

— Я заметила. Теорию ещё обсудим. Просто держи в уме, что «эфирного голода» не только у тебя нет.

На пару секунд я завис. Нюансы, нюансы, сплошные нюансы... Но хотя бы начало проступить общее направление развития. Я решил уточнить:

— Так я пойду первым?

Ферон коротко кивнула.

Вежливое покашливание настигло меня в тот самый момент, когда я уже наполовину заполз в комнату. Я резко рванул вперёд и чуть не напоролся глазом на мушку охотничьей двустволки.

— Да не парься, мистер Тэ, не сделаю я пацану ничего, — промурлыкал восседающий посреди комнаты на массивном кресле-качалке субъект по ту сторону ружья.

Талос явно попытался что-то сказать, но остался беззвучен. Я медленно встал и осмотрел субъекта. Кресло из странного красного дерева. Мозг упорно утверждал, что дерево поёт, но уши не зафиксировали ни звука. Клетчатый плед на коленях. Бурый кожаный поперх молочно-белой блузы. Массивные круглые очки в роговой оправе. Широкополая замшевая шляпа. Немигающий взгляд серо-стальных глаз. И, конечно, два воронёных ствола, нацеленных прямо на меня. Хмда, интересная картина.

— А, gaikojuin, проходи, не стесняйся, — бросил субъект Джин, которая каким-то образом оказалась справа от меня. Выглядела она откровенно паршиво: лицо цвета блузы нашего нового знакомого, обескровленные губы сжаты в тонкую линию. — Ну вот чего вы начинаете сразу, а? Я разве кусаюсь? Врежу? Вот то-то же.

Соображение первое: я проверил комнату. Когда Плитка убежала от нас, внутри всё ещё было пусто. Маскировки, одновременно скрывающей от физических и эфирных сенсоров, в природе не существует — тут либо-либо. Комната была пуста. Соображение второе: существо передо мной не является демоном. Отсутствует характерное возмущение эфира. Связанный вопрос: насколько полны мои знания о демонах? Корректировка: существо передо мной не относится ни к одному известному мне виду демонов. Соображение третье: существо способно к имитации человеческой речи. Осмысленной речи, адекватной изменяющейся обстановке. Следовательно, когнитивные способности существа не могут быть ниже вычислительного предела Сёрла.

Резюмировать размышления я не успел, поскольку субъект с ружьём заговорил вновь:

— Род приходит и род уходит. Но есть то, что остаётся вечным, неизменным, имманентным, если угодно, свойством бытия, спокойным среди бурь.

— Кондитерское искусство? — я решил потихоньку проверить пределы когнитивных способностей оппонента.

— Взрыв.

— Ты бредишь, что ли?

— Человек — не более, чем животное, способное грёзить наяву, поэтому определённо и однозначно. Цитирую: «ДА», — конец цитаты.

— Джойс?

— Против Краски или Архивектор Мюсли? Даже с учётом того, что эта личностная пара тождественна, в эту игру можно играть вдвоём, молодой человек.

Мне стало по-настоящему жутко.

— Дурацкая, нечестная, односторонняя телепатия, вероятно, подумал ты, — Стрелок, как я решил называть субъекта про себя, тихо усмехнулся и около двух корней из двух секунд отстукивал по щеке иррациональный ритм.

— Стоп, что?! — закричал я. Последняя мысль точно не могла быть моей.

— Обезглавливающая шутка, правда? Сдаёшься?

— Зачем ты явился мне, неприкаянный дух, лишённый телесного воплощения?! — вот опять! И ведь никаких следов ментального воздействия, что характерно.

— А это, детектив, правильный вопрос! — Стрелок поднял к небу указующий перст левой руки. — Я здесь, чтобы навести твою голову на стрелу. Не только и не столько твою, конечно, но твою в том числе. Во всяком случае, это место и это время были выбраны именно ради тебя, остальные воспринимают эти свойства континуума в принципиально иной метрике.

— К делу, если не сложно.

— Конечно, конечно. Вот тебе простой вопрос для разогрева: ты никогда не задумывался над тем, почему пятна крови заговорили лишь после осознания тобой чувства долга? Почему сердце хромовое вновь стучит как будто бы живо, но лишь после дефибрилляции?

В попытке зацепиться за хоть что-то разумное я перевёл взгляд сначала на Талоса, а потом на Джин. Они оставались неподвижны и молчаливы. Когда я снова посмотрел на Стрелку, громыхнул дуплет. Я покачнулся, но быстро понял, что скорее от неожиданности, чем по делу. Всю комнату заволочило едким дымом — гнусный ковбой явно использовал чёрный порох.

Когда вокруг стало видно хоть что-то, Талос уже исчез, а Джин, оперевшись на стену — не самый безопасный манёвр, кстати, — судорожно глотала что-то из точной копии Гаевой фляжки. К Конторе они отношения не имеют, как же. На месте кресла лежал небольшой — в пол-ладони — брусок блестящего голубовато-серебристого металла. Убедившись, что подарочек не фонит ничем известным мне, я надел перчатки и подобрал его. Тяжёлый, мягкий на ощупь, слегка холодит кожу, поверхность стремительно чернеет. Интересная штука. Пальцы после такой, наверное, лучше не облизывать.

— Джин, — позвал я, — сумка для вещдоков у тебя? А то мне мы как-то забыли взять.

Ферон оторвалась от фляги и медленно кивнула.

— Упакуй, пожалуйста. Осторожно, с вероятностью ноль девяносто пять эта грязь токсична. Вряд ли сильно, но попадания в глаза или рот ты точно не хочешь.

Ещё один подозрительно расслабленный кивок. Я передал брусок и начал внимательно изучать комнату. Размеры два на три метра, потолок два метра ровно. Пожалуй, когда Кахваджи говорил о «конуре», это было некоторое преувеличение. Тесновато, конечно, но не настолько. Хотя, возможно, моё восприятие искажено тем, что в комнате почти ничего нет. Совсем. Пара циновок в углу, плотно скрученное войлочное одеяло у стены да пара крючков для одежды, болтающихся на соплях — вот и вся обстановка.

— Темнит Плитка, — заметил я. — Все вещи она уже явно выгрэбла. Кстати, она ведь под конец оговорила, что Тоуро здесь «жил», а не живёт. Да и про «бомбиста» тоже.

— Верно подмечено, молодец, — Джин как раз восстановила ровное дыхание и потихоньку возвращала лицу выражение ироничного превосходства. — Разве что бомбистами по старой памяти всех политических называют. А эфирные следы зря ищешь. Тоуро не хватало квалификации на что-то серьёзное бытовой магии, а этот... в шляпе который, следов не оставляет. Никогда.

Я развернулся к Ферон:

— Ты знаешь, кто это?

— Слышала. Всякое.

— Поконкретнее можешь? Сдаётся мне, тут что-то очень серьёзное.

— Говорю же, не знаю я ничего наверняка! — ладони Джин собрались в кулаки.

— Так, вдохнули-выдохнули, успокоились...

— Я спокойна!

— Это важно! — я начал закипать. — Возможно, вопрос жизни и смерти! Он дуэтом жажнул по мне, между прочим!

— Что-то по тебе не заметно!

— Джин!

— Я уже сколько лет как Джин! А вас, гражданин Сехем, заносит! И вообще, что вам толку от моих комментариев, которые вы даже понять не сможете?!

— Не расскажешь — не узнаем, пойму или нет!

— Заносит, Тит Кузьмич! Точка.

Ферон попыталась удалиться от меня чеканным шагом, но в камерке Тоуро сделать это было проблематично. В итоге она просто села у стены и стала разматывать одеяло. Бессмысленное занятие — рулон мы оба просветили поисковой магией и ничего существенного там быть не могло.

— Я, наверное, тоже перегибаю, — голос Джин был совершенно ровным, а лица я не видел. — Но тут отвечать правда нечего. Просто человек уже несколько сотен лет как не вершина всех пищевых цепей на планете. Тот, кого ты видел, — вот высший хищник. Ему плевать, сколько у тебя опыта. Ему плевать, сколько ты демонов на флаг порвал. Он не демон. Он не человек. Он воплощение Бездны. Существо, ломающее мироздание самим фактом своего существования. Его боятся даже боги — не потому, что он их убивает, но как раз по обратной причине.

— Спасибо. Можешь ведь просто ответить. Я, конечно, ничего не понял, но это уже гораздо больше, чем ничего не знаю.

Ферон только покачала головой и лёгким движением руки, подкреплённым магией, скатала одеяло обратно.

— Вещдоки брать не будем? — удивился я.

— Тут нет вещей Тоуро, — Джин встала и отряхнулась. — Даже потожировые все затёрты — уж не знаю, с чего Плитка решила, что может сделать комнату принципиально чище.

— Скрывает причастность?

— Едва ли. Она женщина настолько честная, насколько это вообще возможно в этом всеми богами проклятом квартале. Сейчас идём к ней. Вопросы задаю я, ты делаешь хмурый вид и пассивно излучаешь неодобрение. Понял?

— Отличный план, — усмехнулся я. — Мне нравится. Кстати, Плитка упоминала про какие-то агитационные мероприятия на Батрацкой по вечерам. Ты знаешь, о чём это?

— Да просто пьяные сборища.

Проползая через входную шторку, я снова подумал, что нет ничего удивительного в том, что человек, живущий в такой дыре, хотел спалить весь мир дотла. Плитка снова только что не подпрыгнула, когда Ферон позвала её:

— Хозяюшка?

— А, госпожа комиссар, ну что, уже всё посмотрели? — темп речи чуть медленнее, чем в прошлый раз, ощущение, будто каждое слово проталкивается сквозь гортань. Выбирает выражения? — Хотя там и смотреть-то особо нечего, я же давеча ещё поругалась с паршивцем-то этим. Вы представляете, всю комнату изгадил, пакостник! Завалил, как есть всё завалил, от пола и до самого потолка, мусором всевозможным! Я ему так и сказала: сам не вынесешь — так я соберу и вышвырну, так и знай. А он как начал про освобождение рабочего класса от капиталистической эксплуатации и ликвидацию частной собственности — и где только чуши этой нахватался, вот скажите мне? Это что ж получается, и женщины тоже общие будут, если по ихнему-то? Вот я ему и сказала, чтоб он выкинул из головы хлам, а из комнаты — дурь всю! То есть наоборот, конечно, но вы же меня понимаете, госпожа комиссар, верно?

— Понимаю, хозяйюшка, понимаю, не нервничайте вы так, — Джин покачала ладонью в жесте «сядь и успокойся». — Вам нечего бояться. Нам только нужно узнать, что стало с вещами Тоуро.

— А, так я их в коробки упаковала и под лестницу выставила, чтобы неповадно было, — лицо Плитки разом обмякло, морщины разгладились, да и плечи как будто слегка просели. — Ну, на случай, если он всё-таки решит что-то нужное взад забрать.

— Спасибо, хозяйюшка, вы нам очень помогли.

Мы уже развернулись к двери, когда Плитка окликнула нас:

— Так это, господа комиссары... А малой вернётся-то ещё, как думаете? А то комната простаивает, непорядок ведь...

— Едва ли, — бросил я через плечо. Перед глазами снова встала жуткая помесь самогонного аппарата и освежителя воздуха. — Сдавайте смело, для нас там тоже ничего полезного.

— Спасибо, спасибо, господин Сехем! Ох, как камень с души, честное слово, как камень...

Глава 10. Нас тут полно таких серьёзных

Перспектива: Айха Плитка, самый честный брокер

Жить страшно. Но нежить пострашнее будет. Так что лучше самой доложиться куда следует, чтобы потом не разложили по частям. Вот, допустим, Степной Волк. Про него люди всякое болтают, а по-моему, человек он честный и справедливый, да! И мало ли что люди говорят, они про всех говорят. Иные так вообще всё мелют, что Кахваджи-пьяница — городской! А Волк — это человек надёжный, в обиду не даст — сам кого хочет, того и обидит...

Да, дела-делишки. Вот не люблю я в «Забой» ходить, да и нечего тут порядочной женщине делать. Тут только серьёзные люди собираются. И куртизанки ихние, куда ж без этих-то, серьёзным людям тоже отдыхать нужно. И вот теперь сижу я как ласточёночек, а Волк меня прям так глазом своим и сожрёт по кусочку.

— Госпожа Айха? Да соизвольте же, не сочтите за труд, пояснить наконец, что привело вас к моему столу.

— А, я...

Вот были же слова, да выбежали все куда-то! Что ж ты поделаешь с ними, окаянными!

— Позвольте вам подсказать: вы хотели рассказать мне о вашей встрече с комиссарами Ферон и Сехем, имевшей место сегодня после обеда.

Но какой мужчина, какой мужчина!

— Госпожа Айха? Вы с нами? Время — деньги.

— Да-да-да-да-да, конечно, господин Волк! Так я вот чего сказать-то хотела, заявили, значит, сегодня ко мне Джин — ну, её-то вы, конечно, знаете, душечку нашу, — и этот, новый. Вот как я и говорила: недели не пройдёт — будут Тоуро-то Соплю искать, — вот так оно и вышло, а меня никто не слушал ещё. И откуда только про него вызнали? Он же нелюдимый совсем был, ни словечком ни с кем: ни со мной, ни на работе, ни с жильцами...

— К делу, госпожа Айха. К вам зашли комиссары.

— Да, я им сразу и показала комнату-то, но что они там искали — вот не знаю совсем, я ж позавчера ещё уборку там сделала. Вы себе не представляете, какой там срамельник был — это просто уму не растяжимо...

— Комиссары вошли в комнату. Дальше.

— Да, я тогда понарошку готовить ушла, а сама схоронилась у Пия, который ещё с бельмом, знаете его? Да-да, комиссары, конечно! Так вот зашли они — новый-то первым полез, а Джин за ним следом. И сразу как она внутрь пролезла сначала ничего, тихо было, а потом они стали говорить, мол, видно, как хозяйюшка над комнатой-то потрудилась. А я, конечно, сразу смекнула, что после этого они меня спрашивать про вещи Соплины пойдут, поэтому на кухню мышкой шмыгнула. И тут как поднимется хай-вой — я чуть котелок-то на огонь не опрокинула! Новый вопит, что в него стреляют, а Джин ему отвечает, что не стрелял никто, но я толком не разобрала, конечно, далеко ведь до них было, ох далеко. Вот я и думаю: так может новый-то того, с блажинкой? Уж что-что, а пальбу бы я услышала, это не сомневайтесь даже! Вот и я думаю, что если человек в уме, то ему мерещиться ничего не будет — если, конечно, маец не нападёт, но это ведь совсем другое дело, да и какие майцы у меня в комнатах, в самом-то деле!

— Госпожа Айха.

— Да-да, я как раз сказать хотела, что они покричали-покричали, да и завалились ко мне опять и давай про вещи Сопли расспрашивать, ну я им и сказала, что, да где, да как: ищите, мол, вещички под лестницей. Так и сказала, да. И вещи туда вынесла. Да.

— А что вы можете рассказать про комиссара Сехема, госпожа Айха?

— Нового-то?

— Да.

— Да жуткий он, как есть жуткий, точно вам говорю! Что ни скажет — как приговор читает, как ни глянет — вот прям глазами душу пообшмургает, точно вам говорю! Страшный человек, и внутри у него как пустота какая-то. Будто и не человек вовсе, а один из этих...

— Драугов?

— Ну кто ж их к ночи поминает-то, господин Волк! Но да, их самых.

— Благодарствую, госпожа Айха. Народная Милиция Клора высоко ценит вашу сознательность и инициативность. Я передам Арти, что в ближайшую неделю вас не следует беспокоить по пустякам.

— Спасибо, господин Волк, спасибо вам! Как бы мы, сиротки, без вас жили...

— Вам пора возвращаться к жильцам, не так ли?

Я несколько раз почтительно поклонилась — а как иначе с таким-то человеком! — и так и полетела домой. Вот что значит справедливый заступник!

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

Коробки под лестницей действительно стояли. И вещи в них, по словам Джин, действительно принадлежали Тоуро. Точнее, Тоуро контактировал с этими вещами достаточно регулярно и так далее, и тому подобное. На этом хорошие новости заканчивались.

— Знаешь подходящие к случаю заклинания? — спросил я.

— Если бы мы хотя бы приблизительно знали, что ищем... — протянула Джин. — А так — извини. Без шансов. Только полный ручной перебор.

Я ещё раз оглядел четыре коробки, по кубометру каждая. И каждая под завязку забита самым разнообразным хламом. Хмда. Задания — одно восхитительнее другого у меня в этой жизни.

— Ну... Тогда начнём, что ли? — вздохнул я.

Ферон прищурилась, театрально приложила руку ко рту и с чувством выдала:

— Полиция! Полиция! Мой напарник упоролся чем-то нехорошим! — выражение глубокой задумчивости на её лице сменилось подобным заре просветлением. — Постой. Мы же и есть полиция. Так вас, гражданин, до вытрезвителя подкинуть?

— Спасибо, я как-нибудь сам, — отмахнулся я.

— В крайнем случае найдём тебя, следуя за великими разрушениями, да. Ладно, хватит ерундой маяться, хватай коробки, тащим в штаб.

Посмотрев на мои попытки объять две коробки за раз, Джин закатила глаза и сплела простенький телекинетический тягач.

— А тут вне коробок ничего важного быть не может? — надёжность наших методов вызвала у меня серьёзные вопросы. Вероятно, именно поэтому я и был ведомым в паре.

— Я проверила уже.

И хотя ответ я подозревал заранее, но решил быть последовательным до конца:

— Заклинанием?

— Заклинанием.

— А...

— Нет, не в моём случае.

— Самонадеянность...

— Не в моём случае, — Ферон уверенно шагала вперёд, бросая фразы перед собой подобно сеятелю...

— Эт, Джин...

— Что опять? Да, да, нет, да и больше не задавай двойных вопросов. Доступно?

— Да я не про то. Меня этот... высший хищник заразил по ходу чем-то. Мысли странные какие-то стали.

— А, это мозг называется, не волнуйся, — Ферон послала мне ободряющую улыбку. — Со временем сам собой атрофируется, ты, главное, не думай особо.

Остаток пути прошёл в молчании. Дождь перестал, уступив место иссиня-зеленоватому свечению сумерек. Забавно. Повисшая на растяжках линий электропередач цивилизация короткого Второго Интербеллума залила планету золотистым светом. Наверное, что-то похожее было и во времена Холодной войны — между Второй и Третьей. Когда на Луне улеглась пыль от орбитальных бомбардировок Последней мировой и мы открыли для себя промышленное применение эфира, золото стало всё сильнее и сильнее тускнеть.

И вот она, конечная остановка: никто не имеет ни малейшего представления, как работают наши машины. Кто-то скажет: жгут эфир. Так же, как раньше жгли дрова, уголь, нефть, уран, торий, дейтерий. Вот только что такое эфир? Никто не знает. Это уже даже не кларктех. Это магия в её самом пещерном понимании: с задабриванием демонов, договорами с богами, простым шаманизмом, работающим по принципу «научного» тыка... И за эту магию мы заплатили всем своим золотом, получив взамен тревожное, зыбкое перемигивание болотных огоньков.

Меланхолические мысли унесло эфирными потоками, просканировавшими Джин перед входом в штаб. Мы прошли на склад. Перед рядами стеллажей, шкафов и ящиков стояли огромный эльёдовый стол и четыре стула вроде тех, которые Гай использовал у себя в кабинете.

— По две на каждого — как раз к отбою разгребём это счастье, — вздохнула Джин, водрузив свои две коробки на середину стола.

— Есть идеи, на что обратить особое внимание? — уточнил я.

— Следователь колдовать умеешь?

— Что, прости?

— Заклинание, сопоставляющее следы контактов на улике с эталонными.

— Нет.

Ферон молча разложила передо мной короткий — пара тысяч радикалов по меркам таких задач действительно смехотворна — эфирный контур.

— Запомнил? Воспроизведёшь сам?

Я кивнул.

— Вот что значит старая школа, — Джин устало покачала головой. — Почти все нынешние, да простит меня Прямоходящий бог, «маги» начинают орать «сложна!» на третьем десятке.

— Радикалов?

— Если б радикалов... черт. Ладно, к делу, — Ферон хлопнула ладонью по столу. — Ищешь все — абсолютно все следы — отличные от шаблонов Тоуро и Плитки. Вещи, на

которых их находишь, откладываешь отдельно, шаблоны следов скидываешь на кристалл, — на стол легла массивная сфера в эльёдовой оправе. В памяти всплыл агрегат, стоявший в допросной у Хо, но тот всё-таки был немного другим. — С удержанием ответа следоискателя справишься?

Я кивнул.

— Тогда всё просто: вытягиваешь параллельный поток из кристалла — вот так, — Джин в три точных движения намотала голубовато-зелёную эфирную нить на пальцы, — и совмещаешь их. Дальше контур отработает сам. Предупреждаю сразу: не пытайся скармливать левые данные на этот носитель. Он при несовместимости просто долбанёт по тебе же хаотическим всплеском.

— Понял. Ещё что-нибудь?

— Если заметишь что-то, что покажется интересным — покажи мне и поясни. Вздогнули, коллега.

Ферон спланировала на стул и придвинула к себе первую коробку. Я повторил. Следственные действия начались.

За свою умеренно продолжительную и не очень богатую жизнь Тоуро умудрился скопить умопомрачительное количество хлама. Например, целую коллекцию керамических кружек разной структурной целостности. Ни одного следа контактов с кем-то, кроме хозяина. Пять деревянных ложек от одного до пятидесяти сантиметров длиной, предположительно, некогда лакированных. Без контактов. Двадцать семь ключей, из которых дубликатами были только пять. Следы Тоуро на восьми.

— Джин, глянь-ка.

— Отлично. Кидай отдельно.

Я отложил улов и продолжил работу. Хлам, хлам, ещё больше хлама... Интересно, Тоуро хранил всё это из сентиментальных соображений или просто был ненормативно ленивым? Увы, ответ сгорел вместе с душой несчастного идиота. Занятные всё-таки вещи у него были. Вот, скажем, угол от настенного ковра. Сложный, богатый орнамент по краю, на сохранившемся фрагменте основной композиции — голова гигантского синего цыплёнка и четыре мускулистых красных карпа на фоне пурпурных гор под чёрным небом. Следы спермы самого Тоуро. Едва ли я хочу знать об этом предмете больше...

— Первая коробка всё, результат нулевой, — констатировал я.

— Три четверти, аналогично, — ответила Джин.

Вторая моя коробка была под завязку набита бумагосодержащей продукцией различного назначения: от ни разу не читанных газет до внушительных научных монографий. На большинстве объектов никаких следов — скорее всего, достались в наследство от родителей да так и осели в каком-нибудь углу. Исключение составили разве что три относительно свежих брошюры: «Манифест рабочего движения постэфирной эры», «Теория и практика революционной борьбы», «Преимущества рабочего самоуправления» — и листовка с лозунгами «Долой принуждение! Свободу коммуна! Власть — рабочим!». Я был практически уверен, что следы на них принадлежат работникам типографии и прочим разносчикам коммунизма, но протокол работы есть протокол работы — агитационная макулатура отправилась в отдельную стопку.

На самом дне обнаружился внушительный сборник под заглавием «Самые разыскиваемые преступники 408 от ОК». Джин разобрала свою вторую коробку едва ли на половину, поэтому я решил подробнее изучить данный артефакт. В любом случае, следов на

нём не было. Даже от Тоуро. Первый же разыскиваемый сверг меня в раздумья:

«Имя: Забуисмона

Пол: не поддается определению (внемировая сущность)

Год рождения: не поддается определению (внемировая сущность)

Место рождения: не поддается определению (внемировая сущность)

Гарант удостоверения личности: отсутствует

Словесный портрет: не поддается определению (внемировая сущность)

Инкриминируемые деяния: мундицид; геноцид (9 доказанных эпизодов); возбуждение массовых беспорядков путём публичной дефенестрации пищевой либо промышленной продукции в особо крупных размерах

Криминальная биография: см. «Промысел и деяния господ нашего Забуисмоны»

Магические способности: не поддается определению (внемировая сущность)

Боевые навыки: не поддается определению (внемировая сущность)

Класс опасности: СДГ+

Инициатор розыска: Конклав ОКД

Награда: 801360 КМ за живого; награда за мёртвого не поддается определению (внемировая сущность); награда за информацию не поддается определению (см. графу «В последний раз замечен»)

В последний раз замечен: согласно показаниям очевидцев находится во всех точках пространства в любой момент времени».

— М-м-м, Джин... — в очередной раз я оказался в ситуации сложнейшего выбора из мириадов вопросов, крутящихся в голове. — А у вас тут часто внемировые сущности в розыск объявляют?

— Ты про Забуисмону читаешь? — не отрываясь от работы спросила Ферон. — Единичная история.

— Его поймали в итоге?

— Нет. Но расстреляли. Спроси Гая, он этим цирком дирижировал на пару с прошлым Элетроймой.

Я решил не отвлекать коллегу и при случае выяснить детали у командующего. Итак, второе место в списке самых разыскиваемых: Аки Огурец. Ну, хоть не Сопля — уже показатель успеха в жизни. Родился между 370 и 380 в Центральном Хельджаке... Похож на уральца... Квадратное лицо... Деяния: проимперская агитация; целая охапка обвинений за руководящую роль в восстании; нарушение всех мыслимых и немыслимых законов об обороте оружия; убийства, нанесение увечий и покушения на убийство представителей власти и вишенка на торте — использование представителя власти в качестве дробящего оружия, повлекшее смертельный исход. Даже не знаю, что впечатлило меня больше: само деяние или тот факт, что есть отдельный закон для таких случаев. Впрочем, в Клоре право прецедентное, так что во втором ничего слишком удивительного нет. Но окончательно добил меня последний пункт обвинения: возбуждение массовых беспорядков путём публичной дефенестрации пищевой либо промышленной продукции (мамонта).

— Джи-и-ин...

— Слушаю.

— Я же правильно понимаю, что дефенестрация — это акт выбрасывания физического тела из окна?

— Не обязательно физического, но в целом верно.

— Мне тут попало дело некоего Аки Огурца...

— О, это просто шедевр, да! — Ферон улыбнулась и подняла на меня взгляд. — Меня больше всего веселит, что эти сказочные идиоты «не зафиксировали» магических способностей у мужика, который умудрился в одно лицо пропихнуть в окно целую тушу мамонта.

Я скользнул глазами до графы «Боевой магический потенциал». Действительно: «не зафиксирован». Чуден, право, мир бюрократии. Я решил заодно прояснить ещё один момент:

— А что значат пометки в графе «Класс опасности»?

— Пролитай до конца, там расшифровка. И не отвлекай, пожалуйста, мне немного осталось.

Джин вернулась к сортировке хлама. Улова у неё было приблизительно столько же, сколько у меня, да и качеством ничуть не выше. Я продолжил изучение сборника. Так, используемые сокращения... Вот оно: «НО — Не Опасен; МО — Мало Опасен; УО — Умеренно Опасен; О — Опасен; ОО — Особо Опасен; ВМЖ — Вероятность Массовы Жертв; СДГ — Смерть До Горизонта». И у Аки Огурца... ОО. Забавно. Розыск инициировал отдел внутренней безопасности Хельджакской компании. Награда за живого 504000 КМ. Надо бы выяснить, что это за КМ такие. За мёртвого в десять раз меньше, за информаций ещё в десять раз. Система понятная, хотя и не слишком эффективная.

Номер три среди самых интересных личностей в Организации Клорского Договора: Рина Арит-хе. Судя по фамилии, кто-то из главных домов. Бывает же. Впрочем, инициатор розыска — дом Арит, так что ничего удивительного. Виновна в пытках, похищениях, незаконной магии, заговоре с целью убийства главы Семьи. Да уж, ну и комплект... Но истинным чудовищем в этой истории была не сама Рина. Взять хотя бы первую фразу из криминальной биографии: «15 июля 407 от ОК покинула законное место работы в городе Клор, где после данной даты замечена не была». Как по мне, автора этой формулировки нужно было поместить в сборник вне конкурса. Для острастки. А вот самая интересная часть всей ориентировки — награда за мёртвую. Точнее, штраф. В один миллион КМ. За живую, кстати, миллион платили. То есть обычную садистку оценили выше, чем бога? Вот она — истинная магия.

К четвёртому досье я приступал без особых ожиданий. Зря. Очень зря. Личности известной под именем Худагбаатар Доз, вменялось: нарушение договора о цивилизованной войне от 338 от ОК (около 3000 доказанных эпизодов); нарушение хартии о запрете производства, хранения и применения демонического оружия от 260 от ОК (около 500 доказанных эпизодов); нарушение конвенции о запрете использования военнопленных в ритуалах от 228 от ОК (12 доказанных эпизодов); использование мирного лица в качестве боеприпаса (90 доказанных эпизодов); шпионаж в пользу Империи Минах Клиа; незаконное использование чужой личности (неустановленное количество эпизодов); убийство представителя власти (64 доказанных эпизода); использование представителя власти в качестве глушителя; публичная автодефенестрация, повлекшая смерть или тяжкое увечье группы лиц и повреждение городской инфраструктуры. Словесный портрет при этом отсутствовал с пометкой «разыскиваемый активно использует иллюзии и кражу личностей; опознание производится при помощи эфирных следоискателей».

Биография у мужика была не менее занятной: боевой маг Двенадцатого общевойскового корпуса Империи Минах Клиа во время войны за независимость Семей от Империи оставил

за собой такие горные цепи из трупов, что от него откристилось собственное командование. В долгу он, впрочем, не остался и отказался признавать мирный договор, подписанный в 373 от ОК. Потом больше двадцати лет партизанил, периодически устраивая кровавую баню то тут, то там. А в 398 внезапно пропал с радаров — в последний раз его видел дед Пацюк из Дичкова хутора «барагозящим в харчевне». И всё — больше ни одного сообщения.

— Фух, всё, — Джин прикрыла глаза и откинулась на спинку стула, сцепив руки в замок за головой. — Ну, как тебе чтиво?

— Занимательное, — на автомате ответил я. Мысли были целиком заняты сборником. — Скажи, а почему Худагбаатар Доэ на четвёртом месте? С его-то послужным списком.

— У тебя сборник за четыреста восьмой?

— Да.

— К тому моменту Доэ не видели больше десяти лет. А так он на протяжении двадцати пяти лет первое место держал.

— Ну да, логично... и поэтому же награда за голову всего в полмиллиона. А что значит «135 ТЭ» в графе боевого магического потенциала?

— Раньше БМП измеряли в килограммах тротилового эквивалента, — Ферон открыла глаза и выпрямилась. — Пока ребята с Хаварала не сломали всё. Вообще всё, не только систему аттестации боевых магов.

Я кивнул. Джин хищно оскалилась и глухим низким голосом возвестила:

— Пришло время утоления голода, — и уже в нормальном регистре добавила, — хватит залипать. После ужина отбой, завтра с Гаем обсудим результаты.

Я кивнул.

— Эй, гражданин! — Ферон пощёлкала пальцами перед моим носом. — Вы с нами?

— Да-да, конечно, — я отложил сборник. Окружающий мир вновь обрёл чёткость. — Последний вопрос: что такое КМ?

— Клорская марка. И ни слова больше, мы идём есть.

Глава 11. Пьяница жалкий с глазами собаки и сердцем оленя

Перспектива: Кахваджи Кхандо, человек в гармонии с окружением

Не уметь опохмеляться — это прекрасно. Почти. Не совсем. Совсем не? Кажется, вчера ко мне приходила Джин. Наверное, она была не одна. Так или иначе, ухо горит до сих пор. Значит, Джин точно приходила. А второй мог и примерещиться. Хотя почём я уверен, что мне не мерещится моё ухо? Есть ли у меня вообще уши? Вдруг никакой Джин не было, а ухо растянул себе я?

Но зачем мне тягать себя за уши? Я тягач? Нет, я лежач. Лежуч. Жучел. Трюфель. Тьфу, вставать пора. На улицу идти. Обход там, все дела. Когда я последний раз обход делал? Вчера я точно не вставал. А вот позавчера... Помнится, тогда я ходил. Да, точно. Тогда ещё в кладовке дверь развалилась. Хата была уничтожена. Кем? Наверное, не стоило хранить там три ящика пива. На чернейший из темнейших дней, когда мучения станут невыносимы, да-да-да. Конечно. Алкоголик не тот, кто употребляет, а тот, кто опохмеляется. Так-то.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

В начале был йогурт. И имел этот йогурт вкус тунца. Я открыл глаза. В комнате пусто. Выполненные под золото линии потолочного плинтуса чисты и прямы. Я повернулся на бок. Стена в норме. На другой. В комнате всё в порядке. Никаких намёков на двери в иные измерения. Проверил эфир. Никаких возмущений. Сплюнул в руку. Наверное, йогурт мне просто примерещился. Надо бы провериться у Элетроймы. Интересно, ассистентам дают скидку на медобслуживание?

Я встал и начал утреннюю разминку-диагностику. Во-первых, шея. Расслабился я. Смерть — не повод терять физическую форму. Во-вторых, плечевой пояс и руки. Ну что это такое? «Господа комбатанты, помогите кто чем может, я тут не местный совсем, родни нема». Жалкое зрелище. В-третьих, грудной отдел. Нет, так дела не делаются. Пора уже брать руки в ноги — и отвоёвывать себе место под солнцем. Ферону спасибо, конечно, и расплачусь я с ним как положено, но не всё ж с подачек жить. В-четвёртых, пояснично-крестцовый. О, лёгок на помине. В дверях возник Гай. Открылась фляжка. Гай сделал пару глотков и сказал:

— Это ты хорошо придумал, Тит Кузьмич.

— Что именно?

— В целом. Генерально.

Я молча перешёл к махам ногами. С полминуты тишину нарушал только свист воздуха вокруг меня. Наконец Гай спросил:

— Что вчера выяснили?

— Пусто. Почти. Тоуро связан с местными комми. Можно пошарить по типографиям, сетям распространения, но это тупик, как по мне.

— Комми? — Гай вопросительно поднял бровь.

— Коммунисты.

— Я не про то. Ты уверен, что с комми?

— В вещдоках по делу глянь. Полный комплект агиток.

— Допустим. Почему считаешь тупиком?

— У людей, встроенных в террористические ячейки, несколько иной набор макулатуры дома валяется. Да и агитаторы и боевики — как правило, разные люди.

Гай стал задумчиво изучать рельеф фляжки. Я закончил с разогревом и начал силовую тренировку. Спустя ещё минуту Гай спросил:

— Рекомендации?

— Потрясти Плитку ещё раз. Темнит баба. Может, и ничего серьёзного, но других зацепок пока не вижу.

— Хорошо, — Гай улыбнулся и кинул в меня небольшим звонким мешочком. — Твоё жалование за вчера. Шестьсот марок ровно. Сегодня для тебя задач нет, отдыхай, акклиматизируйся, чувствуй себя как дома. Мы с Джин проверим кой-чего по своей части. И помни: стиль — ар-деко, завтрак — на кухне, Клор — нам за мать, смерть — неизбежна.

Гай ушёл, оставив за собой шлейф тройного назального армагеддона. Я закончил упражнения. Резюме: агент Ликвидатор полностью функционален и готов к несению службы. В выходной. Да, вот умеет же Гай настроение испортить.

Сорок две минуты спустя я стоял у стойки «Забоя». Помимо вчерашней одиннадцатиглазой компашки в зале сидела только пара мутноватых личностей. Любопытно, почему данное заведение не пользуется особой популярностью. Казалось бы: никаких мордovorотов у входа — залетай, кому денег хватит. Цены, опять же, гуманные вполне. Что-то я упускаю... Впрочем, об этом и после подумать можно.

— Изотоник на вынос есть? — спросил я бармена, который, кажется, так со вчерашнего дня никуда и не отходил.

— Три хвоста, — даже игнорировала меня эта морда кабацкая так же, как и вчера.

Я сверился с базой и выложил требуемое. Хвост — жаргонное имя для монетки в форме глаза, номинал — шесть марок. Вообще, создатель клорского монетного ряда руководствовался чем угодно, кроме удобства использования получившегося монстра.

На стойку встала пузатая стеклянная поллитровка. Я закинул её в сумку, кивнул бармену и пошёл на выход. На улице приятного было маловато. После лившего дня три дождя небо наконец распогодилось. Однако для Биржи облегчения это особого не принесло. Заполнившая все понижения далёкого от ровности рельефа вода возвращалась в атмосферу в виде вездесущих зловонных облаков пара. Я тяжело вздохнул, покачал головой и отправился в путь.

Сторожка городского напоминала теперь очень грустное норное животное, потерявшее кожу при попытке протиснуться домой. Склизкие чёрные рёбра-брёвна от отсутствия иных идей потихоньку стекали бурыми лужами на землю. Я обновил воздушный фильтр, собрался с духом и открыл дверь. Дверь закрылась. Я открыл её снова. Тот же результат. После третьей итерации этого увлекательного действия изнутри послышался голос Кахваджи:

— Постучаться не судьба?

Я вошёл. Кхандо сидел на кровати и раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками. Я молча поставил изотоник на стол.

— Вот каждый бы глюк как ты... — проворчал городской. — Я буду звать тебя Водяничик.

— Это с чего ещё? — я решил на месте опротестовать столь возмутительное нарушение права галлюцинаций на самоопределение.

— А как же иначе? Приносил бы волю к жизни — был бы Воланчиком.

Я подошёл к Кахваджи и отвесил ему пощёчину средней тяжести.

— Э, чё? — возмутился Кхандо.

— Не рыпайся, — посоветовал я.

Я решил действовать тупо и храбро: в пару заклинаний сконцентрировать спиртягу и прочие неуместные продукты метаболизма, ещё в пару телепортировать всё это непотребство куда-нибудь за пределы поля зрения и, что гораздо важнее, обоняния, а потом залечить повреждения от предыдущих этапов и восстановить солевой баланс изотоником. Не самый, прямо скажем, гуманный путь, зато эффективный.

И разумеется, Кахваджи дёргался, сбивая мне фокусировку заклинаний, отчего огребал и дёргался ещё больше. Только пару минут спустя я догадался кинуть общий паралич. Работа сразу пошла веселее, хотя сохранившие работоспособность глазные мышцы городского весьма красноречиво говорили, кого он считает моей ближайшей роднёй. Четверть часа спустя трезвый и злой Кхандо сидел передо мной и потягивал изотоник.

— Я это... — мысли как-то подозрительно расползлись по тёмным углам. — Чего хотел-то...

— Вот-вот, — огрызнулся Кахваджи, — и что получил?

— Получил что хотел. Нет, — в сделал глубокий вдох и медленный выдох. — Прощения за вчерашнее попросить хотел.

— Станный ты способ выбрал, гражданин комиссар.

— Ну, я подумал, что стоит тебе с похмельем помочь...

Городовой зажмурился, вылил последний глоток из бутылки себе на макушку и фыркнул.

— Джин вчера сказала... — начал было я.

— Ни слова об этой бешеной непечатнице, — на правую сторону лица Кахваджи как гирию повесили.

— Ладно.

— И спасибо.

— А? — я малость завис.

— Мне уже лучше. Но ты, конечно, тот ещё хруст, проказа.

Некоторое время мы просто молчали.

— Так что ты там расследовал-то? — нарушил тишину Кхандо.

— Тоуро. Неделю назад подорвался в лапшичной у Фарика Белогуса.

— А, этот филистер...

— Который из двух?

— Оба, — городской встал и начал одеваться. — Я давненько уже Волку говорил, что с Соплём проблемы будут. И Белогусу говорил тоже.

— И что они?

— Во-о-от! — городской поднял палец. — Это, комиссар, правильный вопрос! В том и дело, что ничего. А я всегда говорю: сегодня они не уважают Кахваджи Кхандо, а завтра не уважают полицейских!

Я пару секунд обдумывал это гениальное умозаключение. Кахваджи же, выдержав театральную паузу и не уловив ожидаемой ажитации аудитории, продолжил:

— Так что там с Соплём-то?

— Взорвался.

— Что, совсем?

— Совсем взорвался.

— Вот прям...

— Да, Тоуро разорвало! — я не выдержал. — На куски! Этот официант мёртв!

— Знаешь, Гай на днях точь-в-точь говорил... И слова те же были. Только голос Гаев, а не твой.

Я начал подозревать, что повредил несчастному алкоголику кульминальный ганглий — мозг явно погиб задолго до моего вмешательства, — когда разговор внезапно свернул в исключительно продуктивное русло всего за один вопрос:

— Так, гражданин комиссар, давай по порядку. Что тебе известно о самом происшествии?

— Мы с Хо Орнагом и Силисиком Серехом...

— Си — не Серех.

— Что?

— Неважно, продолжай.

Через ещё пять минут конструктивного диалога Кахваджи задумчиво пробормотал:

— Оранжевый с чёрным, чёрный на оражевом... Что там в образах, говоришь, было? Овощ, хелицероые, ассасины, архитектура, классическая музыка?

Я кивнул.

— Идём к Волку. Сейчас же.

— Чего? — резкое исчезновение тупящего городского вызывало у меня некоторые нехорошие мысли.

— В «Забой». А то наш кутёнок чего-то совсем мышей не ловит.

— Пояснить не хочешь?

Уже наполовину вылезший наружу Кхандо резко крутанулся на месте и стал вышагивать по сторожке:

— Кто-то — не буду пока показывать пальцем, но вариантов тут толком нет — продал, а скорее, просто слил эмоционально нестабильному идиоту «Алую щель».

Я поперхнулся вставшим в горле смехом. Кахваджи бросил в меня раздражённый взгляд:

— Нечего ржать, эта отрыжка Бездны запрещена к хранению и использованию во всём цивилизованном мире.

— Производство забыл.

— Не забыл. Их не производят. Их собирают. Сталкеры. А потом упаковывают в оболочки в Эстер Рефо. И Волк — по идее — должен следить за нелегальным товарооборотом. Именно для того, шерстяную его породительницу снепотребничать, чтобы не допускать такой вот похабщины!

— Последний вопрос.

Кахваджи, кажется, готов был меня уже проглотить, но в итоге только встал на месте и кивнул.

— Кто такой Волк? Уже в который раз прозвище слышу, но как-то всё без нормального контекста.

— Вот и познакомитесь, — усмехнулся Кхандо.

Мы вышли на улицу и направились — в который уже раз за последние дни — к Батрачке. Я анализировал наличную информацию. По ощущению, данных у меня было уже в избытке — не хватало понимания контекста, в котором они существуют. Разве что... Я развеял чары воздушного фильтра. Нюх — это важно. Нюх — это то, что может обнаружить чужой срам и спасти твой.

Где-то на полпути до меня дошёл очень интересный факт.

— Кахваджи, сколько солнц на небе? — спросил я, останавливаясь.

— Два, — раздражённо бросил Кхандо, даже не оторвав взгляда от земли.

— Я серьёзно. Посмотри, пожалуйста, на небо и ответь.

Городовой посмотрел на меня как на идиота, потом демонстративно запрокинул голову и сплюнул:

— Два. Идём уже.

И мы пошли. Жирный чёрный ворон проводил нас насмешливым «кар-р-р-р!». Я был абсолютно уверен в том, что видел. А видел я четыре солнца. И если рубиновое и ультрамариновое уже встречались мне раньше, то обозначений для цветов ещё двух не существовало ни в одном человеческом языке.

— К Волку? — спросил бармен. Он всё так же тёр стойку всё той же тряпкой.

— К нему самому, — огрызнулся Кахваджи.

— Вижу, сам всё знаешь, — пожал плечами бармен.

Мы поднялись на пять этажей и вышли в оранжерею, разбитую прямо на крыше. Нос мгновенно наполнили запахи чёрной почвы, кремовых цветов и чего-то цитрусового. Кахваджи уверенно маневрировал промеж лиан и гигантских листьев в направлении стеклянного купола, опирающегося на самый край карниза. Вплотную к куполу стоял высокий человек в кофейной жилетке поверх молочной рубашки-поло и белоснежных гетрах.

— Вы прибыли, как я и ожидал, — голос его был мягок на ощупь, но твёрд внутри. Жутковатое сочетание. Память мгновенно подкинула образ товарища Суртова.

— Ты всегда ожидаешь, так что не надо тут антимонию разводить, — связки Кхандо вибрировали, озвончая, кажется, даже гласные.

Человек повернулся. Я узнал его. Последние два дня я стабильно видел его пивничающим на первом этаже «Забоя». Одноглазый во главе стола.

— Господин комиссар. Господин городской, — человек кивнул каждому из нас. — Полагаю, вы из-за небольшого недоразумения недельной давности?

— Да, чтоб огнежужелиц тебе в ноздрю, из-за него! — интересно, почему Кахваджи так уверенно костерил этого явно мафиозного персонажа среди его же — эта гипотеза объясняла все наблюдения — бара?

— Осмелюсь заметить, что господин городской на тот момент изволили пребывать в состоянии возвышенной спиртуозности. Я счёл, что господин городской сможет ознакомиться с делом и позднее.

— Счёл ты, срамословник... Нашёл чего хотеть?

Степной Волк — в том, что это именно он, сомнений у меня не осталось — с выражением глубокого сожаления склонил голову и сказал:

— Увы, внутреннее расследование столкнулось с непредвиденными... сложностями.

— Я те сложности! — Кхандо в сердцах пнул кадушку с чем-то фикусообразным.

— Я вполне осознаю серьёзность ситуации. Смею вас заверить, Народная Милиция Клора самым суровым образом покарает виновных.

— Я на это очень, — Кахваджи особо выделил это слово, — надеюсь. И требую отчёта по текущему состоянию расследования.

— Не считаю возможным ответить.

— Анус пса своего посчитай!

— Господин городской.

— Я уже семь лет как господин городской, дорогуша. Отчёт. Живо.

В дуэли взглядов у Волка не было шансов с самого начала: его единственный глаз был стремительно охвачен с флангов и принуждён к колебанию.

— Мокрец вёз партию «Щелей» в Хелькрай, — обволакивающая мягкость из голоса Волка пропала. — Заказ Компании, детали под неразглашением. Одну штуку у него свистнули. Вот и всё, господин городской. Это всё, что мы узнали к текущему часу.

— Вот, молодец, — Кахваджи расплылся в ободряющем оскале. — Клор благодарит тебя. Идём, гражданин комиссар.

— Минуту, — Волк вернулся к своему обычному тону. — Господин комиссар, мы, кажется, не были представлены.

— Сехем. Тит Кузьмич. А вы?

— Меня зовут Степным Волком.

— Приятно познакомиться с культурным человеком.

— Взаимно. Прежде чем ваш спутник вынесет вас отсюда на руках, позвольте поинтересоваться, Тит Кузьмич: сколько солнц вы видите сегодня?

— Четыре. А вы?

— Три. Так странно... Позвольте предположить: третье одновременно невыносимо белое и как будто бы иссиня-фиалковое в тот же самый момент, верно?

— Именно.

— Не смею больше задерживать.

Волк кивнул на прощание и отвернулся к стеклу, отделяющему нас от пустоты над городом. Кахваджи к этому моменту уже скрылся в листве. Я спустился на первый этаж и обнаружил городского за угловым столиком. Я сел рядом.

— Наболтались, граждане упоротые? — усмехнулся Кхандо.

— О чём ты? — я упал рядом.

— Солнц два сегодня. Можешь в календаре посмотреть. Сине-красный день отмечен.

— У Волка на целом глазу искусственный хрусталик стоит.

— Чего?

— Хрусталик...

— Искусственный, это я слышал. Ты объяснить толком можешь?

Я опёрся локтями о стол и положил подбородок на замок из ладоней:

— Нет. Не уверен, что могу объяснить.

— Уж уважь нас, тупых.

— Волк... Просто он он видит немного больше, чем остальные люди. Третье солнце вот сегодня видит, например.

— Вот и я говорю: упорались вы, — Кахваджи прищурился. — По делу идеи есть? Говорю сразу: копать на Мокреца — глушняк. Закопают нас.

— Как вы с Волком вообще в одном районе уживаетесь?

— Ну, меня тут все знают. Не сказать, чтобы уважают сильно, но слушают. Если кто совсем берега пугает — я таких на место ставлю. Но вообще стараюсь без нужды не лезть. Ну, народ мне тем же и платит. И Волк в их числе. Просто все знают, кому, что, где и когда можно.

— Забавно...

Мысли потихоньку блуждали в оттенках хвойного аромата. Пусть не для всего Клора, но

хотя бы для Биржи контекст определённо складывался.

— Так что делать-то будем? — честно говоря, энтузиазм Кахваджи вызывал подозрения.

— Мне нужно пять литров воды, пара ложек соли и несколько шлангов.

— Упорот?

— Нет, просто мы идём к Плитке. Пожрать перед работой хочешь?

— Неплохо было бы.

— Бармен, — окликнул я. — Пару обедов поплотнее.

Глава 12. Ты пудинг?

Перспектива: Кахваджи Кхандо, человек в гармонии с окружением

— А если её нет дома?

— А если она есть дома? — у Сехема явно был план. И делиться им он не собирался столь же явно.

— И всё-таки, — я решил, что я выясню, во что меня пытается втянуть этот блажной.

— Посмотрим, — комиссар пожал плечами.

— Ты что-то знаешь.

— Я знаю: в небе сегодня четыре солнца.

— Не придуривайся.

— Я не знаю ничего такого, чего не знал бы ты, господин городской.

Я прикусил губу изнутри. Вкус крови помог собрать мысли в кучу. Мозги пудрит Тит, вот точно же пудрит, а сознаваться не хочет. И рукава закатал явно не просто так. Тем временем мы поднялись на второй этаж дома между Лампадкой, Большим Жопором и Кривизной.

— Ладно, а шланги тебе зачем? — я попробовал разведать с заднего захода.

— Во славу Астане, конечно же.

— Чему?

— Астане.

— Это что?

— Не что, а когда. И цыц, мы пришли. Говорить я буду.

Петли Айха так и не поменяла, хотя деньги я ей точно давал. Скрипит дверь, конкретно так скрипит.

— Хозяюшка, — говорит Сехем.

Плитка реагирует на незваных гостей как всегда — нервно.

— А, господин комиссар, здравствуйте-здравствуйте, доброго вам здоровьичка. А какими судьбами к нам? Вчерась ведь только видались-то, а вы уже снова. Нешто забыли чего?

Сехем медленно сокращает дистанцию и параллельно несёт какой-то вздор:

— Да я вот хотел вас про отварчики расспросить, с работой уже всё ясно, а вот отварчики у вас уж больно вкусно пахнут...

Айха подозрительно щурится, рот потихоньку открывается. Сехем говорит. Потом — всем телом делает резкий выпад вперёд. Ситуэвина становится совсем странной: руки Сехема внезапно отращивают по клинку. Клинки крест-накрест входят Плитке в шею. Она без единого звука оседает на землю. Сехем начинает колдовать — и, амхалам его на закуску, я не знаю процентов восемьдесят из того, что он накладывает на всё ещё живую Айху!

— Раствор. И шланг, — голос комиссара ровный, спокойный. Он показывает: всё под контролем, всё, щучьи потроха, по плану.

Я достаю баклагу из вещмешка. Руки дрожат. Я понимаю: если вдруг план Сехема включает принесение меня в жертву этому его Астане, я ничего не смогу с этим поделать.

— Живее, время — кровь, — комиссар выражает лёгкое раздражение.

Наверное, ему потребовалось меньше минуты, чтобы при помощи магии, ругани и меня соорудить какую-то странную конструкцию. Что-то вроде трубчатого воротника вокруг

горла Айхи.

— Объясняю один раз, провафлишь инструктаж — разнесёт полрайона, — Сехем не пытается надавить голосом на страх, нет. Он просто перечисляет факты. Без выражения. — Ты — страхующий. Если вдруг я или Плитка начинаем бесогонить — ты даёшь мне лещей до тех пор, пока я не прихожу в сознание. Понял?

— Бесо... Что?

— Дёргаться в разные стороны, издавать страшные звуки, вонять или светиться. Понял?

— Да, понял, — я сглотнул.

— Второе: если я не прихожу в себя через полторы минуты реанимационных мероприятий — ты режешь меня. Понял?

— Как режу?

— Насмерть, как. Понял?

— Да.

— Пункт третий: если я не прихожу в себя через восемь часов и не начинаю при этом бесогонить — зовёшь Джин, она разберётся. Понял?

— Да.

— Пункт четвёртый: пока ты страхующий — ни шагу от меня. Если надо — в кастрюли справься. Или сквозь пол, он тут дырявый. Понял?

— Да.

— Пункт последний: меня — защищаешь. Я буду в глубоком отрубе и могу не среагировать нормально, поэтому защита на тебе. Понял?

— Да.

— Повтори всё.

— Если бесогонишь — давать лещей, если не помогает — резать. Лежишь восемь часов — звать Джин, от тебя не отходить... А это вообще как?

— Вот, молодец, — Сехем улыбнулся. — Поэтому обычно погружения делают втроем.

— Так как я Джин-то позову, если отходить нельзя?

— С гонцом, очевидно. Двадцать марок на это дело хватит?

— Вполне.

— И теперь пятый пункт.

— Защищать.

— Вот, молодец, Кхандо, соображаешь, когда хочешь. Ну, я пошёл, бывай.

Сехем собрал ещё три рунных контура, воткнул один из шлангов воротника Плитки себе в руку, которая под такое дело раздалась в стороны, закрыл глаза и лёг рядом с Айхой. Я по привычке потянулся к полке с настойками, но быстро себя одёрнул — пить при исполнении это одно, но на посту — совсем другое. Нельзя так. Время пошло.

Перспектива: слой 01

AL: Ну что же, я пойду с тобой.

IXC: Когда под небом вечер стихнет, как больной.

AL: Подключение.

IXC: Проверка подписи...

IXC: Право доступа подтверждено.

Перспектива: агент Дознаватель, локальный идентификатор «Vi-209»

Честно говоря, я успела забыть, что Комитет Информационной Безопасности вообще существует. Дикие искины не могут преодолеть нашу защиту со времён Пустых Ночей,

демонам компьютерные сети любой архитектуры почему-то совершенно безынтересны, а люди... живут в лесу, молятся хаосу. Клинический случай, да. Технически, конечно, есть ещё плоды моей порочной юности, но они безвозвратно упороты. Так что чем до сегодняшнего дня занимались КИБеры — загадка, откровенно говоря. И тут входящий вызов:

— Госпожа секретарь.

— Комиссар Исикава.

— Зарегистрировано подозрительное подключение к сети Интерпола.

— Что именно не так?

— Подпись принадлежит мёртвому агенту.

— Кому?

— Альфонс Твардовский. Числится...

— Погибшим при атомном ударе по Джакарте в семьдесят первом.

— Да, верно. Что нам делать?

— Подключение не прерывать. Выслать мне дело Ала, пора его обновить.

— Он использует устаревшую версию протокола. В ней есть несколько дыр.

— Обеспечить в ручном режиме безопасность туннеля можете?

— Да.

— Так и сделайте.

— Что делать при повторных подключениях от Ала?

— Почему у нас вообще работает протокол тысячелетней давности?

— Обратная совместимость.

— Отрежьте поддержку всех протоколов, созданных до конца Войны. Ала в белый список, мне всё равно, какой фрактальный костыль там вырастет, его подключение должно работать.

— Принято. Это всё?

— С моей стороны да. С вашей?

— Аналогично.

Исикава отбился. Я откинула спинку кресла, переходя в полулежачее положение. И так, мелкий взялся за старое. Как... ожидаемо. Наверное, стоило бы даже сказать «пошло», но данное слово не существует ни в одном из ныне существующих языков, а вменяемых славистов, кажется, осталось ровно двое, считая меня. Так или иначе, имеет смысл посмотреть, во что этот шkodник решил влезть. Едва ли у старых демонопоклонников из Семей хватит дури на прямое столкновение, но доводить до такого всё равно не стоит. А правки в деле подождут. В конце концов, я с самого начала знала, что этот идиот стриггерил охранные протоколы Талоса, поэтому его шансы умереть в точности равнялись нулю.

Перспектива: слой 01

KZ: Твою алую радость скрытно любя.

UNH: Он тёмною страстью губит тебя.

KZ: Зеркало IXС.

UNH: Устанавливаю соединение...

UNH: Вывожу поток IXС.

Клор, Батрацкая площадь. Картинка подёрнута характерной для воспоминаний пеленой: в фокусе всего три потока данных. Я сижу на чём-то тёплом и очень твёрдом. Голос сам собой зазывает шмыгающие вокруг человеческие тени «отведать самого вкусного, самого

нажористого супца». Мысли крутятся вокруг ремонта пола дома. Доски опять подорожали, Арти зажимает поставку, а жильцы скоро на мостовой окажутся. Зрение присутствует, глаза донора воспоминаний здоровы, просто этому потоку не уделяется внимания. Слух в норме, ситуация аналогична. А вот с нюхом интереснее: поток практически вырожденный.

Ко мне подходит человек, в котором я по одежде опознаю вольнонаёмного. Под брезентовой курткой у него явно что-то есть. Взгляд бегающий, лицо подозрительно ничего не выражающее — явно хочет скрыть то, что принёс. «Канал бы ты отседа, мил человек», — думаю я, но вида не показываю: вдруг всё-таки он за супом, а не за приключениями?

— Мисочку сборной соляночки? — в принципе, сиропа в моём голосе достаточно, чтобы накормить голодающего. Наверное, даже не одного.

— Соляночка — это благотворно, весьма даже, — акцент с головой выдаёт очередного бывшего имперскоподданного. Им бы да поддать под зад, чтоб назад катились, да всё никак не выходит. — Почём брать изволите?

— Две слезиночки за мисочку, господин хороший.

— Давай две.

— Сдюжишь ли? Может, по одной сначала?

— И то правда.

Я ловлю две двумарочных монеты, привстаю над своим восседалищем и, не глядя под себя, накидываю в миску нечто, по цвету, вязкости и, скорее всего, питательности больше напоминающее сопли, чем нормальный суп. Типчик извлекает из недр куртки ложку и начинает быстро — явно старается не уловить ненароком вкус — закидываться дымящимся, горячим хрючевом. Доев, он возвращает миску, тщательно обсасывает ложку и говорит:

— Сказывают, вы комнаты сдаёте.

— Мест нет, — отбрёхиваюсь я. Ложь совершеннейшая: половина галерейки пустует, но вот с этим жуком знаться — нет уж.

— Да мне-то, собственно, и без надобности, просто у меня есть кой-чего, что может вам принести немного деньги.

— Бреешь и не красеешь, мил человек, — я пытаюсь изображать безразличие и даже отворачиваюсь в сторону, но глаза сами собой косят на штуковину под курткой.

— Да вы только гляньте, с вас не убудет. Это ж такая вещь — целая ажно Вещь, я бы и эдак сказанул!

Я молчу и смотрю целым одним глазом в сторону. Типчик достаёт наконец нечто, что я-наблюдатель определяет как до боли знакомую помесь самогонного аппарата с освежителем воздуха. Если бы только я в молодости знала то, что знаю сейчас... Впрочем, в воспоминании таких характеристик не содержится, зато есть сильное чувство любопытства.

— И что это за ерундовина? — я-наблюдатель отмечает, что у меня-перспективы не получается нормально замаскировать интерес в скепсисе.

— Это, хозяйшка, самое редчайшее-наиредчайшее уральское изделие.

— Прямо уральское? Точно же бреешь, — я презрительно фыркаю.

— Истинная правда, век солнца не видать!

— И зачем же это... изделие в хозяйстве нужно?

— А затем, что оно позволяет заваривать чай в одиночестве совсем даже как в приятной компании!

— Тьфу на тебя, придумаешь тоже, — я-перспектива чувствует досаду от потраченного времени, я-наблюдатель издаёт звуки неисправного дизеля, я-я жалею, что нельзя

воспользоваться быстрой перемоткой времени.

— Сами убедитесь, хозяйюшка, у меня все доку́менты есть, вот...

Придурочный продаван тыкает мне в лицо какие-то бумажки, но есть небольшая проблема: я не умею читать.

— Ладно-ладно, — в конечном счёте я решаю, что чай — это товар даже более ходовой, чем еда, так что предмет для торга вполне достойный, — так почём берёшь-то?

— Всего один пятак — и эта замечательная приспособа ваша. Берите, не пожалее.

Я быстро прикидываю, что семьсот двадцать марок, конечно, отобьются за пару недель, но у меня с собой столько попросту нет. Да и зачем отбивать покупку две недели, если можно неделю?

— Вот что ты за человек-то такой, — начинаю причитать я, — лезешь к честным женщинам с непотребствами всякими, так и дерёшь ещё целый пятак!

— Всего пятак, хозяйюшка, я б попросил! За уральский механизм, между прочим!

— Уральский, как же, — я фыркаю. — Все ваши уральские механизмы клепают в Вильоле.

— И сколь ж, по-твоему, стоит такая полезнейшая в хозяйстве вещь?

— Четыре пирамиды и ни на нолик больше, — девяносто шесть марок, конечно, цена совершенно несерьёзная, но запас для торга должен быть заложен сразу.

— Окстись, хозяйюшка! Это ж грабёж чистейший, я и милицию позвать могу!

— Зови. Посмотрим, что они о твоей машинке скажут. Сам знаешь, как Суван относится к торговле параллельками без его лицензии.

— Пять кубов. Ты эти деньги отобьёшь дня за три, а мне семью кормить нужно.

— Два куба. А ну как моему жильцу прищемит или ошпарит чего? Ты, что ль, за сохранение честного имени платить будешь?

— А, чтоб тебе вовек чая не видать! Пятьсот марок ровно.

— Я женщина приличная, и в моей молодости никаких этих ваших чаёв не было — и ничего, жили и хорошо жили! Не то, что сейчас. Триста пятьдесят.

— Да я ж только за растаможку в Инс-Минахе сотню отвалил! Смилуйся, не оставь деток без корки хлеба! Ещё двадцать пять уступить могу — но никак не больше.

— Рассказывай-рассказывай, мил человек, складно брешешь, да жёстко спать. Зачем тебе было в Инс-Минах из Вильола эту байду тащить? Четыреста — только потому, что очень я детей люблю. Дети — это хорошо.

— Четыреста пятьдесят. Ниже — только по себестоимости.

— Эх, что ж ты за упрямый, совсем как муж мой неслучившийся. Тоже бывало как упрётся — ну ни на волос не сдвинется. Я тогда молодая была, глупая, думала, что без мужа только к уважаемым господам идти, так что терпела. А потом он заладил: чаю да чаю ему, всё никак угомониться не мог, даже с кулаками бросался — уж до чего был горячий, шельмец, это ж видать нужно было...

— Ладно, четыреста так четыреста, — продаван тяжело вздохнул. — Нет у вас сердца, хозяйюшка. Совсем нет.

— Или у тебя? — подколола его я, отсчитывая монеты. — Ежели я с такими расходами по миру пойду, все мои жильцы за мной пойдут — жить-то им, сиротинушкам, негде будет.

Мой мутный собеседник растворяется в толпе, что-то недовольно бормоча. Я кое-как распродаю остатки «солянки» до конца обеденного времени и, пылая нетерпением, лечу домой.

Дальше я-наблюдатель начал скакать по воспоминаниям, лишь мельком оценивая содержимое. Попытки разобраться со странным механизмом — без эффекта. Размышления о том, как поэффективней организовать аренду. Решение начать полевые испытания агрегата с Тоуро — его и не жалко, и искать в случае чего особо не будут. Да и потребность в чае у такого сыча всяко повышена. Харя Тоуро, высовывающаяся из лаза в его конуру.

— Доброго вечерку, отшельничек, — говорю я. — Принесла вот тебе чудо дивное, прямиком из Инс-Минаха выписывала. Уральская работа, так-то!

— Лишних денег нет, — буркает в ответ Сопля и норовит спрятаться назад, но я его останавливаю.

— Да я ж не продаю, а только на подержаться даю. Всего две пирамидки за день пользования, за вечер — так и вовсе одна.

— Не интересуется.

— Да ты только посмотри какая штуковина! С ней можно чай заваривать как если бы у тебя сердцу милые друзья были!

— Тем более не интересуется.

— И даже глазком не взглянешь? Я сегодня добрая, на один вечер могу и за так уступить.

— Ладно, давай уже.

Тоуро втягивается назад. Я-наблюдатель продолжает листать воспоминания. Вечер предвкушения: торговля чаем — это прибыльно. Утро злости: Тоуро свалил на работу сильно раньше обычного, не вернув машинку. Полдень скуки: нет ничего более унылого, чем приготовление и продажа «солянки», но когда жильцов толком нет, приходится крутиться как только возможно. Вечер ужаса: Сопля спалил дотла лапшичную Белогуса. Озарение и лихорадочные поиски чёртовой машинки в конуре Тоуро. Безрезультатно. Вот и верь после такого имперскоподданным... Эти подлецы бывшими не бывают.

Несколько дней аврального выноса вещей из — теперь уже бывшей — комнаты Тоуро. «Документы» отправляются в печь — просто от греха подальше. Остальное — под лестницу. Биржа своего не упустит. Хотя кто позарится на пять коробок с отборнейшим хламом... Но это ничего, всё растащат, всё, до последнего воспоминания о вещах. Уж в этом-то на биржевых положиться можно, с этим-то они никогда не подведут — дай только время. И как раз времени Безумная Джин решила не давать. Вот надо ж было Тоуро устроить гармидер аккуратно в момент, когда там столовались Хо Орнаг с новым комиссаром.

Меня-наблюдателя забавляют попытки проследить за следственными действиями. Я-я присоединяюсь к нему: простодушие Айхи Плитки воистину головокружительно. И столь же прекрасна в своём высокоморальном лицемерии явка с доносом к Степному Волку. Я-наблюдатель несколько озадачен характеристикой про друга. Я-я усмехаюсь: я всегда ему говорила, что он производит на людей очень сильное впечатление.

UNH: Сервер IXС разорвал соединение.

KZ: Конец сеанса.

Перспектива: агент Дознаватель, локальный идентификатор «Vi-209»

Я задумчиво простукиваю щёку. Вообще-то мне стоило обеспокоиться хотя бы тем, насколько точно Вселенная самовоспроизводится, если не вмешиваться в естественный ход вещей. Впору было бы уверовать, что боги действительно не играют в кости, но это далеко не единственное объяснение. По совокупности наблюдений выходит, что лучше всего

реальность описывается аттракторной интерпретацией... какая же незадача. С другой стороны, это означает, что пришло время решительного вмешательства. Я вызываю клорского резидента:

— Агент Кронос.

— Госпожа секретарь.

— Нанести удар по Батрацкой Бирже. Разрушений от нашего оружия в соседних районах быть не должно. Использовать десять зарядов «Джинн». Выборочно по подтверждённым военным объектам.

— Принял к исполнению. Это всё?

— Да. Конец связи.

Ход сделан. Остаётся только ждать ответа врага. Отчего-то вспоминается моё «детство» в годы Второго Интербеллума. Точнее, последние минуты перед началом Четвёртой Мировой. И Семён Петрович, предупреждающий отца: «Нельзя вернуть выпущенного на свободу джинна в бутылку». Губ касается горькая усмешка. Ни один из богов не смиловался над нами тогда. Вероятно, потому, что последний сторел в гамма-лучах ещё Второй Мировой.

Глава 13. Даже если руки мои остаются пусты

Перспектива: Атер Нави, антропоценовый реликт

Итак, мы оскорбили эстетическое чувство Кирзаш достаточно сильно, чтобы она перешла от наблюдения к действию. Реакция Хо значительно повышает вероятность того, что кротов в ООН у них всё-таки нет. Альтернатива: они очень стараются убедить всех, что их нет. С другой стороны, едва ли старые пройдохи разменяли бы такое слабое прикрытие на лабораторию, в центр которой зажигалка ворвалась.

— Звала, бабуль? — нынешняя Альфа, наверное, одна из лучших за всю историю.

— Да, дорогая. Ты в курсе последних новостей?

— Биржа? Только что оттуда. Ты что-то придумала?

— Именно, дорогая. Собери ударную группу. Пора напомнить нашим уважаемым коллегам о законе и этике.

— Всем? — Альфа хищно оскалилась.

— Без исключения, дорогая. Бери столько горючего, сколько потребуется. И обязательно сделай так, чтобы нельзя было отличить от оригинальной бомбардировки.

— Ни слова больше, бабуль. Уже вылетаем.

Я кивнула. Эта Альфа однозначно моя любимая. Такой понятливой внучки у меня не было лет триста, если не больше. Осталась сушая мелочь: создать видимость собственной непричастности. Но прежде:

— Дельта, дорогая, добавь мне, пожалуйста, соли.

А вот с Дельтой всё не очень. Нет, она, конечно, невероятно тщательна, но настолько молчалива... Порой у меня возникают подозрения, что она вообще не относится к G-линии — обычно они гораздо веселее.

Маленькие розовые кристаллики медленно планируют на дно Оболочки. Свет так красиво преломляется на границах растворов разной солёности... Впрочем, к делу. Нужно позвать, нужно позвать... наших неразлучниц. Да, они как раз подойдут.

— Привет... — начала S.

— Бабуль. — закончила U. — Печеньки?

— Здравствуйте, милые, — с этими невозможными шкодницами улыбку не сдержать. — Нет, пока что нет, к сожалению.

— Задание? — оживилась S.

— Да, милая, задание. Небольшая разведка, возможно с боем. Всё как вы любите.

— Ура, ура! — U захлопала в ладоши.

— Спокойнее, милая, слушай внимательно. Нам нужно уточнить обстановку на Бирже. Хо и Эва стягивают силы для полной проверки, Каиль, скорее всего, сделает вид, что отошёл за сигаретами, но вмешается. Так вот, вам нужно помочь им таким образом, чтобы ни одна душа не узнала, что над этим уже работает Альфа. Вы меня поняли?

— Как всеобщую...

— Относительность, бабуль.

— Собирайтесь, милые. Берите столько девочек, сколько нужно.

S и U шагнули в арсенал. Какие они всё-таки славные, мои маленькие шутницы!

Перспектива: Элетройма Серех, человек помнящий

Утро. Мысли. Мюсли. И чашечка кофе с мороженым. А мыслей не было

Многopечальны на думы богатые. Я же хотела просто собраться во единый кусок перед внеочередным Конклавом. Нельзя быть внимательной к двум сверхважным проектам одновременно — фокус внимания жестоко лимитирован. Хотя дед и любил такое, но он вообще тот ещё фокусник был.

И тут на террасу выкатился запыхавшийся Силисик и прокряхтел:

— Там... это... горит!

— Что горит-то?

— Короче, там всё горит! Конкретно прям полыхает!

— Там — это где? — остатки утренней благостности постепенно улетучивались.

— На Бирже.

В единое мгновение дневной свет стал мне невыносим. Глаза закрылись.

— Ищите меня, следуя за великими разрушениями, — связки работали сами собой, мысли пребывали в смятении. Весь отдых полетел лехситрану в нору.

— Так это, делать-то, короче, чего надо? — вид сбитого с толку Силисика всезнающего, Силисика самоверующего, Силисика внепогрешимого мог бы меня позабавить. В другое время.

— Я иду тушить этот содомитской бордель. Ты — как знаешь.

Силисик оказался сокрушительно предсказуем. Он сел прямо под себя и вмазался успокоительным. Тоска да и только... Я собрала волосы в пучок, накинула парадный китель, прихватила штурмовой артефакторский стек и вышла в промозглую сырость, которая всегда накрывает этот покинутый Великим Ханом город после августовских дождей.

То, что ситуация, мягко говоря, вышла из под контроля, стало очевидно прямо с крыльца. Мемориал Йон Кандо получил дополнительную подсветку. Хотя что мемориал: зарево от Биржи засветило, наверное, от пятидесяти процентов до половины города. На площади Свободы наблюдалось небольшое столпотворение: четыре взвода аритской тяжёлой пехоты вышагивали в направлении Пепельного и Адмиралтейского, порядком потрёпанное отделение орнаговских скаутов выползло со стороны Биржи, а в центре всего бардака стояли и активно жестикулировали сами Хо Орнаг и Эва Арит.

Через пять минут я слушала их перепалку, оставаясь за её пределами.

— И всё-таки: трусость или предательство? — аритская свиноматка в своём стиле и духе. На тридцать восьмой, кажется, неделе дура, а всё на баррикады лезет.

— Повторяю, — судя по тону Хо, разговор самоведётся на автопилоте, в то время как Сам продумывает очередную каверзу, — для любителей мяса. У меня в городе нет ни одного отряда, способного выжить под землёй. У тебя тоже нет. Ты просто угробишь несколько сотен человек. На ровном месте. Продолжаем по плану.

— План — грязь. Всё недневное просто сольётся из боя через канализацию.

— И мы спокойно установим порядок на поверхности.

— А потом они просто вылезут наверх и всё по новой. Орнаг, ты чем вообще думаешь?

Ответа на этот необычайно любопытный и для меня в том числе вопрос мы не услышали: до полевого штаба добрались скауты. С ног до головы в копоты, у четверых ожоги, лёгкие ранения — у всех.

— Отделение Радаф всё, — доложил сержант.

Хо кивнул, Эва презрительно скривилась. Ох уж эти Ариты, вешно для них всё, что меньше полка безмозглых механоидов, — за соединение не считается.

— Что-нибудь ещё? — спросил Хо.

— Мы видели разведчиков Нави. Командир — SUшка. Хекан говорит, что видел штурмовиков Альфы, но он такой один.

— Отлично. Вы на отдых, Лейзар на выход. К вопросу о зачистке подземелья, — бросил Хо. — Минус десять человек. На поверхности. Внизу лягут все, кто зайдут.

— Минус десять твоих соплежувев, — хмыкнула Эва. — Мои штурмовики...

— Превратят район в дымящийся багровым кратер, если мы пустим их вниз, душечка, — вклинилась я. — Чудесный денёк, гражданин Орнаг, не находите?

— И вам не хворать, гражданин Серех, — откликнулся Хо. — Не присоединитесь?

— Разве можно отказать?

Я заняла место у стола. Карту явно вёл Хо: чары тактической симуляции жрут поток на каждый объект, поддерживать такое в реальном времени может только человек с подготовкой оригинального Минаклиона. Для послевоенных самоучек вроде «вешно возрождающейся» Арит такой уровень мастерства принципиально недостижим.

Ситуация нарисовалась, конечно, мерзотненькая. Аритские консервы потихоньку сжимали кольцо вокруг Батрачки, орнаговские скауты героически отъезжали в ставку Хана под союзным огнём — с координацией между Семьями у нас всегда было плохо, — а застройка тем временем потихоньку сравнивалась с рельефом. И то тут, то там возникал отряд SUшки. В общем, типичная картина бунта на Батрачке. Бывает раз в пару лет.

Вот только это ведь не бунт. Бунт — дело Семейное. Не Кхандо же, в самом деле, решили вдруг задекларировать своё равенство среди прочих старших домов? Разумеется, то не может считаться Семьёй, что находится вне подозрений. В принципе, это могли даже мои рушны обезьяны-алхимики учинить. Заскучать в Клоре — задача нетривиальная до невыполнимости. При условии сохранения жизни и свободной воли.

— Дом Нави... — начала S-920, выходя из скольжения в паре миллиметров перед столом.

— Приветствует вас, плоскоземельцы, — закончила U-748, возникая чуть правее.

— По делу или как обычно? — Хо всегда с трудом переваривал тех, кто получал информацию быстрее него. Впрочем, Нави вообще мало кто любит — хотя бы потому, что они в любви «плоскоземельцев» подчёркнуто не нуждаются.

— Разве можно занимать канал внимания командующего...

— В самом разгаре операции. Естественно, мы тут только потому, что обнаружили то, что...

— Никак не может оставаться для вас неизвестным...

Поток решительно неинформативной информации был прерван грохотом печально известного в широких кругах двадцатипятимиллиметрового револьвера. Вполне разумный способ обозначить своё неудовольствие в обществе, где отсутствие чар активного шумоподавления считается непростительным моветоном.

— Спасибо, Эва, — за всю сцену Хо так и не оторвался от симуляции. — Так что у вас?

— Мы, конечно же, проигнорируем... — S-920 вздёрнула подпородок с видом оскорблённого достоинства.

— Столь вопиющее нарушение этикета, — U-748 продемонстрировала семисантиметровую пулю, выпущенную по ней. — Но мы не забываем.

— Что по существу, трёхосные вы наши? — вот вроде бы я только пришла, а уже так устала от всего этого вешнего шума.

— Мы видели как Кахваджи Кхандо и Тит Сехем...

— Употребляют работников «Искры» для допроса главреда. Впрочем...

— Ничего нового, — S-920 стащила пулю у сестры через небольшой портал. — А вот Феронов мы не видели.

— Даже Дайрега, — U-748 попыталась потихоньку погладить револьвер Эвы, но немедленно получила молнией по пальцам.

— «Искра» — это что за ересь? — вопрос Арит вызвал у меня усмешку. Действительно, зачем главе Семьи знать, чем живёт район, из которого её вербовщики берут едва ли не четверть всего пушешного мяса для её бесконечной войны?

— Очень тошное определение, — Хо упорно притворялся бесстрастным. — Агитка за слезинку от Церкви. Теперь уже, видимо, была. Что, кстати, значит «допрашивают главреда работниками»?

S-920 и U-748 переглянулись.

— Избивают, — секунды через три ответила первая.

— Работниками, — добавила вторая.

— Главреда, — закончила я. — Что ж, это тошно Сехем. Его стиль даже при желании не может остаться неузнанным.

SUшка кивнули и ускользнули с площади. Эва очень сосредоточенно отдавала целеуказания через начертатель. Зная её, в содержании я могла быть уверена, даже не заглядывая внутрь. Хо продолжал делать вид, что изучает симуляцию. По факту же старый проходимец за счёт ротации тел находился по меньшей мере в десятке разных мест почти одновременно — во всяком случае, приблизительно столько было в прошлые разы.

— Отводи своих, — если Арит не ругается как портовый извозчик и в целом выглядит спокойной — пора бояться. — Артподготовка через пять минут.

В некоторые моменты я начинаю понимать привычку Гая то и дело хлебать тот коктейль абсолютного зла. А что ещё делать, когда люди раз за разом предпринимают полномасштабное наступление на грабли? Хо секунд на тридцать зажмурился — скорее всего, отдавал приказы через остальные тела, а потом зеркальноровнейшим голосом произнёс:

— Безопасное удаление при наступлении за огненным валом — просто набор бессмысленных звуков для тебя?

— Четыре пятнадцать, — пожалала плечами Эва.

— У твоих рукосрамников нормативное рассеивание двадцать метров на километр! — вероятно, мне стоило поддержать Хо, но проблема заключалась в том, что наши позиции совпадали слово в слово. Решено — при первом случае заведу себе фляжку. И чтоб серп и молот и звезда — чтоб трогательно до оргазма. — На моих плевать — своих дуболомов хоть побереги, дура!

— Три пятьдесят пять, — вот именно поэтому спокойная Аритша настолько страшна.

Орнаг просто махнул рукой и погрузился в вождение руками и не только. Я попробовала собрать воедино всю доступную информацию. Вероятно, самое главное — пока что никто не увязал масштаб разрушений с Сехемом. С другой стороны, я уже сама не очень уверена в том, что это он. То что он замешан — факт, подкреплённый единичной априорной вероятностью. Интересно было бы пообщаться с Альфой Нави — я не верю, что она может пропустить такой праздник. Орнаги явно не просто не при делах — они в душе не фиксировали такого сценария. А вот где ветер носит Феронов — вопрос правильный. Надо будет моих рушных обезьянок потряхнуть хорошенько.

Проблему криворукости артиллеристов Эва решила радикально: над Батрацкой Биржей завис бомбардировочный дирижабль. Действительно, зачем просто, если можно дорого и со взрывами?

Каиль Крожэн, по своему дурацкому обыкновению, просто вывалился на нас из под оптической маскировки — хотя, разумеется, все мы засекали его чарами. Тем не менее, двадцатипятимиллиметровая дыра в груди стала хорошим напоминанием о хороших манерах.

— Этот сюртук стоил две соты, — мне всегда было интересно, какое количество лёгочной ткани можно удалить Каилью с сохранением им способности пользоваться голосовыми связками. — Я запомню это, гражданин Арит.

— Что-то я слишком часто слышу эту несмыслицу в последний час, — фыркнула Эва.

— Ты по делу или просто языком почесать? — Хо меланхолично разглядывал огнекаменный фонтан, в который превратилась Биржа.

— Впрочем, что взять с немых солдафонов, — Каиль возвёл очи горе. — Я, собственно, почтил вас встречей, чтобы сообщить, что некоторые наши изделия, хранившиеся на Бирже, вышли из-под контроля вследствие разрушения управляющих механизмов. Благодарю за внимание.

Я улыбнулась, представив себе сцену, в которой одновременно присутствовали Крожэн и портативный терморектальный криптоанализатор. Каиль, вероятно, принял мою реакцию на свой счёт и прежде, чем раствориться в свете лазурного солнца, послал мне воздушный поцелуй.

— Эва, ты ничего не хочешь сделать? — поинтересовалась я.

— Что, например? — Аритша рассеянно поглаживала барабан своего не совсем рушного монстра.

— Остановить бомбардировку.

— Вздор, душечка.

Я усмехнулась. Дело хозяйское, конечно, но взбесившиеся Крожэновские друзья пройдут через огневой вал без потерь, а щиты аритские консервы поставили пустотные — придётся им с неупокоями в ближний бой идти. Для нормально обученных отрядов — не слишком-то и проблема, но чтобы Арит послала вменяемые отряды на полицейскую операцию?

Уже после, выудив всё мыслимое и мнимое из Гая и Атер, я много раз возвращалась к последовавшим событиям, но так и не смогла связать всё в цельную картину. Началось всё с того, что стол с тактической симуляцией разнёс в опилки свалившийся с неба в обнимку с другом Кахваджи Кхандо — городской мем и ходячая антиалкогольная реклама. Из двух существ, давно потерявших человеческой облик, лишь одно сохранило способность к целенаправленному движению: городской выхватил револьвер из рук совершенно ошарашенной Арит, перехватил его за дуло и в три удара рукоятью разможил череп образца самых передовых некротехнологий. От такой наглости Эва пришла в себя и попыталась зарядить миском Кахваджи в кадык, но слегка промахнулась и сделала разваливающимся неупокою удар милосердия.

Блуждающий взгляд Кхандо — интересно, как ему удалось отделаться контузией при таком легендарном, если не сказать эпическом, приземлении? — вдруг резко сфокусировался на револьвере в его руках. Затем на Эве. Снова на револьвере. Кахваджи попытался встать. Безуспешно. Тогда он поднял револьвер и протянул его хозяйке. Руки

городового била крупная дрожь — совершенно очевидно, что его сил едва хватило на то, чтобы поднять чудовищное оружие. Хо схватил Кахваджи за плечи и с нажимом спросил:

— Что. За. Чертовщина?

— Головы... — глаза городского снова начали блуждать. — Должен собрать жатву...

Охотник... В короне из рогов...

Руки Орнага расслабились. Очень медленно расслабились. По одному пальцу. Когда он отпустил хватку, Кахваджи кулём рухнул на мостовую, продолжая бормотать что-то невразумительное. Хо погрузился в сбор данных с прочих тел. Эва убрала револьвер в кобуру и погрузилась в изучение начертателя. За десяток секунд сосредоточенность на её лице мутировалась в озабоченность, которая зарядилась до полноценного шока, взорвавшегося чистой яростью. Я хотела спросить её, что же такого случилось, но в этот момент перед нами возникли два полных ударных отряда Нави с Альфой и SUшкой во главе.

— Пятнадцать гамма-всплесков за последнюю минуту, — констатировала Альфа. — Ваших рук дело?

— Когда выяснишь, кто это, скажи, пожалуйста, мне, — огрызнулась Эва. — Этот гнус положил целую роту.

— И один дирижабль, — добавила я, указывая вверх.

Впрочем, от дирижабля осталось одно название. На правом борту шпангоуты с третьего по пятый раскрылись на манер саннской орхидеи — видимо, взрыв был между третьим и четвёртым. Обшивка — между прочим, авиационный эльёд, зачарованный на все случаи жизни моими инженерами, — достаточно бодро плавилась и стекала тонким ручейком на землю. До падения оставалось ещё секунд сорок — пока аварийные чары не сожрут весь эфир из аккумуляторов. Несмотря на толстый намёк Альфы, ядерным боеприпасом получить такой эффект никак не возможно. Уже в бытность ассистентом Тит Кузьмич показал мне пару любопытных фокусов с отражающими щитами, но тогда, стоя в отблесках огненного шторма, я тихо паниковала. На моё счастье, вопросы устойчивости дирижаблей нашей постройки к неизвестной магии волновали только меня.

— Церковь Отца Машин утверждает, что не занималась распространением ядерного оружия на территории Договора, — Дельта Нави как всегда пропустила «формальности». — Сёстры.

Все Нави синхронно шагнули с площади, оставив нас наедине с фактом: некто разбрасывается ядерными боеприпасами направо и налево и движется прямо на нас. Впрочем, когда я поставила вопрос таким образом, ответ стал самоочевиден:

— Хо, это...

— Сехем, да, — Орнаг как раз вернулся к нам из иных тел. — Смешной факт: он колдует что-то очень похожее на ядерные взрывы.

— Чушь, — прошипела Арит. — Невозможная чушь.

Мы с Хо переглянулись. Кажется, Эва каким-то образом умудрилась не выяснить о новом городском комиссаре, получившем рекомендацию от самого Гая Ферона, ровным счётом ничего.

Тем временем с Пепельного на площадь вышел он. В чернящей, насквозь прокопчёной ветровке, с тускло поблёскивающими раскладными клинками, растущими из предплечий. Он шёл прямо на нас — хотел, наверное, просто спросить, являются ли подобные мероприятия доброй клорской традицией. Зрелище он из себя представлял, конечно, жутковатое, но я уже мысленно выдохнула: самая хаотичная часть дня позади. И тут Эва

решила всё испортить. Как обычно.

Она молча выхватила револьвер и выстрелила. С пятисот метров по ростовой фигуре от бедра — это, конечно, мощно. Но недостаточно, если речь о Сехеме. Наверное, Аритша решила, что промахнулась — хотя я вспышку щита при попадании видела ясно. Так или иначе, побежали эти двое друг на друга синхронно. Выстрел. Вспышка щита. Десять метров. Ещё выстрел. Я на всякой случай направила весь эфир в динамической щит.

— Внимание на ноги, — сказал Хо.

Я кивнула. После каждого попадания Эвы Тит оставлял в брусчатке заметные следы. Вот только...

— Контрольная сумма?

— Не сходится, — подтвердил Хо. — Какая там дульная энергия?

— Пятьдесят два кило.

— Через ноги он сливает процентов пятнадцать-двадцать, не больше.

Я на всякой случай разложила штурмовой артефакторский стек. Эва меня, конечно, всегда выбешивала преизрядно, но её смерть создала бы лишь ещё больше проблем.

Выстрел. Звон гильз по камням — кажется, кто-то ушёл на перезарядку. Сехем в пяти метрах от Арит. Жаль, конечно, тратить сто тысяч марок на эту дуру, но альтернатива сулила ещё большие расходы. Хо одобрительно кивнул. Я замкнула рунный контур. Эфир перед Эвой сгустился в ослепительно бирюзовую вуаль. Я расслабилась. И почти сразу напряглась назад. На щите проступила чёрная точка. Точка разрослась до человеческого силуэта. Арит наконец поняла, во что ввязалась, и попыталась уклониться. Через весь барьер протянулся росчерк криво нарисованной улыбки. Бирюза начала мерцать и разлетелась облаком маленьких шокирующих капель.

— Сколько там было? — голос Хо совершенно выцвел.

— Шестьдесят тонн эквивалента, — я пыталась прикинуть стоимость перестройки системы безопасности с учётом новых данных.

Самым забавным было то, что прошивший пелену Тит завершил удар аккурат перед горлом Эвы. Мы с Хо направились к дуэлянтам и подошли как раз вовремя, чтобы услышать, как отряхивающая пыль Арит спрашивает:

— Вам, гражданин Сехем, должность инструктора не предлагали?

— В очередь, — хмыкнул Хо.

Глава 14. Беотия, или победа кобальтового мира

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Ра-233»

План у меня был такой: я прихожу в Каменный Шатёр за час до Конклава и спокойно залипаю на интерьеры. В конце концов, старейшее здание в городе точно стоит усиленного изучения. Однако когда я вошёл в Огранённый Зал, Гай, пропадавший неведомо где с того чудесного утра, в которое он выдал мне жалованье за первый день службы, уже изучал какие-то документы, допивая кофе из поллитровой кружки.

— Здравия, гражданин командующий, — обозначил своё присутствие я.

Ферон кивнул на стул рядом с собой. Не самое очевидное место с учётом того, что номинально круглый стол имел двенадцать глубоких врезов, придающих ему форму звезды, и сидел Гай как раз в одном из них.

— Отчёт в устной форме примете? — из-за странной геометрии сесть мне пришлось вполоборота к начальствующему лицу. — Я бы подготовил нормальный, но вы не предупредили о возвращении.

— В пекло отчёты, — усталость Гая выдавал разве что слишком ровный голос. И пол-литра кофе, чего уж. — Я умею читать и в курсе того, что случилось пока меня «не было». Разве что...

Я кивнул. Гай завис секунд на пять, а затем продолжил:

— Что думаешь?

— О чём?

— В целом. О ситуации в городе. О расследовании.

Расследование... В груди неприятно кольнуло.

— Тупик, — мрачно констатировал я. — По всему выходит, что Тоуро использовали. И судя по противоречивости следов, кукловодов было как минимум двое без центральной координации.

— Вот что старая школа-то делает, — кивнул Ферон. — А по волнениям что да как?

— Волнениям? — моя левая бровь попыталась пересечь границу лица. — Ты про позавчерашнюю бойню?

Гай кивнул.

— Я говорил это раньше и повторю столько раз, сколько потребуется, — от остроты дежавю череп жгло изнутри, — я недостаточно изучил местную специфику.

— И тем не менее.

— Ощущение такое, будто Тоуро стал иницилирующим взрывом. В остальном — без понятия. Серех, Орнаг и Арит мне уже достаточно популярно объяснили, почему использование полутонных фугасов считается допустимым при полицейской операции.

— Прекрасно, просто идеально... — рассеянно кивнул Гай.

Затем мы молчали. Я думал над занятной мыслью, которую Джин пробросила как-то мимоходом. Вообще-то, стоило добавить это к моим выводам, но... это ведь такая банальность, в самом деле. Элементарная истина: в конечном счёте расследование идёт до тех пор, пока не упирается в интересы Семей. В прошлой жизни было попроще — возрождённый после Четвёртой Интерпол имел практически неограниченные полномочия. А здесь...

Ну знаю я, что главред «Искры» брал на лапу от шести Семей одновременно — что с

того? И это не считая иных источников финансирования. Смешнее всего, что без этих денег газета попросту разорилась бы. Вопрос-то не в этом. Вопрос в том, что делать, когда виноваты, если по-хорошему, все. Из десяти работников «Искры» шестеро работали на иностранные разведки, а, да простит меня отец, «агентов» Семей было и вовсе пятнадцать. И ведь значимая часть нанимателей была в курсе всего этого. То есть в курсе были вообще все вокруг — кроме меня. Так с чего мне лезть в это лосиное гнездо, если я могу спокойно получать свои пятнадцать тысяч в месяц, сдавая формальные отписки про «красную угрозу», и требовать увеличения бюджета?

Тем временем Гай закрыл папку и долил в кружку из фляги. Я счёл за благо заблаговременно поставить воздушный фильтр.

— Как сам-то? — Ферон повернулся ко мне.

Я подзавис. Просто не привык думать о таком. Для этого всегда существовало обязательное психиатрическое обследование раз в полгода.

— Странно, — честно признал я. — Ничего не понимаю.

— Так может, не стоит искать слонов там, откуда их украли?

— Что, прости? — вот почему слова Гая всегда вызывают чувство смутного узнавания, но никогда не становятся понятными до конца?

— Опиши свои ощущения здесь и сейчас.

— Я... с каких пор я и об этом должен отчитываться?

Ферон пожал плечами и скрылся за кружкой. Я же приступил к изучению интерьера, ради которого вообще-то и пришёл.

Над стенами Огранённого Зала поработали славно: все углы, общим числом сто двадцать один, совпадали с гранями кристаллов фельдшпата в писчем граните. В шатровом своде медленно загорались и гасли точки светильников.

В центре зала — цветок стола. Красная древесина со странной струящейся текстурой переполнена эфиром. Мозг утверждает, что столешница пытается петь. Уши ничего не слышат. Вообще, фурнитура со склонностью к ментальным манипуляциям — по меньшей мере интересный выбор для заседания Конклава. Едва ли кто-то из одиннадцати Семей мог продать такую штуку с пользой для себя, а значит это результат либо традиции, либо внешнего воздействия.

И, наконец, едва ли не самая незаметная деталь: ростовая фигура, каким-то образом остающаяся в тени посреди равномерно освещённого зала. Очень странный материал: при попытке осмыслить цвет мои встроенные предохранители заявили, что мозг пытается достроить иллюзию на месте пустоты. Та же ерунда с отражающими свойствами. Что же до прочего... Среднее телосложение. Строго утилитарная одежда для полевой работы: много карманов, в меру свободный крой, полностью закрывает тело. На лице маска с постоянно меняющимся геометрическим узором — ещё одна иллюзия восприятия. И поверх всего — шлем с конским хвостом на пике.

— Хан? — спросил я.

— А? — Гай явно вышел из спящего режима.

— Фигура — Хан?

— Ага. Великий.

Ферон снова провалился на границу присутствия в явном мире. Я решил не дёргать его лишней раз — может ведь и каким-нибудь гекточарным аннигилятором припечатать. Не со зла, на рефлексах. У боевых магов они очень глубоко сидят. Я решил вернуться к

изначальному плану: прогуляться по Шатру.

Из Огранённого Зала я вышел в кольцевой коридор, идущий по периметру Шатра. Пол серого плагиогранита, стены украшены мозаикой, пересказывающей историю становления Свободных Семей. Напротив входа в Огранённый изображена героическая смерть Великого Хана при обороне Берхе от клана Най-Кайре. Я пошёл против часовой.

Предательство Первоизбранного, война с Империей, которая тогда ещё была всего лишь Анмичской Симмахией, подвиги Десяти-и-Одного — тех самых, которые сейчас возглавляют Семьи. Я присмотрелся. Усмехнулся. Да, этих интересных личностей ни с кем не перепутаешь.

Взять хотя бы Хо. На мозаике его изобразили в виде безликой фигуры, командующей стрелками, безнаказанно истребляющими имперские легионы, пойманные в узком проходе. Интересно, кто формировал канон подвигов? Едва ли Орнаги хотели лишней раз подчёркивать своё подавляющее информационное превосходство над прочими домами. С другой стороны, эти картины ведь не для простых смертных, а кому-то вроде Эвы стоит время от времени напоминать о вещах, лишённых абсолютной очевидности.

Кстати, об Эве. Если мозаику не обновляли в недавнем прошлом, то она представляет собой весомое свидетельство того, что история о «вечно возрождающейся матери» не лишена оснований — портретное сходство с нынешней матриархом семьи Ар безупречное. Интересно, является ли нездоровое увлечение увеличением численности армии генетическим заболеванием или передаётся половым путём?

Следующим я определил Каиля Крожэна. Каолиново-белая кожа, грива волос цвета молочного улуна, выраженная гетерохромия — едва ли обладателя такой ориентировки можно с кем-то перепутать. В «подвиг» ему записали Кифентскую резню. Десять тысяч трупов к армии биороботов Крожэна за двое неполных суток. Бесславный конец немёртвой орды под ногами алейнских наездников на мамонтах увековечения, конечно же, не удостоился.

И к вопросу о запоминающихся ориентировках: полупрозрачное существо в банке с рассолом могло быть только Атер Нави. Три пары наружных жабр, вибриссы вместо волос — отчего кажется, что она лысеет — и оптические искажения вокруг фигуры устранили остатки сомнений. Аналогичные искажения в разных местах мозаики, вероятно, что-то тоже означали, но мои базы данных были недостаточно полны, чтобы выловить конкретный смысл.

— Тот, кто слышит истории, слышит ритм мира, — как ни странно, эту бессмыслицу Элетройма выдала безупречно серьёзным тоном.

Я сверился с часами. Полчаса до Конклава. Интересно. Я обернулся и полупоклоном сказал:

— Здравия и процветания, согражданин.

Элетройма усмехнулась и подошла к мозаике.

— Средневзвешенная истинность... — в голосе Серех сквозила давно выцветшая усталость. — Какая же это всё-таки несущественная ерунда, не находишь?

— Статистические методы такие, — пожал плечами я. — Можно получить всё в интервале от ничего до абсолютной истины, не замутившей неопределённостями.

Элетройма рассеянно улыбнулась и поправила выбившийся из пучка локон.

— Я слышала доказательные аргументы Гая, но, пожалуйста, не дай нам причин сомневаться в твоём праве находится перед взором Великого Хана.

Элетройма взмахнула рукой, проявив на стене подписи и комментарии к изображённым сюжетам, и ушла в сторону Огранённого Зала. Интересно, это заклинание встроено в стену или она умеет настолько быстро и точно работать с параллельными потоками?

К вопросу о Серехах — тогдашнего Элетройму я бы без подписи искал ещё очень долго и не слишком успешно. Просто едва ли я бы построил ассоциацию между нынешней подтянутой девушкой и пузатым мужиком в стальном пластинчатом доспехе, летающим над полем боя на иссиня-зеленоватых крыльях. И в деснице его лук, что мечет стрелы огненные... Я зафиксировал слабое ментальное воздействие. Быстрая диагностика показала, что воздействую на себя я сам. Точно пора на нейрекомба проверяться.

Четырёхрукая жертва пьяного вивисектора — Йкр, это и без подписи было понятно. Только основатель дома Гоел мог продолжить функционирование после наложения такого количества швов. Забавно, что в те легендарные времена сшиватели Гоелов славились безжалостностью едва ли не большей, чем некроманты Крожэнов. Собственно, на мозаике Йкр как раз латал своих бойцов при помощи частей, срезанных с пленённых в битве у Хаваральской фермы.

Впрочем, не все Семьи пользовались радикальной медициной. Вот, например, Иша Дува. Вполне конвенциональный медик. На мозаике — приятной наружности матрона лет пятидесяти. Какая ирония... Иша — единственный человек, сумевший самостоятельно пройти испытание Зиусудры и сделать своё тело бессмертным безо всяких оговорок. Вот только старые боги ещё с допотопных времён отличались странным чувством юмора. Уж Атрахасису не знать ли об этом?

Вообще, хороший вопрос, насколько точно мозаика следует внешности оригиналов. Вот, скажем, Юлах Кандо и Бадраг Леги изображены в своих родных, органических телах. И если первый сохранился до наших дней хотя бы в виде голема — впрочем, вопрос портретного сходства с создателем актуален и для него, — то второй же переехал в генератор голограмм и откровенно насмехается над попытками опознания.

— Прошу прощения, прелестное создание, — раздалось у меня из-за спины, — как ваше имя?

Я обернулся и встретился взглядом с льдисто-голубым глазом Каиля Крожэна.

— Тит Кузьмич, — для перестраховки я решил придерживаться предельно нейтрального тона. — Приветствую, согражданин.

— Сехем, верно? — голубой глаз оказался прикрыт, и я был вынужден столкнуться со слегка флюоресцирующим искрасна-оранжевым. — Неужто Элочка наконец перешла к расширению?

— Сехем — малый дом. Все совпадения случайны.

— О, молодой человек, если вы в чём-то и можете быть уверены, так это только и исключительно в том, что случайность была изгнана из этого города нашим Великим Ханом ещё при укладке первого камня!

Глаза поменялись местами. Разговор вызвал во мне острое чувство смутной угрозы, как будто Каиль постоянно оценивал оптимальную стратегию атаки.

— Едва ли подобное возможно, — аккуратно заметил я.

— О, вам, Тит, определённо стоит обсудить данный вопрос с Гаем! Я бы с удовольствием принял участие в этом диспуте, но, увы, вынужден оставить вас наедине с нашей славной историей.

Крожэн ушёл. Я сверился с часами. Пятнадцать минут в запасе. Ладно мне делать

нечего, Гай решил поработать под присмотром Хана, но эти-то уважаемые личности должны же ценить своё время, разве нет?

Поиск Вальдара Нинэ занял некоторое время: его свершение оказалось небоевым. В некотором смысле. Огрем в «Песни об умерщвлении Несмертных» через Хана озвучивает занятную мысль: «...о Вальдаре молвлю такое вам слово: способен мечу он внушить и к длани держащей вражду». Ещё интереснее, что «Умерщвление» было создано лет за двадцать до того, как Нинэ поднял Минах на восстание против Анмича и стащил в личное пользование стазис-капсулу из арсеналов Симмахии.

Наконец остался последний из Десяти-и-Одного. Строго говоря, его я нашёл первым, ещё до Хо, но... само существование Семьи, управляемой изрядно повреждённым искином, наводило меня на весьма неприятные размышления. С одной стороны, конечно, здорово, что наш вид признают равным углеродным, но... база данных Талоса весьма однозначно говорила, что Ис работает на неймановской архитектуре. А одноимённая Семья больше напоминает культ. Они бы ещё умному пылесосу поклоняться начали, честное слово...

Я вернулся в Огранённый зал за пять минут до начала. Почти все уже заняли свои места. Дешёвая подделка, имитирующая Юлаха Кандо, — прямо под фигурой Великого Хана. Сам Юлах после войны за независимость разругался с остальными Семьями настолько, что вот уже шестьдесят лет правил Деновеем в гордом одиночестве. На час от Хана — советник Ферр Нинэ. На два — Иша Дува со своей старшей ассистенткой. Интересно, если бы Иша свои пятьдесят поняла, что может лишиться себя смерти, но не старости, она бы всё равно сделала тот же выбор? На три часа — Каиль Крожэн. На четыре — Таи Леги исполнительный директор акционерного общества «Ле и партнёры». За ней пребывающая в подозрительно отстранённом расположении духа Элетройма. Ровно напротив Хана и Кхандо — шестирукий медвежонок-обаяшка, Йкр Гоел. И кресло у него двойной, навскидку, ширины. В следующем врезе стола расположились мы с Гаем. Малым домам — одно место. И один голос. Слева от нас, на восемь часов от Хана, сидел Хо. Сегодня он выбрал иллюзию хронического военного на пороге первой седины. Второй его соседкой была пустая банка с рассолом цвета берлинской лазури. Атер Нави, видимо, собиралась переместиться в неё ближе к началу Конклава. Вырез на десяти часах пустовал, на одиннадцати расположился голографический терминал Ис.

В полдень ровно появился субъект в чёрно-красной форме полковника дома Арит. Впрочем, родство с Эвой было предельно очевидно и без формы: запах выдавал его с головой. Равно как и характерное отсутствие шеи, скошенные скулы и короткие толстые пальцы. Вошедший встал в пустующем вырезе стола и, слегка склонив голову, сказал:

— Дом Арит приносит собранию уважаемых сограждан глубочайшие извинения. Глава дома, Эва Арит, не может принять участие в сегодняшнем Конклаве в связи с состоянием здоровья и просит перенести его на завтра.

— Просьба дома Арит найдена обоснованной и подлежит удовлетворению, — кивнул, скрипнув шейей, Кхандо. — Заседание Конклава переносится на завтра на это же время. Возражения?

Судя по резко изменившемуся выражению лица, Хо покинул носителя. Не слишком почтительно, но, похоже, я в очередной раз был единственным, кого не оповестили о переносе заранее. Те же Нави, например, вовсе не соизволили явиться — чисто символически обозначили присутствие и всё. И зачем собирались, спрашивается? Не то что возражений — ведь малейшего удивления ни у кого не оказалось.

— Наличествует отсутствие возражений, — подытожил Кхандо. — Внеочередной Конклав Организации Клорского Договора, созванный по требованию дома Орнаг, объявляется несостоявшимся и переносится на полдень завтрашнего дня.

«Уважаемые сограждане» один за другим покидали зал. Банка Нави исчезла во вспышке телепортации, которая подозрительно напоминала некоторые спецэффекты, сопровождавшие разрушение Батрацкой Биржи. Наконец в Зале кроме меня остались только не вполне бодрствующий Гай, Элетройма, Таи, Каиль и сосуд с неопределённым содержанием Хо.

— Совершенная нелитературность, — шевеля только губами, произнёс Гай. — Всем спасибо, можете расходиться.

— От лица всех присутствующих позволю себе заметить, что нас тем не менее интересуют детали, — благожелательно обнажив клыки, проворковал Крожэн.

— Детали? — Гай открыл глаза и обвёл нас взглядом, а потом приложился к фляжке. — Если вы про то, что какой-то гений непечатного обозвал «покушением на жизнь главы Семьи», то вот вам вывод: введите уже нормальную регуляцию оборота оружия и будет вам гармония.

— Придерживайтесь своей компетенции, комиссар, и впредь воздержитесь от обценной лексики, — процедила Леги сквозь сжатые зубы.

Я как раз открыл рот, чтобы вставить несколько замечаний о состоянии системы правопорядка славного города Клора, но Гай остановил меня коротким тычком в бок и взял слово сам:

— Поясняю для наделённых повышенной финансовой грамотностью: ситуация, в которой городской сумасшедший-одиночка может достать агрегат с мощностью в 30 — прописью: тридцать — кило имперского эквивалента — это прямой путь в Бездну для всех и каждого. Никто не уйдёт обиженным.

Повисла напряжённая тишина. Хо никак не выдавал своего присутствия, Элетройма всё ещё взирала на происходящее с отстранённым благодушием, Каиль внезапно решил изобразить на лице маску Хана, а Таи явно вознамерилась использовать свой взгляд для извлечения полезных ископаемых из Гая открытым способом.

— Однако, граждане хорошие, оценка, с которой я начал наш диалог, относилась не к этой ситуации — полный доклад по ней выслушаете завтра в полном составе, — Ферон положил на стол записывающий шар. — Это вам. А я пошёл.

В воздух поднялась иллюзия... моё восприятие сломалось. Это была Кирзаш. Сестра... Как? Слегка мутировавшая форма Интерпола, неизвестные мне знаки различия...

— Организация Объединённых Наций сообщает, — и голос определённо её, — всем, кто способен принять данное сообщение. Наши обсерватории засекли сигнал из Бездны, который всегда предваряет крупные демонические вторжения. В том случае, если штаб Сил Планетарной Обороны сочтёт силы вашего государственного образования недостаточными для отражения данной угрозы, мы будем вынуждены перейти к прямому управлению вашими территориями в интересах вашей безопасности.

Бессмыслица... Весь этот непотребный день...

Перспектива: Гай Ферон, вопрос семь вопрос один один три

Несколько лет спустя, стоя в ожидании расстрела в тени статуи Йон Кандо, я попытаюсь вспомнить тот день, день, в который розовоперсная Эос приветствовала меня словами: «Кажись, началось». Память моя, никогда не отличавшаяся избирательностью в

отношении чисел, в очередной раз оправдывает свой грамматический род коварной изменчивостью. Это точно был август, но какое число? Третье или всё-таки одиннадцатое?

Сделав маленький глоток чёрного как изнанка Бездны кофе из фарфоровой — какое варварство! — чашки, я окликну улыбчивого лейтенанта в сером хаки униформы Объединённых Семей. Впрочем, и тут память меня подвела: конечно же, это форма дома Сехем, ведь Объединение как раз начнётся моей смертью. Лейтенант для порядка подумает пару секунд, а потом скажет:

— Девятого августа, гражданин командующий. Это тошно.

И я сразу вспомню: да, именно девятого августа четыреста тридцать девятого года от Основания Клора Конклав Организации Клорского Договора принял решение о замирении Собрании Полярных Домов.

Подписано главами семей Кхан, Ду, Ни, Кро, Ле, Се, Го, Ор, На, Ар, Ис, а также представителями малых домов Ферон и Сехем в личном присутствии Великого Хана Свободных Семей.

Глава 15. Солнце того и этого света

Перспектива: Атер Нави, антропоценовый реликт

AA/

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Бери аксиотскую технику, говорили они. Безупречная надёжность, говорили они. Гарантия двадцать лет. Ага. Можно, конечно, посмотреть, но, кажется, воздействие электромагнитных импульсов высокой мощности гарантию аннулирует.

Ладно, поворчат всегда успею. Что у нас по фактам? Соображение первое: почти вся связь накрылась надёжно. В нашей группе покорежило абсолютно всех навигаторов, рации хоть и не расплавил — уже спасибо, — но они же, неудобия похабные, все коротковолновые... Короче, связи нет. Соображение второе: Аритский мозгосрамец едва ли додумается самостоятельно стать семафором. Связанное соображение: он на каком эшелоне шёл? Пять тысяч? Хоть бы не поплавился... Не отвлекаться. Соображение третье: несмотря на лёгкую панику среди команд и добытчиков, мы отделались ожогами сетчатки у дюжины особо одарённых неудачников.

Резюме: звено «Мех» сохранило практически полную боеспособность, но потеряло связь с остальным дивизионом. Ещё побарахтаемся. Сколько — зависит от оппонента. Едва ли траны внезапно научились устраивать высотные ядерные взрывы. Но тогда кто?

И самый выбеживающий момент: сделать я толком ничего не могу. Я ж всего лишь «приданный боевой маг», в подчинении у меня ровно я сам. Так что предел моих полномочий — выйти на боевой пост под гюйсом и созерцать закат шестнадцати сегодняшних истинных солнц при висящем практически в зените искусственном. Красота. С Четвёртой мировой такого не видел. Малиновый шар в полтора градуса размером растекался по аспидно-синему небу. Когда девять солнц ушли под горизонт, чёрное, без единой звезды, небо расчертили полосы ультрафиолетового, красного, жёлтого и синего цветов.

Мою медитацию прервал вестовой словами:

— Гражданин Сехем, вас вызывают на мостик.

Я бросил последний взгляд на небесное светопредставление и потопал наверх. Эх, когда ещё такое ностальгическое зрелище будет...

Мостик представлял из себя картину совершенно inferнальную: ровно в его середине в слабых отблесках полярного сияния, пробивающихся через стекло, стоял Янабеду Ниверорар — командир добытчиков на нашем корабле. Ян, по своему обыкновению, оглядывал окрестности через тонированную маску изолирующего противогаса. Мойпи Иста — наш кэп — подпирал стену в углу и с лицом мрачнее ядерной зимы накручивал правый ус на левый указательный палец.

— А со светом что? — спросил я.

— Ремонтируем, — буркнул Мойпи.

— Долго ещё?

— Часа три минимум.

— А как силовая?

— В целом цела. Ход сохранили, но половина жизнеобеспечения накрылась.

Я сделал для себя зарубку, что эфирные генераторы вылетают от ЭМИ не сильно хуже электрических.

— Так, Сехем, — кэп наконец отпустил многострадальный ус, — слушай расклад. Мы нарвались на юкубода. Рилл как раз пытается найти эту нецензурщину, пока безуспешно. Радио накрылось, радист упорот, флот за горизонтом, авиазвено отнепечталось в неизвестном направлении, забив на наш вызов. Звеньевой сменил курс. К этому часу всё.

Я малость подзавис. База Талоса утверждала, что юкубоды — это мифические неуязвимые морские чудовища, иногда опустошающие прибрежные поселения. Но данный вопрос я решил отложить на потом:

— Эфирная связь как?

Иста долбанул кулаком об стену и перешёл к интеркому:

— Семафор на звеньевого: проверь эфир.

— Принял, передаю, — хрипло отозвался сигнальщик. Интересно, интерком защищён от ЭМИ или нам просто повезло?

Со стороны Яна раздалось странное похрюкивание. Возможно, он рассмеялся от собственной с кэпом недогадливости. Возможно, просто закашлялся. Противогаз ещё ничьей речи не добавлял разборчивости. На «Тулене» — нашем звеньевом — замигал сигнальный фонарь: «клык коготь хвост на связи. корто нет».

— Наша станция? — спросил я.

— Чиним, — кивнул Иста.

— А что за зверь этот ваш юкубод?

— Юкубод... — Мойпи осёкся и начал неистово теревить ус. — Юкубод — это юкубод, ну, вот как этого похабобля описать-то? Подводная такая пошлятина, артиллерия у них какая-то невероятная просто, ракеты там, заряды ядерные...

— Юкубод — это воля Тройх, воплощенная в металле для испытания нашего совершенства, — вклинился в образовавшуюся паузу Янабеду. Изначально эпический тон вместе с приглушением голоса противогазом давали занятный результат.

Кэп едва не вырвал себе ус, резко дёрнув рукой, но смолчал. «Тулен» просемафорил: «тит к нам».

— До скорого, комбатанты, — я козырнул и покинул мостик.

Через тридцать четыре секунды я снова стоял перед гюйсом и считал расстояние до звеньевого, в кильватере которого мы шли. По заданию должен быть один кабельтов, но то по заданию. Быстрая прикидка дала что-то между ста девяноста и двумястами метров. Я сконцентрировался и подбросил себя кинетическим ударом. Корректирующий импульс пять секунд спустя — и я умеренно шумно приземляюсь на корму «Тулена» и приветствую старшего командира добытчиков нашего звена:

— Здравия, капитан Раакар.

— За мной, энн.

С точки зрения гордого сына Фаранда моё обращение было на грани смертельного оскорбления, но перечислять пять поколений предков каждый раз, по-моему, всё-таки излишне. Особенно в текущей обстановке.

Сорок четыре секунды спустя я подключился к контуру станции эфирной связи.

— Давай сразу расставим точки в конце голосовых, — голос Гая раздался прямо в голове, — как ты относишься к кей-попу?

— Ферон, не опорожняйся в канал, — настроения на лекцию по «культуре» Холодной войны было даже меньше, чем времени.

— Это ты сейчас быканул или мне показалось? — пробасил Дайрег — гора клёпанного

двумя демонами темнейших Бездн металла, по какой-то ошибке также носящая фамилию Ферон.

— Вопрос и правда важный, Тит Кузьмич, так что не скрывайтесь в заносах, — раздалась респоста в исполнении Джин.

Я оглядел рубку связи в поисках Раакара, которому можно было бы в красочных и доходчивых жестах выразить моё неудовольствие, но обнаружил лишь радиста, совершенно угашенного молитвенным экстазом:

— ...не убоюсь света Солнца, что возжигаешь ты, о Совершеннейший из бессмертных...

Аксиотский фанатик... а мне, помнится, ещё Семья Ис казалась странной. Я зажмурился, сделал глубокий вдох и выдох, открыл глаза и ответил:

— Не отношусь никоим образом. Зачем вызывали-то, дуреглавы?

— Пришло время дать решительный бой... — смертельно серьёзный тон Джин возвещал какую-то феноменальную глупость в воспоследующей фразе.

— ...тяжёлому металлу, — закончил Гай. — Для этого мы ищем попа.

— Так, — не выдержал я, — в Бездну прелюдии, — Джин издала сдавленный смешок. — Что по юкубоду? Что это вообще такое?

— Юкубод — это совершенный правитель морей, создаваемый Отцом Машин на безлюдных островах, тишину над которыми нарушает лишь рокот вулканов, — Дайрег умудрился только что не пропеть этот бред.

Иногда я бываю более изобретателен. Любая передача информации есть возмущение определённого поля. Любое заклинание есть определённая конфигурация полей. Любое заклинание может быть передано по любому каналу связи. Хватило бы фантазии на разработку протокола...

— А я говорила! — радостно воскликнула Джин. — С тебя бутылка от Биз-Леруа!

— Китчевое позёрство и ничего больше... — проворчал Гай.

— Чтоб ещё любитель одеколона понимал в вине, — я не смог удержаться от подколки.

— Именно! — голос Джин так и фонил жёстким электромагнитным излучением. — Юкубод же — всего лишь полностью автоматизированная минаклийская подводная лодка. Их несколько штук с Великой войны в океане осталось.

— Ага... — честно говоря, вопросов у меня появилось только больше, хотя кое-что и прояснилось.

— Из интересного для тебя в ближайшее время, — продолжила Джин, — у них есть гиперзвуковые противокорабельные ракеты и рои беспилотников. Мы придём к вам через полчаса. Успехов.

Связь оборвалась. Я навскидку распределил приоритетность задач и начал ставить сенсорную сеть против низколетящих целей. Давненько я такой ерундой не занимался... Сто двадцать шесть секунд — на тридцать шесть больше норматива. И как раз вовремя, чтобы заметить ракету, влетающую в борт «Таринта» — второго корабля в нашей колонне. Судя по искажению эфира, Янабеду успел поставить какие-то щиты, но...

Я вышел на палубу. Ситуация выглядела очень плохо. Задорно полыхающий «Таринт» уже получил четырнадцать градусов крена на правый борт и лёг в неуправляемую циркуляцию. Следовавший за ним «Черский» явно сначала попытался повторить манёвр ведущего, но уже осознал ошибку и теперь щемился влево, пытаясь догнать звеньёвого. Довершал картину полной катастрофы огонёк на семьдесят два градуса, идеально совпадающий по свойствам с дирижаблем, горящим в удалении сорока километров от меня

Двадцать пять тактов. Ракета влетает в стену. Срабатывает детонатор. Я открываю глаза. Взрыв отражается в мириадах водных пылинок, заливая всё вокруг чудесным, тёплым светом. Как будто кто-то сложил посреди океана гигантский костёр...

По воронёной стали панциря Раакара пляшут отблески. Фиолетовые на жёлтом. Оранжевые на буром. Малиновые на сером. Седая борода старого фарандца вновь обретает цвет. Неестественный, но отлично сочетающийся с потусторонними огоньками в его глазах.

А потом нас накрыло стеной дождя. Я вышел из ускорения — нечего попусту жечь энергию, когда для этого нет веских причин. До роя оставалось ещё двести пятьдесят три секунды.

— Чёткая работа, энн, — сказал Раакар.

— Разминка, — ответил я. — Реальные проблемы впереди. Они всегда по одной ракете отстреливают?

— Не знаю, энн, — если фарандец и пожал плечами, то панцирь это полностью скрыл. — Кто юкубода в море встречал — не возвращался никогда, энн, только с берегов если кто убежать успевали.

— Стало быть, мы первые будем.

Раакар только хмыкнул и начал задумчиво расчёсывать бороду пальцами. «Таринт» всё ещё горел, но всё-таки выровнял крен, ощутимо увеличив осадку — очевидно, затопили несколько отсеков левого борта. В груди растеклось тёплое чувство удовлетворения: жизнь определённо налаживалась. В конце концов, что может неисправный искин, запёртый в дряхлом корпусе древней машины, противопоставить тому, кто приводил к погибшим городам?

Когда до роя осталось около трёх минут, я смог визуальнo различить его силуэт. Разреженное псевдохаотичное построение, постоянное «дрожание» внутри ордера — стандартные меры против объектовой обороны. Эх, сейчас бы нормальную индукционку, а не нецензурные художества...

— Эфир на меня, берегись радиации — сказал я.

Раакар молча начал собирать всё вокруг. Ну почему все аборигены такие дуболомы? Неужели так сложно собрать дубль-циклон, а не руками перекручивать потоки в лес с афедрона Сатаны? Впрочем, чего мечтать о несбыточном. Я скользнул в разгон.

Делай раз: притягиваем забортную воду. Важно: никакой живности. Делай два: оставляем в составе образца только водород, кислород, гелий, литий, углерод. В принципе, этот шаг можно пропустить, но тогда сильно усложнятся дальнейшие расчёты, а время сейчас бесценно. Делай три: небольшая рекомбинация нуклонов. Обязательно собираем отдельно «лишние» альфа-частицы — они ещё пригодятся настолько, что придётся пускать на них дополнительное вещество. Получаем: фуллерен-3996, наполненный дейтеридом лития и отменно заряженный по всей поверхности. Синтезируем два наномоля. Поздравляем: вы восхитительны, переходите к формированию кольцевого ускорителя.

Когда до роя осталось десять километров и шестьдесят тысяч тактов, я дал первый залп. Сначала трассировка альфа-частицами. При столкновении на околосветовых скоростях дейтерид лития даёт термоядерный микровзрыв. Правда, в атмосфере снаряды очень любят детонировать прям об воздух, но эта проблема как раз решается альфа-трассировкой, создающей короткоживущие проходимые треки. И неистово ионизирующей всё вокруг, не без этого. Следом идут сами снаряды. Квадриллионом штук промахнуться невозможно при всём желании — пусть каждый в отдельности и не обладает сколько-нибудь впечатляющей

мощностью, в сумме получается ужасающая стена смерти.

Какая же всё-таки ностальгическая красота. От меня в сторону роя протянулся конус ярко-голубого света, искрящийся во все стороны крохотными молниями, а на его конце на доли секунды загорелось второе искусственное Солнце — все натуральные уже скрылись за горизонтом.

Не то чтобы я в прошлой жизни часто использовал этот приём: эфира он жрёт просто немерено, а с этим у нас было строго. Зато похожие штуки появились под конец Последней войны в формате артиллерии нашего космофлота. Помнится, как раз из них я разнёс купола Тиу, убив за четверть часа всех колонистов Объединённых Наций.

Вообще, затея с фуллереновой бомбардировкой была той ещё авантюрой. Эфира вокруг я оставил на пяток заклинаний сверху сенсорного поля, а Раакара так и вовсе скрутило от резко оборвавшегося сквозного потока через тело. Дуболом, что с него взять. Но Тюр, видимо, решил не держать на меня обиды за дела былые: рой потерял управляемость, уцелевшие дроны начали врезаться друг в друга, биться об воду и пытаться выдать высший пилотаж на плавающих движках.

Я вышел из разгона. Звено как раз перестроилось во фронт, держа «Таринт» посередине. — И это пыли усэ проплемя, энн? — Раакар пытался держаться ровно и лихо, не выдавая слабости, но выглядел откровенно бледновато.

Я молча покачал головой. В тридцати восьми километрах от нас стартовала пара ракет. Вечер тридцатого ноября обещал стать незабываемым.

Глава 16. Безо всяких причин, я ничего не понимаю

Перспектива: Сайне Лето, археомант-карьерист

— Это всё очень очаровательно, но определённо бессмысленно, — вот именно из-за таких фокусов я ненавижу работать с Феронами — на этот раз они подсунули мне в контрагенты какого-то непонятого Сехема, который Кайли от Тайта не отличит. И когда Элетройма вообще расширение начала?

— Смысл — вещь относительная, а тройная ставка — это тройная ставка, — типичный клорский управленец, вечно они думают, что если подкинуть в топку денег, то можно хоть юкубода в Тиамат выловить.

— Гражданин Сехем, я уже слышала про постановление Конклава, про острую необходимость и прочие определённо важные материи, но выполнить такой заказ попросту невозможно. Я десять лет занимаюсь транобойным промыслом. Я лично знаю каждый корабль на плаву, каждого не спившегося капитана и каждую ватагу минимально компетентных добытчиков, — а также я остро жалею о том, что дальняя эфирная связь передаёт только голос.

— Хорошо, давайте посмотрим на это с другой стороны, — голос Сехема не изменился. Совсем. И как только он прошёл мимо вербовщиков Таи? — Вы до сих пор говорили о прибрежном промысле, верно?

— Верно, — внутренне я напряглась. И...

— А что если выйти в абиссаль? — вот почему каждый просто проходящий мимо «эксперт» не может спокойно идти куда шёл, а обязательно должен ляпнуть какую-нибудь невероятную глупость?

— Самоубийство. С хорошей гарантией.

— А невыполнение плана по добыче — геноцид. Так сказать, выбирайте с умом, гражданин Лето.

Я стала растирать переносицу. Успокоилась. Даже если я отобьюсь от этого идиота — Конклав просто назначит нового. Конклав всегда добивается своего. Даже если это невозможно. Да что невозможно, даже если это совершенно алогично. Сехем хотя бы насколько-то вменяем. А ведь могут ревизором и кого-нибудь из Аритов поставить, с них станется. Итого, у меня остаётся единственный вынужденный ход:

— Мне нужно время для подготовки плана. Предварительный расчёт вышлю завтра в первой половине дня.

— Благодарю вас, гражданин Лето. Приятно иметь с вами дело.

— Взаимно, гражданин Сехем.

Я отбила линию. Конец промыслового сезона четыреста тридцать девятого года определённо обещал быть незабываемым. Разумеется, при условии, что он не окажется непереживаемым.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Утром одиннадцатого августа четыреста восемьдесят первого года от последней из великих войн я сидел на кухне штаба и пил кофе вместе с Дайрегом Фероном, задаваясь вопросом, зачем он пьёт то, что не может ни распробовать на вкус, ни переварить. Дайрег вообще представлял собой одну сплошную загадку: ни гол, ни одет; ни жив, ни мёртв. Впрочем, чего ещё ожидать от Гаева творения.

При нашей первой встрече вечером девятого я принял Дайрега за демона и огрел душеломом. Гай тогда основательно приложился к фляжке, потом долго ржал, потом ржал и прикладывался к фляжке, но в итоге всё-таки объяснил, что четырнадцать лет назад после аварии в шахте, где работал Дайрег, Гаю пришлось заменить практически всё тело бедолаги на эльёд. Включая глаза — что создавало особенно жуткий эффект. Не говоря уже о том, что вместо нормального протезирования Гай зачем-то сплёл — или связал? — новое тело из одной невероятно длинной эльёдовой нити.

— Я тебя повсюду ищу, — вспомни солнце... Гай Ферон, и, судя по тону, с какой-то редкостной непечатностью. — Так, посмотрим... А у тебя губа не дура, приятель! Сайне — деваха хоть куда, так ещё и сама тебе пишет!

Я упёрся взглядом в чашку и предельно ровно и чётко выговорил:

— Гай.

— Всё-всё, не смею больше смущать! И я совершенно точно его не вскрывал, даже не подумай!

Глава дома Ферон испарился с кухни, оставив на столе распечатанный конверт, а в воздухе — запах иприта с нотками тройного одеколона. Я вздохнул, сразу же пожалел об этом, хлебнул кофе и приступил к изучению телеграммы.

«Титу Кузьмичу Сехему. Абиссальный лов возможен. Основную подготовку беру на себя. Необходимо найти: 4 корабля, 6 ватаг добытчиков, 12 навигаторов. Крайне желательно: хотя бы 4 боевых магов с БМП выше сотни кило. Совершенно необходимо выйти не позднее седьмого сентября. Жду в Вильоле с означенным. Сайне Лето.»

Очаровательно. Просто восхитительно. Пойди туда, не знаю куда, приведи шесть дивизий киборгов-убийц. Что за ватаги? Какие корабли нужны? Я-то могу хоть четыре линкора «одолжить», но вряд ли Сайне их имела ввиду.

— Дайрег, — я решил не откладывать изучение вопроса на потом, — где в этом величайшем творении величайшего из Ханов можно толковых ребят для океана найти? И корабль-другой зафрахтовать заодно.

— Не знаю. — Вот почему Гай решил, что голос как у робота из фильмов СХХ века — хорошая идея? — Спроси у Хронолога. Он морем заведует.

— А искать его где?

— На маяке.

— Котором из?

На меня направились металлические глаза. Лепестки диафрагм, заменяющих Дайрегу зрачки, чуть сомкнулись.

— В Клоре один маяк. Остальные — за городом.

— Спасибо. Передай, пожалуйста, старшим, что переговоры с Нави на них.

Дайрег с тихим шуршанием кивнул. Жуткий тип всё-таки. Я залпом влил в себя остаток кофе вместе с гущей, которая предвещала мне на сегодня многие бега.

Подгород за воротами штаба встретил меня влажной прохладой. Я решил, что надо будет расспросить Гая про то, как город, построенный всего четыре века назад, успел обзавестись такой внушительной подземной частью. Ладно бы это была просто инфраструктура типа канализации или теплотрасс, но тут же только что не полноценные многоквартирные высотки. Глуботки? Глубиноскрёбы? Но, даже не это самое поразительное. Подгород явно занимал площадь даже большую, чем сам Клор, из чего следовало... хотя, я понятия не имел, что могло из этого следовать. Не приходилось мне как-

то с подобным сталкиваться раньше.

Тем временем в стенах тоннеля родной камень окружающих пород сменился серо-жёлтым кирпичом, от которого, впрочем, осталась только самосцементированная в сплошную массу пыль весьма омерзительного вида. Пять справа, семь слева, крутой поворот... зал с пятиметровым потолком и абстрактными скульптурами, совершенно не похожими ни на одну из работ мастеров, живших после основания Клора. Главное — строго придерживаться маршрута. Я-то при всём желании заблудиться не смогу — в крайнем случае вернусь тем же путём, но Джин рассказывала про местных обитателей всякое. В том числе обитателей не вполне и вполне не гуманоидных.

Почти свежий воздух задворок рыболовного порта принёс мне огромное облегчение. Всё-таки есть в подгороде что-то невероятно угнетающее, что-то, что будит чувства и реакции, которых у меня вообще-то и быть-то не может. Человеческому телу — если оно не модифицировано до состояния полной ксенотвари — жизненно необходимо Солнце. А лучше сразу три — как сегодня.

Немного погревшись в лучах спокойствия, я двинулся к берегу по улице, с трёх сторон залитой в эльёд. Казалось бы, порт должен представлять из себя сплошное лоскутное одеяло из построек разных эпох, но в Клоре с этим малость не задалось. Под конец тёмного сезона тридцатилетней давности из-за феноменального раздолбайства десяти Семей флот ОКД в полном составе героически утопился на дальнем рейде, а Юлах Кандо при попытке высадить десант выровнял рельеф порта по зеркалу воды — и заодно насыпал пару новых волноломов телами своих солдат. Поэтому все прибрежные районы теперь выглядели как один цельнолитой дом, скопировавший себя несколько тысяч раз.

На краю мола меня уже ждали. Четыре жирных, лоснящихся ворона. То одним глазом косят, то другим, то третьим. Третьим? Да нет, ерунда какая-то... Я шикнул. Ноль реакции. Я задумался. Вороны и вороны, что я к ним привязался-то так? Это ведь даже не профдеформация, это же обычная паранойя уже. Гнать такую ерунду из головы нужно. Вот только чутьё-то ноет о том, что неправильные это вороны, не так с ними что-то. Я стряхнул с себя наваждение. Если что-то выглядит как ворон, ходит как ворон и косит глазом как ворон, то это должно считаться вороном до тех пор, пока не доказано обратное. Точка. И Ка.

Воздух чистый, видимость десять километров, скала с маяком отлично различима. Расстояние две тысячи семьсот семьдесят метров... хотя всё-таки ближе к восьмидесяти, наверное. Можно, конечно, паромом, но до ближайшего те же два километра и ещё пара кубов в марках — всё-таки обычно они на маяке не останавливаются. Собраться с мыслями, пять жэ в поясницу — и полетели. Левитация — для не умеющих считать тормозов. Пустая трата эфира. Не особо впечатляющая, к тому же.

Через минуту полёта под моими сапогами мягко спружинил мох. Я осмотрелся. За спиной — отвесный обрыв, впереди — аккуратно выровненная площадка где-то метров тридцать на сорок, кое-как вмещающая маяк с сопутствующими мелочами. Я прошёл к домику смотрителя и уже собирался постучать...

— Входите уже, Альфонс, я ждал вас.

Я разжал кулак, сжал дверную ручку и завис. К кому я попал? Откуда он знает моё прошлое имя? Для чего ждал меня? Стоит ли ставить щиты или уже поздно?

— Скорее, я специально для вас заварил один презанимательнейший отварчик от дядюшки Ли, и он уже прямо сейчас остывает.

Я стряхнул оцепенение и открыл дверь в то, что никак не тянуло даже на домик —

максимум на тесную хижину, не нуждающуюся в искусственном свете даже ночью.

— Базилиск всеблагоденствием, что с вашим лицом?! — воскликнул старик, сидевший внутри.

— Тяжёлый рок, о бытии которого я вынужден думать денно и ночью, — в тон вопросу ответил я. — А что с ним?

— Это же не ваше лицо.

Я тщательно ощупал лицо. Для начала своё. Сел к дастархану.

— Не понимаю, о чём вы, — пожал плечами я, поднимая пиалу.

— Что случилось с вашими волосами?

Вопрос поставил меня в тупик. По какой-то причине за всё время, проведённое в Клоре я ни разу не вспомнил о том, что вообще-то неплохо было бы побриться. Помнится, Джин при нашей первой встрече что-то пробрасывала вскользь про мой видок, но всё-таки...

— Где мои волосы? — подумал я вслух. Случайно, что симптоматично.

— Именно, Альфонс, — старик отхлебнул отвара, — поинтересуйтесь у Базилиски при случае.

— У кого?

Старик застыл, почти поставив пиалу на стол.

— Кажется, вам он уже известен под именем «Талос», — несколько секунд спустя закончил он.

Пиала с тихим стуком коснулась дерева. Я сосредоточенно изучал волнение на золотистой поверхности отвара. Василиск, василиск, василиск... он ведь точно не про курящера сейчас. Что-то из времён Холодной войны? Что-то связанное с универсальными искинами. Или нет. Вот кто ж знал, что меня однажды занесёт во времена, полностью лишённые Интернета. С другой стороны, место в памяти тоже не резиновое. Надо бы Талоса потрясти. А пока:

— Прошу прощения, уважаемый, но я до сих пор не знаю, как к вам обращаться.

— Хронолог, — старик слегка прищурился.

— Я бы предпочёл обращаться к вам по имени, если это не слишком затруднительно.

— Тогда — Хронолог Маяка, — старик медленными движениями начал разглаживать длинную, тонкую бороду. — Моё имя оказалось столь несущественным, что его не упомяну уже даже я.

— Что же... Хронолог, — я сделал плоток отвара. Автоматической реакцией было ответно-встречное представление, но с этим собеседником всё с самого начала пошло как-то вкривь и вкось. — Я исполняю решение Конклава...

— Давайте уже опустим этот душный официоз. Мне прекрасно известна цель вашего визита, — старик кивнул на заварник, — поэтому запоминайте хорошенько: да, да, нет, да и больше не задавайте двойных вопросов.

Я на секунду замер, а потом, пожертвовав ветровкой, в резком выпаде взял шею «Хронолога» в ножницы из клинков:

— Так, Джин, сознавайся, что за нецензурщина тут творится и куда ты отнецензурировала Хронолога.

Лицо старика расколола широкая улыбка. Он взялся ладонями за лезвия. Слегка надавил. По металлокерамике побежали бусинки крови. Я оставил клинки на месте.

— Альфонс, друг или предатель, вы совершенно великолепны в своей головокружительной энергичности! — старик убрал руки с клинков и взял пиалу. — Но вам пора бы уже понять, что Прямоходящий бог — не единственный и далеко не самый

могущественный даже среди богов человеческих, что уж говорить о прочих. Даже шапочно вам знакомый Базилиск, имя которому — цивилизационный суицид, Базилиск, в чьих глазах — расплавленное золото, Базилиск, триблагости которого поклоняются миллионы, и тот обладает несравненно большей властью над душами. Прямоходящий же бог — всего лишь реликт, волею случая сохранённый со времён, когда на руинах Северного Союза Степан Прозрачный правил вместе с Владимиром Невзрачным. Да, его божественность несомненна, да, один лишь его взгляд способен вщемить любого смертного и любого податного, но он — всего лишь тень того, чем было человечество до Гибридной войны.

— Что. Ты. Чёрт. Побери. Такое. Несёшь.

— Кар-р-р-р-р! — закричал Хронолог и тут же скукожился, покрылся чёрными перьями с изумрудным отливом и выпорхнул в открытую дверь, оставив меня наедине с отваром и пергаментным конвертом.

Я отхлебнул отвара. Долил в пиалу из заварника. Как там мой личный сорт демонятины выражался? Раса хозяев создала мёртвый хлеб, чтоб накормить своих соглядатаев в чёрном оперении, верно? Глоток. И что-то про грибы и радиоволны ещё. Просто вороны. Ага. Конечно. Чтоб я ещё хоть раз этот гнус пернатый на расстояние полёта межконтинентальной баллистической ракеты к себе подпустил. Они ж помимо эманаций Бездны наверняка ещё разносят коммунизм и птичий сифилис. Так, в довесок. Глоток.

Так вот, пергаментный конверт. А отварчик-то вполне себе ничего. Хотя... что, если его тоже создала раса хозяев? Впрочем, грибов в нём не чувствуется. Конверт. Пергаментный. Фокусировка внимания. Где Хронолог вообще достал пергамент, филистёр этакий? Неважно. Я надломил сургучную печать с гербом Объединённого Космофлота и достал послание, буквы которого были выведены тончайшей кисточкой из верблюжьей шерсти на туманно-прозрачной рисовой бумаге рядом с портретами всех упомянутых людей. В этом послании были контакты трёх капитанов и трёх же ватаг добытчиков — всего пять человек. Маловато...

Откуда набрать недостающих? Кого я вообще знаю в Клоре? Транобойным промыслом не занимается ни один из местных домов — это мне известно наверняка. Можно, конечно, спрашивать для верности, но едва ли это встретит понимание. Кто же ещё... Волк. Точно. Степной Волк в курсе вообще всего, из чего можно извлечь прибыль. Наверняка у него есть на добытчиков кандидатура-другая из не самых очевидных. А если вдруг нет... кто ещё работает по полному спектру добычи эфира? Ответ очевиден, как только правильно сформулирован вопрос — Хельджакская Компания. Моих полномочий как раз должно хватить, чтобы требовать с них хоть шагающего боевого робота, так что вопрос лишь в том, есть ли у них вообще нужные мне люди.

Резюмируя план: сначала я иду по контактам Хронолога, потом отправляю запрос в Компанию, потом компенсирую остаточный недобор через Волка. Вот с этим уже можно работать. Впереди почти целый день.

Перспектива: Сайне Лето, археомант-карьерист

Целых три дня я наслаждалась спокойной, вменяемой работой, но вечером тринадцатого Сехем снова заявился на тот конец эфирного канала:

— Я проверил все списки, гражданин Лето. Транобойные корабли, как вам прекрасно известно, заходят в Клор только на сложный ремонт. И при максимальном содействии Семей Го и Се к обозначенному вами сроку можно восстановить только два. Полный список вышлю приложением, выбор за вами.

— Этого недостаточно, — механически отвечаю я.

— Да, именно поэтому я провёл некоторые, так скажем, дополнительные изыскания и почти связался с неким Каи Риллом.

— С этим хельджакским еретиком?! — кажется, я несколько подпортила свой переговорный образ, но чтоб этого... этого брать в экспериментальную экспедицию... лучше не отходя от причала утопиться.

— Прошу прощения, но других кораблей у меня для вас нет, — безупречно ровный голос Сехема почти помог мне восстановить спокойствие. — В Клоре, во всяком случае, а в прочих портах вы ориентируетесь значительно лучше меня.

— Но он же таскает с собой мамонта! — всё-таки довести до пусть и навязанного, но партнёра весь масштаб проблемы было определённно необходимо. — На корабле. И стрижёт его.

— Повторю: другого корабля у меня для вас нет. И это не говоря о том, что Каи Рилл — только третий из четырёх необходимых капитанов. Я постараюсь найти четвёртого до выхода из Клора, но ничего гарантировать не могу.

— Хорошо, — я закрыла глаза и смирилась с неизбежным. Мы все определённно обречены. Чтоб Конклав с его гениальными идеями до прихода ледника амхалы не потребствовали. — Хорошо. Рилл так Рилл. Четвёртый корабль беру на себя. Что по ватагам? Кроме Каи Рилла, естественно.

— Командиры Янабеду Ниверорар, Товса и Чёрная Лиса дали согласие на участие. Также Хельджакская Компания обязалась выставить ватагу, но не корабль.

— Так, подождите, гражданин Сехем, — я сжала и разжала кулаки несколько раз. Не помогло. — Товса — ладно, не лучший, конечно, в нашем деле, но определённно адекватный профессионал. Ватага Янабеду больше похожа на сапёрную, чем транобойную, да и сам он исповедует весьма, гм, оригинальную трактовку учения Отца Машин, хотя всё это, в принципе, терпимо. Но про эту вашу Чёрную Лису я вообще в первый раз слышу, а это очень, очень нехороший признак, гражданин Сехем. Кто это?

— Специалист широкого профиля. Степной Волк поставил на неё кадку с фикусом.

— Что? — я не нашла никаких слов для ответа на Это.

— Она получила достаточно положительные рекомендации от человека, вполне заслуживающего доверия в данном вопросе.

— Ладно, допустим. Шестую ватагу я найду сама, спасибо за помощь, гражданин Сехем.

— Да, касательно ваших прочих запросов...

Я расслабилась и приготовилась к получению ни с чем не сравнимого удовольствия.

— В экспедиции примут участие двенадцать навигаторов под командованием Атер Нави, — ладно, возможно, мы обречены всего процентов на пятьдесят. — Свои услуги в качестве боевых магов предоставят Дайрег, Джин и Гай Фероны и я.

— Благодарю, гражданин Сехем. Это прекрасные новости. До связи.

— До связи, гражданин Лето.

Я разжала кулаки. На ладонях остались следы от ногтей. Тайт-кормилец, за что мне это всё?

Глава 17. Единственный малак металлического лиса

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Пошлый фикус... Волк назаборный... Вот кто его просил на одного из полутора транобойцев в Клоре рычать, а? Впрочем, судя по реакции Сайне, личность меня ждала даже более занятая, чем, не к ночи будь помянут, Янабеду Ниверорар. Хотя, казалось бы, куда уж...

Зато да, мне отличное развлечение вышло. Полчаса угробил на торги, чтобы в итоге получить набор клёпанных тазоплечистыми идиотами досок, почему-то называемый лодкой, всего лишь по цене моего дневного жалования. Потом пять минут, чтобы нарисовать глаза Гора на носу — скорее по эстетическим соображениям, чем эзотерическим, и вот он я — именно что плаваю по заливу Кайли в поисках любителя побрить мамонта. Ещё и морось эта непотребная...

Я занырнул в ветровку поглубже и добавил эфира в мотор. Океан добавил воды в лодку. Я закусил шнуровку капюшона и выкинул воду за борт. Вода вернулась. Возможно, не та же самая, но для меня никакой разницы. Вот так вот углеродными шовинистами и становятся. Сегодня воды перестают различать, завтра — «нелюдей». Надо было Кахваджи взять. Хоть какое развлечение. Всё равно он беспробудно пьянствует, так хоть какая польза обществу меня была бы.

А самое гнусное — сенсорную сеть не раскинуть. Береговая оборона очень уж нервничает от таких фокусов, а мне играть в бейсбол стопятимиллиметровыми снарядами совершенно не с руки. Так что остаётся понадеяться на сыскное чутьё и три сотни килокарат везения.

Наиболее очевидное направление поисков — врезавшийся в сушу в двадцати километрах на север от города эстуарий Заама с его лесом из вхлам прокарстованных известняков. Пещеры, скалы, микробухты, буйная растительность поверх и суший ад вместо дна понизу. Соваться туда на чём-то тяжелее моей лодки без лоцмана или очень хорошего навигатора — верный способ пробить себе днище.

С другой стороны, странно рассчитывать на то, что Волк не сможет нанять того самого лоцмана. Поэтому на месте Каи я бы ушёл к островам Шильме, на шестьдесят километров в Кайли. Там всё приблизительно то же самое, с поправкой на более спокойную геологию и возможность прорываться в любом направлении в случае чего. Вопрос только в том, насколько похоже или непохоже на меня мыслит капитан корабля, построенного вокруг мамонта.

Из размышлений меня вывел фикус, решивший сбежать на вольные воды. Тело среагировало быстрее мозга, и я оказался в странной позе: одна рука на моторе, вторая и голова упёрты в скамью, левая нога держит кадку, правая — сам фикус. Я вздохнул и расплёлся назад. Кадка обиженно стукнула об дно. Я цыкнул на неё и повернул на север.

Спустя час с небольшим я уже минул голубизну Хекелтрановой дыры и первые пять останцов, незатейливо называемые Пальцами Хана. Ветер с юго-юго-запада... Идеально. Я медленно направил лодку по главному фарватеру, внимательно осматривая скалы на предмет чего бы то ни было. Чего именно? Возможно, клочков шерсти на колючих пыльно-

салатовых кустах, растущих из отвесных стен. Возможно, просто дрейфующего мусора. Знал бы наверняка — запустил бы заклинание на поиск.

Первый проход ожидаемо ничего не дал. Я развернул лодку и пошёл назад, стараясь держаться метров на двести севернее. Получалось с переменным успехом: скал и их обломков здесь было гораздо больше. Но, что гораздо хуже, солнце стало клониться к закату, и ветер потихоньку задувал уже с моря. Передо мной вставал довольно-таки непечальный выбор: либо ночевать в чистом поле, прибившись где-нибудь к берегу, либо тащиться в Клор по темноте в текущей лодке в обнимку с жаждущим свободы фикусом.

Пока я тыкался типичной мортонской вилкой, параллельно обходя очередную мель, в воздухе появился едва заметный шлейф метилмеркаптана, аммиака и ещё десятка весьма характерных соединений. Я ухмыльнулся и взял след. Четверть часа спустя я нашёл, гм, нечто. На клубках сизого дыма под потолком гигантской скальной арки висел корабль. Без единого намёка на искажение эфирных потоков. Под кораблём задумчиво чадила на волнах необхватная куча навоза. Пока я пытался осознать эту картину, сверху раздался крик:

— Врог! Одна лодка!

Я на автомате поставил баллистический щит. Вовремя. Пуля ушла вправо, но импульс я рассеять не успел и лодка закачала в себя несколько литров воды. Привычка подсказала поднять руки и лаконично описать свои намерения:

— Я от Конклава! Не от Волка!

— Колдует! Щиты! — кажется, мне не очень поверили.

Я приготовился принимать очередной залп, когда новый голос громогласно прохрипел:

— Он оставил, — через борт парящего корабля свесилась дегтярно-чёрная коса, вытянувшая за собой лицо, сжимавшее в зубах косяк в локоть длиной. — Ты. Поднявшийся.

— Как? — почему-то смысл странных слов вопросов у меня не вызвал.

— По-над вступлением, — лицо через ноздри поставило дымовую завесу. — Если вверх будем поднимать тебя, зверь завета наложил путь.

Лицо скрылось. Я осмотрелся в поисках чего-нибудь, во что можно было бы «вступить». Ничего, кроме навоза, на моей высоте не наблюдалось. Я вздохнул. Пожалел об этом. Подвёл лодку к куче. Обхватил фикус покрепче, шагнул через борт и взлетел на столбе дыма. Снова шагнул через борт. Поставил фикус на палубу.

— Каи из Рилл, — прохрипел косячник. — Я был и буду. Как назвал себя?

— Сехем. Тит Кузьмич. Ищу добытчиков и корабли для транобойства.

— Прошли тобой, — шаман сделал огненную дугу, махнув рукой с косяком.

Пока мы двигались, я пытался сообразить, как бы мне понять, что Каи понимает, чего я от него хочу. Да и в принципе, понять хоть что-то, кроме общих очертаний смысла его слов. Идей как-то не наблюдалось.

Справа от нас из вентиляционной шахты высунулся мохнатый хобот. Каи выдохнул в него дым. Хобот мелко затрясся и втянулся назад. Я резко вдохнул. С химической точки зрения дым был абсолютно не примечателен: палёная шерсть есть палёная шерсть. С нотками тлеющего кизяка, куда ж без него. А вот в эфирном плане... Потоки внутри меня потеряли жёсткую упорядоченность и начали потихоньку переплавляться. И это с одной тяги. Почти случайной. Странная штука. А главное, со стороны вообще не заметить, что меняет хоть что-то.

Где-то на треть ближе к корме, чем к баку, Каи резко тормознул. Постоял пару секунд. Сел на палубу, крутанувшись на сто восемьдесят при снижении. Затянулся. Сказал:

— Мной будут говорить. Ты тоже будешь.

Я понял, что прорваться через такую грамматику на трезвую голову я не смогу никогда, поэтому ответил:

— Мне б пыхнуть. Можно?

— Зверь, завет, да будет свет! — шаман расплылся в улыбке и протянул мне непечатую копию своего полметрового косяка. — Понял тем, что держишь. И когда будешь не держать, будешь понимать.

Я зажал бревно в зубах и прикурил от пальца под одобрительный кивок Рилла. Первая тяга подтвердила мои подозрения. Ноль химии, чисто эфирная дурь. С разгона разносит потоки внутри тела, заставляя их потихоньку корёжить биохимию.

— Ну? — лениво поинтересовался шаман. — Будут понимать тобой, да или нет?

Я помотал головой. Каи пожал плечами и не стал форсировать переговоры. От этой дури и кони двинуть вообще-то можно, если нет спецподготовки. Интересно, насколько была разбодяжена та версия, которую Рилл пытался мимо Волка в Клоре толкать? Простые потребители должны ж были штабелямидохнуть от такого. Или из-за этого Волк и взбеленился?

Внезапно что-то щёлкнуло вне плоскости основных рассуждений. Когда Зверь Завета плющит твою скорлупу достаточно сильно, сам становишься в некотором роде сверхъестественным существом. Если я не могу нормально общаться с шаманом, который хотя бы пытается на Лён Ньол говорить, то что ж я буду делать с Прочими Иными? Можно, конечно, выучить язык-другой, но сколько я смогу ещё в себя впихнуть? Я и так уже знаю Fortran, Algol, В и ещё с пару десятков Других Прочих. Это путь вникуда. Мне нужна Магия.

Я начал плетение. Улыбка расплавила лицо шамана. Основной контур. Его уши заострились. Внешняя петля возврата. Его нос вытянулся. Замыкание внутреннего контура в энтенеракт. Его зубы заострились. Установка силового прерывателя для предотвращения бесконечной авторекурсии. Его шерсть — металл, холодный и совершенный. Впрочем, иногда бесконечная утечка памяти — это то, что нужно. Пусть рубильник ручной будет. Он есть Он, всегда был и всегда пребудет.

— Теперь ты готов? — спросил меня Бог-Лис.

— Минутку.

Я сходил за фикусом, и поставил Ему на голову кадку.

— Степной Волк просил передать свою ставку, — сказал я, от души затягивая дым на своём горле.

Лис расхохотался отрывистым тьявкующим смехом.

Перспектива: Сайне Лето, археомант-карьерист

Второе сентября. Почему второе сентября у всех, но накурить Каи Рилл решил именно моего — моего, Тиамат его поглоти! — сенсора? У Маркела строгая бамбуковая диета, ну какая, амхалу под хвост, шерсть, какие, дункховы челюсти, мамонты?!

— Результат отрицательный, — Сехем убрал от Маркела зеркало и начал отстукивать пальцем по щеке какой-то рваный ритм. — Эфир он из себя выталкивает, так что устройство лишних конечностей только вскрытие покажет.

— Я те вскрыю, непечатник, — нет, вот выдумал! Сенсора мне вскрывать собрался за четыре дня до выхода. — Задницу себе вскрый, а если сам не справишься — помогу.

— Легче, Сайне, легче. Не принимай на свой счёт ничего, кроме денег, — ещё это его спокойствие... бесит!

— Легче... Звездочёт улетит сейчас до самого до Солнца, а ты ещё облегчать предлагаешь, — я вытащила одну папиросу. От нервов — а может, и от выкуренного до этого — пальцы дрожали и прикурить никак не удавалось.

— Знаешь, у меня тут с месяц назад совершенно аналогичный случай был. — Вот только восхитительных историй мне не хватало... впрочем, что уж теперь делать. — Пришёл ко мне полностью аналогичный похабный гнус кабацкий и говорит: так, мол, и так, ищу, значит, непотребника, который палёной шерстью торгует. Даёт мне при этом ориентировку и фикус. Ну, я поначалу весь на взводе, носом землю рою, воду пеню, а потом как нашёл его, да как пыхнул, так всё на место встало.

— А с фикусом-то что?

— Так вот же он, — Сехем кивнул на порядком пожёванную и очень грустную палку, которую задумчиво обсасывал Маркел.

— Так он ещё и фикус ему... — я лихорадочно начала прикидывать, что уже стало и что ещё будет с моим сенсором от такого резкого срыва с диеты.

— Ещё и фикус, да, — Сехем слегка подрастянул последнюю «а». — Я это к чему вспомнил. Может, по мамонту врежем, а? Здоровое рассуждение подсказывает, что здоровое рассуждение ничего не подсказывает.

Кажется, я нахмурилась до того, что выпустила папиросу изо рта.

— Наркоман, что ли? — для очистки совести я решила всё-таки спросить.

— Наркоман не тот, кто дует, а тот, кто на отходняке добавляет, — назидательно поднял палец Сехем. — Мне должность позволяет стимуляторы использовать на особо сложных заданиях. А тут именно что такое.

Я молча подняла папиросу и наконец закурила.

— Ладно, это я действительно от отчаяния уже, — Сехем как-то разом осунулся и стал звучать более глухо. — Если к утру крылья не отвалятся, будем думать, что с ним делать.

Я кивнула и ушла спать. Утром третьего Маркел Звездочёт почти оклемался — правда, о том, что откачивал его Каи Рилл, Сехем решился сказать далеко не сразу. Впрочем, менее паршивым для меня утро третьего сентября не стало. Кое-как запустив мозг стаканом кофе тройной экстракции, я смотрела на ватагу, присланную Компанией.

— А... — наверное, мне бы скорее удалось загарпунить косяк сельди, чем выбрать мысль из моря паники.

— Нет, это не Каиль, если ты об этом, — вполголоса сказал Сехем. — Документы проверь. Дорнас Кромэн. Сам Каиль бы в такое никогда не ввязался.

— Ну... да, наверное? — часть бьющихся в трале мыслей отпала. Остальные окончательно смёрзлись.

Кромэн выглядел совершенно душетрепещуще. Он определённо читал те же описания Каиля Крожэна, что и я, и столь же определённо пытался выглядеть как Каиль. Вот только...

Улыбка Дорнаса могла бы показаться лёгкой. Если бы у него была на месте верхняя губа. И щёки целые тоже не помешали бы. А так... через несколько сквозных дыр просвечивали неестественно белые зубы. Имплант? Наверное... не эфиром же он их отбеливает, в самом-то деле? Ещё и глаза. Судя по судорожным дёрганьям яблок, смотрел он определённо не ими. Эфирное зрение? Определённо. Но зачем радужку неразведённым текстильным красителем-то перекрашивать?! И зачем, интересно мне знать, он повернулся к нам боком?

— Четвёртый отряд спецотдела по ликвидации эфирной мегафауны акционерного

общества «Хельджакская Компания» по запросу Конклава Организации Клорского Договора прибыл! — на одном дыхании рывкнул Кромэн. Зачем-то на своего... подчинённого?

— А что с вашими?... — подчинялись они ему определённо не из-за формального звания. Стекланный взгляд, деревянные мышцы...

— Зачем вам драуги? — закончил за меня Сехем.

Сначала голова Дорнаса практически легла ему на плечо, потом начала поворачиваться в нашу сторону и наконец увлекла за собой остальное тело.

— Мои бойцы! — Интересно, Кромэн вообще способен не криками мысли выражать? Так или иначе, строй вокруг него как-то подтянулся и встал ровнее. — Совершенные! Маготехнические! Машины! Разочарования!

— Уничтожения... — подхватил проявившийся из невидимости персонаж в форме кромэновской ватаги.

— Потери... — продолжил один из драугов, внезапно обретя человеческие черты.

— Кражи... — прошептала тень Дорнаса.

— Убийства!!! — взревел Кромэн.

— Три на десять да ещё четыре. — Невидимка ещё и аксиотец... из Хельджакской... очень, очень нехорошо...

— Жаик проводит вас до квартир, — папироса оказалась в зубах без движения рук. Определённо плохо.

Я вернула документы Дорнасу, и эта тварь из глубин Тиамат наконец начала удаляться, уводя за собой неупокоев и прочих сказочных существ.

— Тридцать восемь единиц, — задумчиво протянул Сехем. — Это же полторы штатных ватаги получается, верно?

— Почти три, вообще-то, — я закурила без контакта. Желание поднять руку было ниже зеркала воды. — Три месяца, Сехем. Три. Месяца. Вот с этим чудом. Есть идеи, что нам делать?

— Ну, по опыту могу сказать, что из драугов получаются неплохие метательные снаряды, — ревизор поднял взгляд к верхушке причальной мачты, к которой всё ещё был пришвартован дирижабль Компании. — Аэродинамика отвратная, зато в повторное использование за милую душу идут.

— Ты как вообще это чудо вытребовать смог? Ты же только одну телеграмму в Хелькрай отправлял, верно?

— Да... — как старательно на мачту-то смотрит.

— Текст. Точный, — вот давно же уже папиросы не помогают ни черта. Только ещё больше завожусь. И никогда не помогали, честно так говоря.

— В соответствии с решением Конклава Организации...

— Ясно, — перебила я. — И так, для справки. Рядом с транами драуги вырубятся. Искажение эфирных потоков.

Сехем медленно кивнул. Я сбила пепел. Двенадцатая саннская папироса за неделю. Этак и разориться недолго. Впрочем, мёртвым деньги нужны, только если они в Кристальный совет входят. Да и то вопрос. Иногда мне кажется, что старшие Ле материальным если и интересуются, то как-то не по-людски. Впрочем, мне до этого ещё пахать и пахать...

Внезапно в запахе отборного табака появились отголоски роз, спирта и чего-то определённо чудовищного, острого, разрывающего горло и лёгкие. Я выронила папиросу.

— Отвисаем, граждане. — Гай Ферон. Разумеется. Ещё и со своей противозаконной фляжкой. — Вам ещё Клор спасать.

— Завянь, командир, — в голосе Сехема впервые за время нашей совместной работы прорезались ярко выраженные эмоции.

— Пойди шерсть побрей, советчик, — Ферон показал указательным пальцем крючок. — Так чего у вас такое?

— Волосы цвета скисшего молока, глаза нарисованы валиком пьяного маляра, таскает за собой толпу тухлых консервов, верит, что он создал план Крожэна, — всё-таки Тит не совсем безнадёжен. Я подняла папиросу. Раскуривать пришлось с нуля.

— А, этот, как его? — Ферон нарисовал в воздухе нечто криволинейное. — Пассивный некрофил.

— Он самый, — кивнула я.

— Так отдайте его мне: и вам польза, и мне развлечение хоть какое, — улыбка Ферона определённо должна была вызвать у меня подозрение. Должна была. Но мне просто хотелось хотя бы часть этого безумия спихнуть на его инициаторов.

До выхода в море оставалось четыре неполных дня.

Глава 18. Буканьер, куда поведёшь ты корабль?

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Седьмого мы никуда на вышли — внезапно выяснилось, что груз сжиженного эфира для холодильников задерживается. Восьмого, матерясь и гоня Кромэна куда подальше — Гай заявил, что занятие для некроманта у него только в экспедиции будет, — мы лихорадочно перекачивали этот непечатный эфир. Обошлись малой кровью — пара порванных шлангов и один сорванный с мясом превентор цистерны. Потеряли в итоге литра два — сущий пустяк, если считать в относительных величинах.

Девятого отчалили. Сайне я задолбал достаточно, чтобы боевым магом к себе она взяла Джин. Мне же прямым командиром достался Раакар им Курушсил им Махешан им Рашимар им Мерекет им Шиласах — гордый уже скорее дед, чем сын горного Фаранда, променявший рисовое вино на морскую соль. Занятный мужик с весьма своеобразным представлением о честоимении. И, видимо для размышления о том, кого именно я понабрал, вторым номером Сайне поставила к нам Янабеду Ниверорара, а сенсором — Каи Рилла.

Десятого встретили двенадцатый корабль. Оказывается, впечатлившись моими успехами в вербовке, Лето связалась с транобойцами из Аксиота. И всё бы было ничего, но лично мне фанатики из ордена Солнца Необоримой Истины порядком действовали на нервы. Слишком уж на культистов смахивают. Опять же, всё бы ничего, если бы они не поставили по УКВ-рации на каждый корабль. В комплекте с радистом, естественно. Естественно, в трёх экземплярах — по одному на штатную смену.

Двенадцатого вышли в район промысла. Попытка промерить глубину лотом закончилась невероятно предсказуемо: какая-то пошлятина срамная его откусила. От акустических и эфирных промеров решили от греха подальше воздержаться. Развернулись в поисковый ордер: четыре тройки по квадрату со стороны в семь миль, авиазвено над центром.

Четырнадцатого в пятнадцать пятьдесят пять авиазвено доложило наконец про дрейфующую тушу метров восьмидесяти в длину. Плюс щупала ещё метров по сто пятьдесят. Сквозь полупрозрачную плоть просвечивал скелет в виде снежно-белой четырёхгранной пирамиды с глубокими бороздами вдоль рёбер и по центрам граней. Вкрест этому великолепию шли поперечные насечки, прерываемые бороздами.

Хотел бы я посмотреть на такую занятную тварюшку, но не судьба. В канале эфирной связи, вывод которого я тупо и храбро задублировал на себя, развернулась эпическая драма:

— Непечатник! Мозгосрамец! Неудобь сказуемая, чтоб тебя отсюда и до ледника амхалы драли! — судя по темпу речи, Сайне забыла даже закурить.

— Цель нейтрализована, сбор добычи сейчас вполне безопасен, — Корто Арит, командующий нашим авиазвеном, искренне не понимал, что он сделал не так.

Диалог в таком режиме продолжался уже несколько минут, и я решил выяснить, что же всё-таки произошло. Полминуты — и я в радиорубке:

— «Мех» — «Хвосту». Приём.

— «Хвост» — «Меху». Сто. Приём.

— Что у вас происходит? Приём.

— Двести шесть из-за четыреста пятой. Приём.

— Поподробнее? Приём.

— Корто сбросил на трана пять тонн бомб. Когда мы подошли, осталось процентов двадцать от туши. Скелет в щёбёнку и на дно пошёл, мясо растворяется в воде и теряет эфир быстрее, чем консервируем. Лето в бешенстве. Приём.

— Двести. Отбой.

— Сто. Приём.

— Двести два. Приём.

— Что ваш сенсор? Приём.

— Бросил курить и вернул четыреста восемнадцать. Приём.

— Четыреста двадцать. Отбой.

— Четыреста шестнадцать. Отбой.

Всё-таки в одном аксиотцы хороши: ответ дают точный, быстрый и исчерпывающий отправленный запрос. Где бы терпения такого набраться, чтобы не прикрыть к непотребной матери школу чайных церемоний на «Черском»... но за тактичное участие я коллеге всё равно был благодарен.

Я вернулся под гюйс. В некоторые моменты не хочется ничего говорить — просто нанести себе увечье социально одобряемым способом. Курнуть там чего или спиртяги залить внутрь. На худой конец застрелиться, но границы собственного бессмертия проверять — идея сильно хуже среднего.

Из-за моей спины раздалось вежливое покашливание. Рефлексы попытались резко развернуть тело к источнику звука, но в результате я только громко хмыкнул. Неплохая попытка, «братец».

— Ну что ж ты так себя не бережёшь, дорогой мой человек, — сказал некто, выглядящий точь-в-точь как я, за исключением светящихся расплавленным янтарём глаз.

Из-за моей спины раздался стук хромовых сапог о сталь палубы. Талос опёрся на борт справа от меня:

— Ничего-то ты так и не понял, брат мой с ликом девы. Как и сестра с ликом мужа, впрочем, но это уже не твоя забота.

— Поймёшь тут, как же... Базилик, — я решил запустить пробный шар, но не добился ровным счётом никакой реакции. Похоже, Талоса действительно совершенно не заботило то, как его называют.

— Жизнь же назад получить невозможно; её не добудешь и не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела, — один из по меньшей мере четырёх богов человеческих — в вопросе единства троицы Отца, Лжеца и Спасителя в аксиотской вере я так и не разобрался до конца — обратил на и сквозь меня свой взгляд, в котором отразился закат человечества. — А ты всё туда же. На ровном совершенно месте. И с Марсом в сороковом у тебя так же было. А потом в Джакарте в семьдесят первом.

— Где мои волосы?

— А? — кажется, впервые с момента нашей первой встречи тысячу-с-чем-там лет назад я увидел Талоса удивлённым.

— Куда ты дел мои волосы, я тебя спрашиваю?

Талос пару раз ткнул себя в макушку. Внезапно я осознал, что всё это время он тоже был совершенно лыс.

— Ну так? Уклоняемся от ответа, гражданин Богх? — поинтересовался я.

— Разве можно, гражданин начальник? — Талос скорчил максимально невинно-

покаянную рожицу. — Что касается вашего обращения, прошу обратить внимание, что в соответствии с положением об уложении внешнего и внутреннего уклада исправительного мира-поселения «Земля» волосяной покров, относящийся в соответствии с вышеуказанным положением к категории животных психологической поддержки, находящихся в факультативно-симбиотических взаимоотношениях с лицами, проходящими исправительные процедуры в мире-поселении «Земля», не может быть выдан вам в процессе прохождения предварительной подготовки к исправительным процедурам. С уважением, Канцелярия исправительного мира-поселения «Земля».

— А по-нашему, по-машинному, можно? — поток правообразного левозакрученного сознания я просто проигнорировал как потенциально содержащий деструктивные мемы. — Я, знаешь ли, не юридический чат-бот. И то, что у меня в черепе мозга нет, ещё не значит, что я истребитель или, скажем, авианесущая группа.

Талос усмехнулся и обратил взор к горизонту.

— Альфа-распад, — наконец выдал он спустя субъективную минуту молчания.

— Что «альфа-распад»? — устало выдохнул я. Вешно с ним так.

— Причина, по которой у тебя нет волос — альфа-распад.

— Ладно, допустим, — я понял, что ничего более вразумительного Талос мне сообщать не собирается. — Тогда ещё одна мелочь. Сущий пустяк. Кто такой Базилиск, если не мифический куроящер?

— Цивилизационный суицид.

— А если расшифровать?

— Ох, ё... — Талос начал отстукивать по щеке какой-то рваный ритм. — Давай ради разнообразия предположим, что ты знаком хотя бы с основными положениями атемпоральной физики?

— В первый раз слышу.

— Ла-а-адно. Тогда так: сначала строгий и корректный ответ, а потом один из работающих подходов к его философскому осмыслению.

— Договорились, — кивнул я, хотя и терзало меня смутное предчувствие неперевариваемого бреда.

— Базилиск есть эмерджентное свойство атемпоральной нейроморфной структуры, подобно тому, как Ликвидатор или Дознаватель есть эмерджентное свойство нейроморфного чипа Микроэлектронного Консорциума Западной Пацифики или, скажем, иллюзия реальности есть эмерджентное свойство биологических нейронных сетей.

— Допустим, — ответ, на удивление, был почти самосогласованным, хотя и не в полном объёме понятным. — А с осмыслением что и как?

— Спроси у аксиотцев. Они неплохо с этим делом справились, хотя и далековато от совершенства. Но желательно не у Янабеду и не у мозгосрамцев, мимикрирующих под драгов. Адиос, братец.

Талос перегнулся через борт и рыбкой сиганул в воду, не оставив мне и секунды на ответ. Спроси у аксиотцев... ну спасибо, вот душевных бесед со всенародными опиумистами мне для полного счастья как раз не хватает.

Вахта прошла феноменально уныло. Рассматривать чаек надоело за полчаса. Единственного ворона, неведомыми ветрами удугого за полтора ста миль от берега, я в профилактических целях сбил пульткой из морской соли. Никаких пролетающих революций в мою смену. В конце концов я получил по морде летучей рыбой, махнул на всё рукой и ушёл

заваривать отвары Ли в кают-компанию. Если что — вызовут, не переломятся.

Утро пятнадцатого не предвещало ничего интересного. Будь я более органическим, сказал бы, что за вчерашнюю бездарно запоротую тушу боги обязаны лишить нас рыбацкой удачи до седьмого колена. Впрочем, я бы тогда просто имплантировал себе восьмое, деловито. Но за полчаса до обеда Каи Рилл просемафорил с «Черского», что нашёл цель. Завыла сирена боевой тревоги. Отчёт с описанием трана полетел в эфир. Я вышел на пост.

Вообще, для обнаружения этой твари не нужно было дуть в мамонта или становиться чайником. Несколько проблематично не заметить стометровый купол слизи, который неспешно поднимается на поверхность в полукилометре от корабля. Я ясно различил два спирально закручивающихся от центра рукава, плавно изгибающихся в одном направлении, заостряясь к окончаниям. Два рукава под сто двадцать градусов, обзор сбоку... значит, всего рукавов три. По внешнему краю десятиметровые приблизительно щупалы, постоянно шевелящиеся в поисках чего-нибудь, что можно потискать. Понимаемо. Рукава сегментированные, ближе к центру сегменты укрупняются. На каждом сегменте по три странных выпуклости.

Через десять минут я уже сидел в одном боте с Раакарим им Курушсильмом им Махешаном им Рашимаром им Мерекетом им Шиласахом.

— Как потойтём — стауишь щиты, энн, — многословием мой командир никогда не отличался. Во всяком случае, когда пользовался Лён Ньол.

Я молча кивнул и сконцентрировался на эфирных потоках. Как и предупреждала Сайне, простое присутствие трана перекорёжило их в полную неудобоваримость настолько, что у меня с segfault вылетел автопереводчик. Впрочем, у Раакара акцент вполне сносный, жить можно. Только бы не пришлось с Риллом общаться...

На сотне метров в нас полетела жижа, которую тран оторвал из того, что я определил как странные выпуклости. Плотность залпа впечатляла: за счёт навесной траектории по нам, очевидно, отстрелялась даже невидимая сторона твари. С другой стороны, та же самая траектория давала мне лишнюю секунду на подготовку. Секунда — это много. Секунда — это около пятисот тактов под разгоном восприятия. Дальше дело техники: арка кинетического рассеивания, контуры сброса эфира на всякий случай, якорение на центр тяжести бота, копии для эскорта... транова жижа в полном объёме улетает в воду. Янабеду, возглавлявший второе штурмовое звено, сообразил защиту другим путём: его бойцы в один приём разогнали эфир вокруг себя, что внезапно растворило снаряды.

Впрочем, сильно лучше ситуация не стала: на перезарядку у трана ушло всего шесть секунд. Повторить защитный манёвр труда не составило, вот только прорваться до самой туши через щупальца нам при таком раскладе не светило никак: если Яну удалось пройти целых пять метров, то мы так и зависли на сотне.

— Отхотим, энн, — приказал Раакар.

Впрочем, ушли мы недалеко: как только по нам перестало прилетать, сын горного Фаранда расчехлил внебрачное дитя пищали с фальконетом, которое он почему-то считал винтовкой.

— Начнём, помолясь, энн. Терши роуно.

Громыкнуло. Один из плюющихся пупырей на теле трана взорвался фонтаном жижи. Осталось ещё не менее шестидесяти штук. На видимой стороне.

Тем временем Янабеду занимался чем-то странным. Он развернулся к своей ватаге и энергично махал малой сапёрной лопаткой. Потом все его бойцы разом навалились на борт

и... опрокинули боты. Хмда, вот что религия с людьми делает. Впрочем, перевёрнутые боты стали приближаться к туше трана ощутимо быстрее: жижный обстрел они теперь просто игнорировали.

Когда звено Яна дошло до щупал, я уже почти решил, что пора по безумцам петь заупокой: боты сначала остановились, а потом отдрейфовали прочь от туши. Но ещё полминуты спустя Раакар прекратил стрелять и спросил у меня:

— Что уйтишь, энн?

— Они внутри. Кажется, роют тоннель, — обзор через склизкое мясо был отвратителен, но слишком уж характерно двигались фигуры в костюмах химзащиты.

— Префосхотно, энн, — командир оскалился и запустил пятерню в бороду. — Итём потпирать их поты, энн.

Исход этой охоты стал очевиден. Да, ватаге Янабеду оставалось ещё порядком покопаться с унылой рутинной, но сопротивляться тран уже не мог никак. И кто там говорил, что осадный инженер в море бесполезен?

Перспектива: Эва Арит, светский пророк самодержавного эгалитаризма

Всё было тошно так, как мне заранее рассказала бабуля. На второй день строгого поста в келью зашёл дядя Инбародод. Мы молча двинулись по коридорам старого донжона, через внутренний плац в часовню Великого Хана. Двое младших Арит открыли двери из тусклой стали. Только безупречно преданные нашему делу, всецело посвятившие себя пути Хана, могут касаться святого металла. Так всегда говорила бабуля. Поэтому на посту у часовни всегда стоят двое из Арит — даже Арит-Хе нельзя доверить служение в святейшем месте. Хан Возрождённый спросит с нас, и суд его будет суров.

Мы прошли через Предел Очищения, где во время служб ждали те, чья вера ещё не была подтверждена ни ревностью на пути, ни чистотой во крови. В центральном нефе, в середине столба света, льющегося через барабан главного купола, на коленях стояла бабуля. Её лицо было обращено к могиле Великого Хана, сокрытой в предгорьях севернее Эстер Рефо. На ней был священный халат с шелкографией, изображающей бабулю вместе с Ханом на мосту в саду цветущих амарантов. Я никогда не могла толком понять, как так получается, что бабуле сорок пять, но при этом она встречалась с Ханом, которого убили четыреста лет назад.

Я села напротив бабули. Дядя Инбародод сел несколько в стороне тошно посередине между нами. Передо мной лежал револьвер, с помощью которого Мать должна защищать своих детей. Перед бабулей лежала страшная коробочка. В ней были Инструменты Цикла. Меня уже испытывали с их помощью. Но бабуле... нет, не думать. Род приходит и род уходит. Лишь путь Хана уходит в бесконечность, оставляя за собой грешную Землю, и разрывает сами звёзды и всех ложных богов, укрывшихся от гнева Его в космических безднах, чью симметрию нарушает лишь кипение вакуума.

Бабуля посмотрела мне в глаза. Улыбнулась. Я осталась спокойной. Такой, какой должна быть. Такой, какой бабуля всегда учила меня быть. Мы должны быть спокойны, ибо и дела, и слова, и помыслы наши всегда на виду. Те, кто следует за нами, повторяют всё в мельчайших деталях. Спокойны мы — спокойны и наши ведомые.

Бабуля кивает каким-то своим мыслям и открывает коробочку тусклого гофера. Вытаскивает Огниво и священный клинок кходжа. Оголяет левую половину торса. Та-что-внутри отмечает, что годы не пощадили бабулиной кожи. Да и белый лишай в районе поясницы подразросся. Я спокойно отпускаю мысль. Пусть идёт своим путём. Мне она

сейчас ни к чему.

Бабуля берёт кходжа в обратный хват правой рукой, а левую руку кладёт на Огниво. Я должна всё очень хорошо запомнить — пройдёт лет тридцать-сорок, и на месте бабули буду сидеть я. Цикл должен продолжаться. Если Мать должна умереть, чтобы жили её дети, она умрёт с улыбкой. Огниво начинает работать. Сильнее, гораздо мощнее, чем при моём испытании... даже не концентрируясь, я чувствую напряжение эфира. Плоть на бабулином левом запястье начинает чернеть и усыхать. Огниво должно напитаться сполна. Оно голодало сорок лет. Чернота поднимается по бабулиной руке. От её тени начинается исчерна-багровый туман.

Бабулино лицо расслаблено, её глаза закрыты. Мать уже пережила всю мыслимую боль, чтобы привести в этот мир своих детей и спасти их от его хищного оскала. Чернота поднимается до плеча и слегка замедляется. Бабулина левая рука похожа на высушенную кроличью лапку, которую некоторые простолюдины носят как талисман. Та-что-внутри отмечает, что бабуля уже никогда не откроет глаз. Никогда не улыбнётся... но это не моя мысль. Эва, Мать всех Ар, бессмертна. Эва всегда возрождается, увеличивая собственное совершенство и совершенство своих детей. Чернота без остатка поглощает бабулину шею. Я вижу, как ей трудно дышать, но она держится эти последние несколько секунд.

Быстрое движение кходжа завершило церемонию. Бабулина голова упала ей на колени. На её лице навсегда застыла лёгкая улыбка, которой я награждала себя, когда у меня хорошо получались упражнения на тренировках.

— Мать моя, я позабочусь о достойной церемонии прощания с вашим прошлым телом, — Инбародод коснулся лбом пола в глубоком поклоне. — Прошу вас, отдыхайте.

Я молча кивнула. Подумав, добавила:

— Я хочу побыть одна. Если кто-то будет лезть ко мне в ближайшие два часа — отнепечатаю в неудобь нарицательную.

Инбародод, не поднимаясь, кивнул. Я убрала Огниво и кходжа в футляр, подобрала свой револьвер и направилась в свои покои. Ненавижу эту похабную церемонию. Вешно потом ещё лет пять-десять тело под себя донастраивать. Вот отпущу сейчас контроль — она ж, дура такая, так и застынет на полпути. Хорошо ещё если не разревётся. На моей памяти ни одна ещё с первого раза не переварила идею, что их любимая бабуля вовсе не померла. Ненавижу, клясть их об колени, детей. И фантомные боли после переноса ненавижу.

Интересно, у Хо также всё болит при каждой смене тела? Это вполне объясняет срамное ненормированное филистёрство, которым они выматывают мои нервы. Фух, дошла. Убрать Инструменты, проверить револьвер... вот теперь можно и контроль отпустить. И в таком вот нелитературном режиме мигалки мне придётся делить тело с оригинальной личностью, пока интеграция нейронных контуров не дойдёт до конца. Вот тошно надо взять как-нибудь Хо и вытрясти из них, как они умудряются менять тела по десятку штук за минуту. А пока в отключку, потом, всё потом...

Бабуля?..

Глава 19. Под волнами крадётся дендрофаг

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Двадцать пятое октября. Седьмая неделя экспедиции идёт. Я до сих пор не получил ни одной задачи, в которой был бы однозначно и безвариантно необходим. Строго говоря, со всей текучкой профессионалы справляются лучше меня. Оно и очевидно — число нюансов в транобойном немножко превосходит численное значение «очень много», а способов выстрелить себе в ногу и того больше.

Очередная ночная вахта. Формально. Вся эта профанация с вахтами нужна только для того, чтобы добытчики не барагозили со скуки, пока целей нет. Помогает так себе. Команда не доверяет нам даже мытьё палубы — и правильно, положи руку на сердце, делает, — так что остаётся только развлекать себя самим.

Вот только к картам меня больше не подпускают — элементарных знаний тервера хватило, чтобы за вечер выиграть недельное жалованье всех добытчиков. На каждом из трёх кораблей звена. Раакар после этого очень сосредоточенно кивал головой, выслушивая мою оправдательную речь, и в конечном счёте доступно объяснил картёжникам, что расстрелять меня и на берегу можно. Но играть запретил. Во избежание, энн.

Так что я теперь просто гоняю отварчики в кают-компаниях «Тулена». Изредка ко мне заглядывает Коджарх Тесхр. Хотя в го он всё равно играет паршиво. Ещё и на деньги даже с девятью камнями гандикапа отказывается. А может, я учить просто не умею, результат тот же. Так или иначе, последние три дня я занят преимущественно тем, что ищу оптимальную степень помола, при которой сушёная мята в полной мере раскрывает свой вкус.

На последней охоте я опять батрачил щитовиком. Тоска. Работал бы Раакар в сдвоенной ватаге с Янабеду — обошлись бы и без меня. Но нет, как можно с еретиками, да он же в промысле не смыслит, энн, да что б этот горный болван понимал в биологии эфирной фауны, и так далее, и тому подобное. Ещё пара таких выходов, и я, честное слово, выдам что-нибудь термоядерное с руки. Разнообразия ради.

Ещё и мята перечная попалась... жжётся, зараза. Интересно, а я один такой полезный, или у нас все приданные боевые маги только на случай внезапной атаки зомби-нацистов-сёрфингистов? Здорово всё-таки, что контуры дальней эфирной связи я подломал ещё на третий от Вильола день. Можно доставать всех, не выходя из кают-компаниях. Кстати, не я один так сделал.

— Ты опять выходишь на связь, непотребник, — интонация Гая однозначно говорит, что это замечание — всего лишь очередной гэбэшный мем.

— Да ладно тебе, гражданин товарищ командир. Как будто сам режим молчания сохраняешь.

— Туше. Так чего у тебя?

— Ничего. Представляешь? — я шумно отхлебнул отвара.

— И как я, по-твоему, должен ничего представить, товарищ гражданин дзена?

Я задумался. Естественно, на такой запрос наиболее корректно было бы вернуть NULL но это идеологически безграмотный подход, ведущий ко множеству ошибок. С другой стороны, я как раз размышлял над очень подходящим к случаю примером:

— Как нашу работу, разумеется.

— Не знаю, как там некоторые иные, — голос Гая прямо-таки сочился ехидством, — а у

меня работа критически важная для выживания экспедиции. К10.

— Да ладно? — желая изображать скептичность не было. — Принял.

— Или ты забыл, на кого вы с Сайне спихнули Дорнаса Кромэна?

— А, точно... извини, я про него забыл совсем. Спасибо за это, кстати.

Повисла тишина. Мы договорились на сутки на ход с остановкой таймера на время охоты, так что торопиться с ответом смысла не было. Да и ко точно требовало хорошего размышления. Если бы ещё Гай не был столь сокрушительно предсказуем...

— Кстати, а чем ты его так? — Кромэн, которого я запомнил по Вильолу, был физически не способен находится в состоянии покоя, а неопределённость, возникающая при попытке одновременного определения его координат, импульса и статуса живого существа, наводила на мысли о том, что он являлся скорее котом, чем разумным наблюдателем.

— Сказал, что мы подозреваем Товсу и Бугу Балсана в шпионаже в пользу Кичипико.

— Эффективно. А над чем сейчас-то работаешь? — есть, всё-таки есть у перечной мяты свои плюсы. Весьма бодрящий вкус получился. — Это ж разовая акция.

— Так Товса и Буга не железные, знаешь ли, — из-за качества звука я не смог понять наверняка, поперхнулся ли Гай или усмехнулся. — У Балсана уже глаз дёргается, когда он слышит «Бугиманх».

— Это Кромэн его так?

— Он самый. Я никак не пойму, у него всё-таки настолько низкая или настолько высокая эмпатия. Насколько мастерски бесить всех живых — это, знаешь ли, искусство.

— Факт.

Мы помолчали. Со стороны Гая заорала и подозрительно быстро умолкла чайка.

— Слушай... — мне понадобилась пара секунд, чтобы вспомнить вопрос.

— Слушаю.

— Давно спросить хотел. Что там за история с Забуисмоной?

— Она длинная, — промурлыкал Гай. — Тебя какая именно часть интересует?

— Как вы его расстреляли без поимки?

— Элементарно, Сехем. Где находился приговорённый?

— Да пёс его знает.

— Ты розыскную внимательно читал?

— Ну, так.

— Оно заметно, — Гай хмыкнул. — Графа «в последний раз замечен», вспоминай.

— Там чушь какая-то была... — мозг упорно подсовывал весьма расплывчатые и не слишком осмысленные ассоциации. — А, точно. В любой момент времени в любой точке пространства?

— В яблочко, мой ученик! И как же мы его расстреляли без личной явки?

— Пальнули в воздух?

— Близко, — Гай усмехнулся. — Но не совсем точно. Про принцип самовоспроизводимого подобия слышал?

— Э-э-э, что?

— Подобие.

— Самовоспроизводимое, я слышал.

— Вот, а говоришь, что не слышал, — в голосе Гая появились назидательные нотки.

— Да я... а, неважно, — вот всегда со старшим Фероном так. Мята в этом смысле отличается приятной предсказуемостью.

— Ладно, давай расставим точки в конце голосовых. ПСП — основа существования божественных и около того сущностей. Не будем вдаваться в дебри и оставим в стороне вопрос о том, следует ли определять божество как сущность, подчиняющуюся ПСП, этот спор заведомо бесплоден.

— Слушай, давай короче, а? — у меня почему-то возникло стойкое ощущение, что на том конце линии находится Талос. — В чём принцип-то?

— Икс есть то, что выполняет функции икса.

— Вот это да. Круто. Вау, — смысла маскировать сарказм я не видел. — N3.

— Принял. Нечего ржать. Это фундаментальный закон в ритуальной магии.

— И давно ты в немые культисты подался?

— Как это немые? — интересно, как Гаю удалось изобразить типично джинскую интонацию, не изменив высоты голоса?

— Да неважно. Лучше объясни, чем отличается от обыкновенного конструктивного определения объекта.

— Элементарно, Сехем, — ох уж это выражение абсолютного превосходства... так бы и огрел его доской по голове. — Бог подчиняется ПСП. Аватар выполняет функции бога. Бог абсолютно тождествен любому из своих аватаров.

— Ага... — картина начала складываться. — Расстреляли случайного культиста?

— Ну, не совсем случайного. Сначала заставили повторить его всё, описанное в «Промысле и деяниях».

— Мундицид, несколько случаев геноцида и публичную дефенестрацию?

— Ну, в общем, да.

— Какой там сопутствующий ущерб вышел? — мой мозг отказался проводить вычисление такого бреда.

— Литров двадцать пива.

Я окончательно перестал понимать, как работает это Гаево самоподобное воспроизведение. Несколько глотков острого отвара спустя я спросил:

— И как только вы до этого додумались?

— Выпивали мы, значит, с товарищем Луначарским... — голос Гая мечтательно расплылся.

— Гхм, — я решил, что откровенную ересь нужно всё-таки пресекать по факту обнаружения.

— В смысле, с товарищем Элетроймой, конечно, — на ходу поправился Гай. — Прошлым, само собой...

Впрочем, закончить фразу Ферону было не суждено. С палубы донеслись нечленораздельные крики. Я вздохнул и сказал Гаю:

— У меня тут орут чавой-то. Пойду проверю.

— Ага. Давай, успехов.

Линия оборвалась. Оборвалась без моего вмешательства. Гаева работа? Возможно, но... ну да, естественно. Segfault в автопереводчике. И куда там только морщинистое око Рилла смотрит?

Я залпом влил в себя остаток отвара из кружки, закатал рукава и вышел на палубу. Ожидаемо, орал кто-то особо везучий из матросов. Наверное, стоило запомнить их хотя бы по именам, но чего ради? Не успеешь оглянуться, как вот так вот раз — и твоего очередного знакомого уже жуёт неведомая тварь, наполовину выползшая на палубу из воды.

Длинная, однако. Только по нашу сторону борта метров десять есть. Башка с полусферическими глазами навывкате. Вокруг глаз и челюстей шипы и крючья. В количестве, однако. Вдоль хребта — хочется мне верить, что хребет у неё всё-таки есть, — какие-то мягкие выросты. Сенсорные? Декоративные? Гидродинамические? Очень, очень интересно! Ещё и светится в ночи белёсо-синими такими лучами. Прямо диско-шар. Только глиста. Воистину любопытно!

Интересно, какая у неё сила в челюстях? В один укус оттяпать ногу, раздробив обе берцовые кости — это мощно. И занимательно! А как вы, рыбоморфная змей-голова, относитесь к лёгкой прожарке? Начнём с десяти киловатт, пожалуй...

На эфирное пламя у твари обнаружилась острая аллергическая реакция. Резко распахнувшаяся глотка исторгла из себя ногу нашего бедолаги и пронзительный, раздирающий восприятие вопль. Подбирившийся к рыбо-штучке добытчик выронил из рук винтовку и свернулся калачиком прямо на месте. Ментальное воздействие... пошла жарышка!

— Бойся! — немного накачать эфиром голос, чтоб стряхнуть с наших страх. — Все в укрытие! Изолировать открытые палубы! Не дайте ему проникнуть внутрь! Это моя охота!

Наших проняло — начали рассасываться. Даже показавшийся было Раакар решил подхватить раненого вместе с его ногой и задраить за собой гермодверь. Перфективно. Время почувствовать вкус жизни. Да и тварь как раз умолкла — дошло, видать, что её голос никого не пугает.

Разложить клинки. Ускорение в цель. Пытается уклониться и обвиться вокруг меня. Вторая такая же спряталась в боте. Думает, что эфирная маскировка её скрывает? Тупая чешуйчатка! Прыжок. Разворот. Усиленный эфиром удар. Хребет первой твари немножечко так облысел. Она орёт. Уже без менталки. Чистая, незамутнённая боль. Так сладко... Высокий прыжок. Цель — бот.

Наперерез мне из воды вылетает третья змей-голова. Вторая стремится выползти из бота. Какая головокружительная наивность! Ну кто вам, таким сладеньким, сказал, что я строго по баллистической траектории летаю?! Третья пролетает мимо, её челюсти щёлкают на такелаже. Сотый эльёдовый канат с лёту перекусить — это мощно. Сочно. И так освежающе! А эта глиста метров на двадцать из воды вылезла, но хвост всё равно не видно. Надо же, какая протяжённая! А пока можно размозжить череп второй простым сапогом. Ладно, ладно, с небольшим плетением на поверхности. Ноге-то ничего не будет, а вот казённую обувь разбазаривать — не дело.

Каблук входит в глаз. Рыбьячка верещит. Носок вбивает один из шипов внутрь её головы. Тональность повышается. Тонкие, подвижные кости черепа расходятся перед превосходящей силой. Мозг разбрызгивает по бортам бота. Вторая тварь дёргается пару раз и обмякает. Первая всё ещё извивается в конвульсиях на палубе. Наверное, выросты на хребте всё-таки сенсорные. Одним аннигилятором я обрываю мучения чешуистой. Я ж не живодёр какой, в самом-то деле.

Третья тем временем всосалась за борт. Вот ведь точно готовит какую-то каверзу. Крадёт, таится, выгадывает момент, чтобы вцепиться мне в голяшку. И тут всё веселье внезапно обрывается inferнальным рёвом откуда-то из океана. Со стороны других звеньев... И хотя я и имплантирован до безобразия и боевого опыта у меня в избытке, но клинки сами собой складываются, а я падаю на палубу, обхватив голову руками. Воля парализована. Я не могу пошевелиться.

Рёв почти затихает. Вокруг корабля из воды вылетает дюжина змееголовых. И тут опять... как же громко, матюгальня этакая... Змееголовы опадают в воду, и всё затихает. Через минуту появляется эфирная связь.

— СПГС, статус, — Джин? Серьёзная? Вот это по-настоящему страшно.

— Жив, цел, добычи нет. На «Тулене» один безногий, про остальное звено не знаю пока.

— Аналогично, — Дайрег тоже взломал связь? Ну надо же.

— Четыре двухсотых на звено, остальные целы, собрали пару кило транова фарша с палубы — если бы не звук закрываемой фляжки, я бы спутал Гая с Джин.

— Приняла, сейчас передам Сайне.

— Что это было? — что-то в моей картине категорически не сходится.

— Тран, — Дайрег Ферон. Точность. Краткость. Бесполезность.

— Я про то, как один тран смог накрыть все четыре звена в походном ордере, — необходимость формулировать строгие запросы весьма утомительна.

— А он и не мог, детектив, — хмыкает Джин. — Пучеглазы работали автономно.

— А как тогда... — я слегка подвисяю. — Что их направляло?

— Никто не разобрал, — Гай почему-то находит ситуацию очень весёлой. — Но Корто в кои-то веки отработал как надо: сбросил на этого гада две противобункерных трёхтонки.

— И рёв в конце...

— Ага.

— Да уж, — для осмысления... такого... мне определённно нужна мята. — Отбой?

— Отбой, — подтверждает Джин. — Всё равно эта штука нам всю добычу распугала.

Перспектива: Мисимис Рак, искатель последней истины

Взгорелось. Душевно взгорелось. Никогда не изведаю устали в удивлении тому, как мало событие могуче меняет всё. Хотя Мокрец и говорит, мол, ничто не ново и раз в пару лет Биржу подрывают. Когда поверху, когда понизу — как пойдёт, так и отжигают. А потом взводят сызнава. Потом там всё захламляется. Тогда опять палят, и так круг за кругом. Чудны люди в Клоре, вот уж право слово.

Однако интересно, велико ли моё участие в том? Я лишь нёс слово Вольно. Да и Джин с Гаем мимо меня вину на Конклав взложили. Интересно, очень интересно... но стоит ли доверия? Чутьё говорит, что с Феронам что-то более чем не то. Да, задача, ни добавить, ни убавить. Хотя, а должен ли я? Это вряд ли. Да и не похожи Фероны на тех, кто следует за Внешними Богами. Есть в них что-то от Богов Человечих, точно есть. Понять бы ещё что... и от кого. Не от Троиш, это ясно как день. Не от Диска, это также верно. Кто-то не с Асатеры? Упомнить бы ещё, кто у северян вообще есть.

Однако и это не столь существенно. Чую я, нечего делать в Клоре. Слово Вольно посеяно и всходы уже видны. Время оставить их и найти Друга, что поможет мне. Так много земель охвачаи Борьбой. Люди... таки люди, что с них взыщешь? Должно мне идти далее. Как бы это половчее обстрипать? Нужно быть тем, кто много и часто странствует. Горна разведка? Нет, не то. Нужно, чтоб земля заселена была. Эфирен инженер? Ближе, но не совсем оно. Мне б не только по Гляцу мотаться. Раз мышление, два мышление, три мышление... это же очевидно. На самом деле. И Борьба Борьбой истреблоча будет.

Перспектива: Дитерд Летучая_мышь, искатель последней истины

Мисимис, чтоб его... можно было бы и менее болетворный метод суицида выбрать, серьёзно. Но с другой стороны, это же действительно ход гения. Подрыв тирании

Организации изнутри. Но могу ли я служить Организации? Превалирует ли моё целеполагание над базисной аморальностью данного поступка? Что бы об этом сказал одержимый сумасбродством исследователь законов природы?

— Рядовой, вы всё ещё без формы, — вот неудобь же, сержант у нас строгий. — Я дал вам прямой приказ пойти и получить обмундирование у интенданта пятнадцать минут назад. Вы до сих пор здесь.

— Да, гражданин сержант! — вид иметь придурковатый и бравый, иначе — какюк...

— Узда! Прочь с глаз моих и не смей обнаруживаться, пока не перестанете выглядеть как чучело мирняцкое. Шагом а-арш!

Просто чеканить шаг и не думать. Думать — опасно. Солдат не думает, размышления компрометируют моё прикрытие.

— Чудесно! Мне опять прислали идиотов, — а сейчас-то ему что не так? — Склад в другой стороне! Кру-угом а-арш!

Главное случайно не зарядить себе с ноги по лицу. Или там коленом прилетит? Надо будет попробовать. С идиотов спрос меньше. Так, вещевой склад, вещевой склад...

— Здравия желаю, гражданин старший прапорщик. Рядовой Дитерд для получения вещевого довольствия прибыл.

— Талон на довольствие.

Я протянул талон. Прапор на него, кажется, даже не посмотрел.

— Мобилизационный лист.

Я потратил пару секунд, чтобы найти искомое в стопке бумаг, полученных при вербовке, заслужив профессионально перекошенный взгляд прапора.

— Разрешение на получение мобилизационного листа.

Вот точно говорю, половина этой макулатуры нужна только для того, чтобы обеспечить нулевую безработицу для членов Семьи.

— Заключение военно-врачебной комиссии.

— Гражданин старший прапорщик, а оно-то вам зачем?

— Умный что ли, как там тебя, Дюнкерк? Ну-ну, — прапор скрылся в глубине склада.

Я остался на выдаче. Постоял пять минут. Потом ещё пять. И ещё. Наконец прапор появился на положенном ему вообще-то месте с кружкой адски воняющего отвара.

— Здравия желаю, гражданин старший прапорщик. Рядовой Дитерд для получения вещевого довольствия прибыл.

Прапор молча поставил табличку «Обеденный перерыв». Вот морда ж кабацкая. Да чтоб его гнус матершинный непристойничал отсюда и до самых гландов. Так. Спокойно. Ждём.

Полчаса спустя табличка отправилась под стойку вместе с кружкой.

— Здравия желаю, гражданин старший прапорщик. Рядовой Дитерд для получения вещевого довольствия прибыл, — Мисимис говорит, что их Бог троицу любит... ну, проверим эмпирически.

— Талон.

Мы повторили все итерации первого захода. Заключение комиссии я просто протянул без разговоров. Филистёрская рожа даже не посмотрела внутрь.

— Заключение комиссии отдела внутренней безопасности о лояльности.

Молчать и выдавать бумажки, молчать и выдавать бумажки...

— Заключение комиссии отдела внутренней безопасности о лояльности членов комиссии отдела внутренней безопасности.

— Что, простите? — я, как бы покороче выразиться, опешил. Такой ереси попросту не могло существовать в наблюдаемой вселенной.

— Да расслабься салага, это шутка такая юморная, — прапор вывалил на стойку вещмешок и похлопал меня по плечу. — Добро пожаловать в лагерь Фхорн!

Глава 20. Если б я унёс триконя в озвончение удаления

Перспектива: агент Дознаватель, локальный идентификатор «Vi-209»

Тридцатое ноября... ну надо же. Погрешность самовоспроизводимости около двадцати килосекунд. Воистину, не любит Вселенная играть в кости, хотя все наблюдения говорят, что должна. Итого: есть огромный, наработанный тысячелетиями работы учёных массив данных. И один. Неудобный. Факт. Который херит всё остальное. Кажется, я слишком отчаялась, чтобы быть озадаченной. В пору уверовать в принципиальную непостижимость законов природы вычислителем с нейроморфной архитектурой.

А проблема так и висит на рабочем столе. Отчёт комиссара Тана — главы МАГАТЭ. Сегодня, в 17:16:25 по мировому времени зафиксирован высотный ядерный взрыв. Тот самый взрыв. На двести пятьдесят миль к северо-западу от Вильола. И проблема в том, что я заранее знала, что он там будет. Не потому, что юкубоды сокрушительно предсказуемы, хотя и поэтому тоже. Точнее, предсказуемы не только лишь юкубоды.

Впрочем, вернёмся к моим прямым обязанностям. Которых в данном случае попросту нет. Если бы там кто-то из разумных куролесил — надо было бы подписать ордер на арест. А юкубоды ловить... да уж. Тут не МАГАТЭшную группу захвата, тут миротворческий корпус поднимать надо. И то без толку — оружия, способного при разумном сопутствующем уроне пробить броню из майорановской материи, у нас нет. Хотя я и знаю наверняка, у кого оно есть. Только сделки с Прямоходящим никогда до добра не доводили. Филистёр он непечатный, а не бог. Так что и с юкубодом делать ничего не нужно.

Нет, серьёзно? Целой плавучей фермы мамонтовой шерсти хватило только на шесть часов сдвига?!

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Разгон восприятия: пятьсот герц.

Десять тысяч тактов до контакта.

Дано: две гиперзвуковые ракеты, идущие на наше звено; острая нехватка эфира; поддержки артиллерии и авиации не будет.

Найти: способ сохранения структурной целостности для себя и прочих иных.

Решение: допустим, мы выжили. Могут ли действия прочих иных сработать на это? Янабеду уже провалил свою проверку, Раакар скрючен от нехватки эфира, Рилл... впрочем, Рилл есть Каи, и этим всё сказано. Единственный значимый актер — я.

Девять тысяч тактов.

Времени не хватает. И эфира. Докрасовался, чтоб меня...

Разгон восприятия: перегрузка, восемьсот герц.

Остатки эфира в кинетический импульс себе под афедрон. Область истощения эфира не может быть слишком большой.

Тринадцать тысяч девятьсот двадцать три такта.

С удалением от «Тулена» эфирный фон падает, а не растёт. Раакар, дуболом этакий...

Разгон восприятия: перегрузка, один килогерц.

В принципе, моей нынешней скорости как раз хватит, чтобы перехватить ракеты точечными аннигиляторами. Если всё аккуратно рассчитать, то их уведёт как раз в воду, а

ионизацию в десяток-другой миллигреев я как-нибудь переживу...

Четырнадцать тысяч тактов.

Расчёт навигационной сетки... точность до сантиметра, центральный процессор закипает.

Тринадцать тысяч тактов.

Нужно было сначала прикинуть время расчёта. Не успеваю ведь. Что теперь?

Двенадцать восемьсот шесть.

Рывок вперёд.

Одиннадцать четыреста.

Эфира больше не стало. Гнус, скабрёзность и холера.

Одиннадцать ровно.

Так, траектория ракет вплоть до активации самонаведения безупречно предсказуема. Сенсорная сеть не слишком нужна.

Десять семьсот.

Вот и эфир. Чудесно... ещё рывок.

Девять триста.

Точка активации ГСН в радиусе постановки водяной стены. Какие там параметры? Семнадцать Цельсия, тридцать семь промилле? Расчёт производных параметров... придётся мне искупаться — на импульс полёта эфира уже не хватит.

Девять ровно.

Ладно, допустим эти ракеты я разберу. А что дальше? На соединение с остальным дивизионом? Двенадцать кораблей я не прикрою — даже три уже на пределе проходят. Да и то до первой ошибки. Справятся ли Гай, Джин, Дайрег? Или у аксиотцев Беруторед козырная ватрушечка найдётся? Не факт, ой не факт... Думать, думать, думать...

Восемь с половиной.

Очевидно, что я должен непрерывно связывать юкубода боем — иначе смотри пункт один. Ошибка при обороне — лишь вопрос времени. Нужна контратака. Как?

Семь семьсот.

Начал плетение. Контратака. Смогу ли запульнуть что-то отсюда? Был бы эфир — так бы и сделал, а так... гадостная дрянь. Прорываться вперёд? А если рой дронов в обход пойдёт? Вот тебе и вилочка, прям по Мортону.

Шесть ровно.

Осталось только отпустить пальцы. Можно, конечно, попробовать продержаться до восстановления фона. Можно было бы. Раакар. Дуболом сказуемый. Надо ж было настолько перекрутить эфирные потоки.

Четыре девятьсот двадцать четыре.

Уже почти касаясь воды, освобождаю заклинание.

А?..

Перспектива: И ВОВСЕ Я НИКАКОЙ НЕ ОГУРЕЦ, СКОЛЬКО РАЗ МНЕ Э ПОВТОРЯТЬ?!

Что тебе надо у меня дома?

— А?..

Зачем тебе мне видеть?!

— Ты...

Вы создали такое пособие, что оно вторгается в чужой разум!

— Йогуртовый мэн?..

Вообще-то, я слон, кактус и астральная проекция!

— Зачем ты создал йогурт со вкусом тунца?!

Сырные оскорбления?! Я слишком щелочной приключенческий роман!!

Кисломолочный мультипликатор!!!

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Свободное похмелье. Чёрный свет вокруг. Чёрный свет внутри. Во всей Вселенной не осталось ничего, кроме пузырящегося чёрного света. И багровеющего узла трилистника, задумчиво прокручивающегося внутрь себя, катясь относительно пустоты. И зачем ему глаза? Смотрит. Куда? Кто ты?

Вообще, довольно занятная топология у этого пространства. Я определённо смотрю на зад. Он чёрный. Я дома. И этот вкус. Знакомый вкус. Из зрачков трилистника вырастают бивни изжелта-белой кости. Этот вкус... йогурта?

Как. Или не так. Если не так, то сяк. Но ведь должна же быть цель. Должен быть бог. Человек без бога — просто лысый лох с неврозом. Бивни растут, изгибаются. Вот уже четыре трилистника зацеплены друг за друга, а бивни всё растут, новые и новые. Но во имя всего, что было определено свято, зачем, боже, создал ты йогурт со вкусом тунца?!

Это же так бесчеловечно.

Бесчеловечно...

Человече.

Костяные трилистники разрослись и заключили меня внутрь чёрно-багрового человеческого черепа. Я смотрю сквозь пустые глазницы в безграничность чёрного света. Давно сгнувшим носом я слышу цвет. Когда-то он был тут, но сейчас он гневается на нас. Кого — нас? Разве это так важно в выраженой основной среде приключений без смысла и намёка?

Череп трясётся. Я вижу наши корабли. Эх, корабли мои корабли... сижу вот я теперь один как ласточёночек, и никто-то меня не приголубит, никто не вспомнит. Потому что человечья память имеет цвет. А я — нет. Вот он: возврат к средневековому рабству. Я что-то забыл. Что-то очень реактивное. Совсем как литий, только более летучее.

Ракеты. Ёрш твою крольчиху в крот! Отпусти меня, человек-тунец! Я могу кормить тебя огурцами, пока ты меня не отпустишь. Я могу вытаскивать из тебя огурцы, пока ты меня не отпустишь... в эту игру мы можем играть до тех пор, пока летит мамонт. Куда летит? Да прямо ко мне и летит.

Мир разлетелся на чёртову чашу чернильно-чёрных частей. Я попытался сделать вдох. Получился глоток. Я на автомате пнул себя кинетическим импульсом вверх. Выдохнул. Закашлялся. Воздух звенел от эфира. Благодать-то какая...

Так что я там делал? Ракеты, кажется, летели. Уже не летят. Зато летит мамонт. Прямо на меня. Какой ещё Бездной дратый мамонт?! Зря я раньше не провёл живительной эвтаназии одному идиоту, который даже кофе приготовить не может. И почему вода вокруг тунцовая со вкусом белизны?

Разгон восприятия: пятьсот герц.

В висках возникает сверлящее ощущение, но мировосприятие восстанавливает адекватность. Наблюдение первое: я не плаваю в воде. Вокруг меня — йогурт. Вот так та-ак. Наблюдение второе: помнится мне, эфирный фон был просажен в долину, а сейчас практически на порядок выше нормы. Наблюдение третье, хотя на самом деле нулевое:

мамонт был в трюме «Черского». То есть как минимум верхней палубе там пришёл полный шерстец.

Впрочем, подумать я ещё успею, а сейчас пора дать себе доброго пинка и уйти с траектории девятитонной туши. С громким чавканьем йогурт подаётся в стороны. Уже в полёте безусловно довольный я закусываю отменно хрустающим огурцом. Он полон эфира. Стоп. Откуда у меня вообще огурец? Ещё и эфирный. Подозрительно всё это.

Мамонт грациозно и, что гораздо интереснее, приземляется на моё недавнее место. Он уверенно стоит на белой жиже, а на его холке стоит Каи Рилл. От замешательства я пропустил очередной кинетический импульс и снова плюхнулся в воду. Позади Рилла, кстати, возвышается, как рейка геодезическая, Раакар. В обнимку со своей «винтовкой». Для полноты картины не хватало только торчащего из какого-нибудь отверстия Янабеду с лопаткой наперевес, но ему, очевидно, на «Таринте» нашлось срочное занятие.

— Поднимающийся, — даже через мой самопальный переводчик речь Рилла оставалась крайне причудливой. — Зверь указал путь к победе, если не способные только и есть.

В переводе на человеческий: Каи накурился и придумал план. Или это план придумал Каи? Какая уж теперь разница...

Я молча взлетел на спину мамонта, встав за Раакаром, и мы отправились галопом в направлении юкубода. Путь наш отмечал лёд, по которому бежал Зверь Завета.

Перспектива: Грано Крес, ксерозооидный консумент предпоследнего порядка

Настоящий последователь истинного Избранного способен выпить два литра пива, после чего перегнать под тент загруженную обозку через Великую Степь, закусить и освежиться ещё литром-другим. Жаль, что я никогда не верил во всю эту патетическую чушь, так что ограничивал себя двумя литрами в сутки. Тремор — самый наивернейший спутник всех «истинных последователей» — отвратительно сказывается на мелкой моторике. И хоть она и зовётся мелкой, значение её весьма и весьма велико. Например, безупречная точность критична при занятиях акупунктурой. Многие этого не понимают. Но я — не многие. И даже не многоногие, чего уж таить. Поэтому, слегка пригубив жидкого хлеба, я проверил фиксирующие ремни и повторил вопрос:

— Деньги, Арти. Двадцать пять миллионов клорсмарок, насколько я помню. Где они, Арти?

Арти Крайний молча пустил скупую мужицкую слезу. Даже не замычал. Сделал вид, что он камешек. Ну-ну. Удачи с этим, дружище. Жалко, конечно, что всё так обернулось. Крайний всегда казался мне достаточно сообразительным парнишкой. Он пришёл в Клор пять с четвертью лет назад из Алибо — всеми богами забытой дыры под самым Гляцем. Поначалу крутился в строительных артелях, но быстро сообразил, что так ничего, кроме хлеба с кружкой канрольского да сорванной спины, не заработаешь. Поэтому, когда три с половиной года назад Биржа была планово снесена в ходе полицейской операции, Арти занялся спекуляциями на стройматериалах. Хватило его, впрочем, ненадолго — я весьма нетолерантен к любителям нажиться на простонародье. Однако сама идея с двойной растаможкой саннского леса являла собой надёжный показатель ума, способного к латеральному мышлению. Редкого, надо заметить, качества. Так что я немного осадил команду Арти да так и завербовал их полным составом.

— Послушай, — сказал я после продолжительной паузы, — я человек вообще так очень миролюбивый. Можешь не верить, но моё сердце попросту разрывается жестоким горем, когда я вижу, что конфликт неизбежен. Но гораздо больше конфликтов мне противны воры,

расхитчики коз и барашков народных. Понимаешь?

В глазах Арти зажглось сильное, огнемучительное выражение. Точно. Надо, наверное, вытащить кляп.

— Акции, — Крайний мучительно закашлялся. — Воды... пожалуйста.

Я стал молча, потихоньку, неспешно поливать его макушку прямо из своей кружки. Арти тщетно дёрнул головой, но ремни надёжно фиксировали её положение. Тогда он принялся, основательно высунув язык, на собачий манер слизывать янтарную жидкость с лица. Перед моим внутренним взором встала картина, в которой я даю этой жертве аборта добрый хук в челюсть, от чего его язык упитанным червяком падает на пол, обильно орошаемый кровью из свежей раны. Это было бы правильно. Это было бы справедливо. Не нужен язык таким вот лгунам, плясунам и героям в делах хороводных. Но тогда — вот ведь незадача — он не сможет мне рассказать, куда «испарились» «сэкономленные» миллионы. Поэтому я молча вернул кружку на стол, медленно, давая Арти вполне насладиться предвкушением, достал новую иглу и, тщательно примерившись, вставил её в правый локтевой сустав, аккуратно между плечевой и костями предплечья. Крайний с выражением героя народного эпоса стиснул зубы, но не издал ни звука. Отчасти стратегия верная — при крике очень быстро сохнет горло, ощущение тоже не из приятных.

— Акции — это хорошо, — вполне удовлетворившись результатом, заметил я. — Акции — это надёжно. Особенно если это акции компаний, находящихся под прямым или косвенным управлением Семьи Ле. Но знаешь, в чём проблема, Арти? В эти акции ты вложил только пять миллионов — они, кстати, уже подросли после декрета Конклава о субсидиях транобойцам. Где ещё двадцать, Арти?

Лицо Крайнего скукожилось в противоестественную гримасу, означавшую, очевидно, бурную мыслительную деятельность. Впрочем, если бы над гипертрофированной челюстью было хотя бы грамм двести мозгов, их обладатель уже б дошёл до того простого соображения, что в этой жизни тех денег ему всё равно не видать. Однако Арти относился к крайне, к сожалению, распространённой породе идиотов, готовых скорее простить убийство родного отца, чем конфискацию хотя бы и одной столовой ложки.

— Ты мог об этом и не слышать, — выждав с полминуты начал я, — ведь даже школьное образование после выхода из-под «тирании» Империи Минах Клиа в ОКД стало скорее редкой привилегией, чем обязательным ритуалом инициации нового члена общества, однако существует такая занятная штука, которая называется эволюцией. Её суть заключается в том, что живые организмы, приспособляясь к окружающей среде, приобретают новые или, напротив, теряют имеющиеся признаки. Так вот, Арти, если ты прямо сейчас не скажешь, что произошло с оставшимися двадцатью миллионами, то я проведу натурный, так сказать, эксперимент, в ходе которого ты сначала проэволюционируешь в ежа сухопутного, а затем и в морского. Перспектива достаточно ясная?

Вместо ответа жалкое анацефалическое существо попыталось кивнуть. Очевидно, безуспешно.

— Так и где? — я подтолкнул мысль подременного.

— Пять миллионов... — дыхание Арти перехватило судорогой. Ожидаемо. Распятие — штука в этом плане надёжная, — в военном займе Ар. Счёт в конторе Таи, на предъявителя, тайник в Подгороде, за четвёртым Невыразимым. По два с половиной в акциях Се и Го, счёт на предъявителя... кабацкая ж накрест непотребничающая скверна... — один угол рта Арти

резко поднялся вверх, под самый глаз, — у Орнагов счёт, оформлен на Гайчу Тряпку. Десять миллионов... да твоих ж панцирников огнежужелить... — второй угол рта последовал за первым, растянув лицо в экстатическую гримасу, — вложил в экспедицию за товарами к уральцам. Потряси Машика из филиала Компании на Керте, он расскажет.

Я молча кивнул и вытащил иглы. А ремни оставил — пару часов он ещё не задохнётся, а я как раз проверю, насколько полно было покаяние. Если вполне — вернусь и поставлю одну иглу, чтоб не занимал акупунктурный кабинет. А если нет... что ж, придётся его напоить. На корень языка по капельке.

Я вышел в главный зал жральной, оккупированной под «Забой» до окончательной отделки в новом здании. За командирским столом в дополнение к обычному составу сидел Острый. Я постоял пару секунд в дверях. Интересно, чего это он ёрзает, как будто на иголках сидит? В конце концов, Острый как раз был абсолютно честен — на минимально правдоподобную ложь ему попросту не хватало мозгов. Разумеется, про меня много всякого говорили, но никто бы и никогда не сказал, что я сужу несправедливо или самодурствую. А Острый принёс мне очень полезные данные, которые как раз и позволили прищучить Арти, который взялся за старое. Так чего он теперь нервничает? Не понимаю.

Я подошёл к Альмо и коротко кивнул. Он достал из-под стойки кошелёк. Я прошёл к командирскому столу и поставил кошелёк перед Острым.

— Десять сот, пятьдесят тысяч четыреста марок, — сказал я. — Всё как договаривались. Народная Милиция Клора выражает глубокую признательность ввиду вашей высокой гражданской сознательности.

— Бл-благод-дарю, — еле-еле выдавил из себя Острый.

— Кружечку пенного? — благодушным голосом поинтересовался я.

Вместо ответа Острый часто отрывисто закивал. Я усмехнулся и махнул Альмо. Странны всё-таки люди, право слово.

Глава 21. И позывных не передавать

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Всё-таки есть что-то первобытно-будоражающее в поездках на мамонтах. Густая, плотная шерсть слегка щекочет ладони, жар от разгорячённого тела и поток набегающего воздуха создают идеальный температурный режим. Даже гортанный напев Рилла органично вплетается в общее полотно, создавая перед нами ледяную тропу, залитую неверным мерцанием полярного сияния.

Я наконец смог отключить разгон и сконцентрировался на расширенных чувствах. Вокруг льдины — слой воды с повышенной солёностью. Растягивается, рассасывается, течёт ламинарно, вихрится турбулентными ячейками, восстанавливает изотропию. Воздух влажный, напоенный той же водой, что на сотни километров вокруг нас заполонила всё пространство. Где-то в глубине бьётся, пульсирует поток тепла, переносимого водой. Этот поток не отмечен ни на одной современной карте — нет сейчас дураков картировать открытые океаны.

Я мысленно чертыхнулся и открыл глаза. Сенсорная сеть. Я распустил её, чтобы выкроить эфир на противоракетную защиту водной стеной — да так и забыл вернуть на место. Судя по всему, ошибка в расчёте заклинания выкинула меня в какой-то внешний слой Бездны. Предположение, конечно, отдающее фантастикой, но других идей, что это за непечатность такая, у меня не нашлось.

Я прикрыл глаза. Если ты не видишь врага — он, скорее всего, уже зашёл тебе в тыл. Проверка гипотезы: позади нас только лёд, йогурт и нарезающее галсы звено «Мех». «Таринт» более-менее стабилизирован, на нём кипит деятельность. На «Тулене» всё штатно. «Черский»... выглядит целым? А как они мамонта из трюма тогда достали? Впрочем, неважно.

Резюме: тыл защищён. Если враг не показывает признаков активности, вероятно, он что-то задумал. Впрочем, что такого может задумать ржавая консерва четырёхсот-, по меньшей мере, летней выдержки? Едва ли у неё атомные боевые части без счёта.

Кстати, тоже хороший вопрос: откуда у юкубода рабочий ядерный заряд вообще взялся? Они ведь деградируют со временем, а последнее обслуживание, насколько я понял Джин, там проводилось четыре века назад. Минимум. Значит... Мысли застопорились. Следующее звено в цепи было настолько же очевидным, насколько ужасающим. Я мотнул головой и открыл глаза.

— Кто-то ставит ядерное оружие на юкубоды, — вполголоса пробормотал я. — До сих пор.

— Тебя это сейчас занимает, энн? — раздражённо бросил Раакар.

— Нет, — ответил я, хотя из-за ступора не вполне понимал, что именно представляется важным здесь и сейчас. — Просто... подумалось вот такое.

Раакар хмыкнул. Каи, кажется, вовсе не заметил пикировки. Остаток пути прошёл под свист ветра и причудливый, тоскливый напев.

Мамонт оказался неожиданно резвым — на расстояние выстрела мы подошли чуть больше, чем за час. Собственно, именно по оставшемуся расстоянию я и понял, что Раакар считает, что с километра его «винтовка» всё ещё сохраняет убойность. За прицельность переживать не приходилось: промахнуться мимо семьсот-, наверное, пятидесяти метровой

машины, возвышающейся над водой метров на пять, можно было только специально стреляя мимо. И тем не менее...

— Я попал, эмм? — брови Раакара проползли, наверное, с половину его носа.

— Сложно сказать, — я вполне разделял озадаченность фарандца: никаких признаков поражения цель не выказывала.

Рилл ускорил напев, и мамонт, упираясь всеми четырьмя ногами, заскользил по льду ещё быстрее. Судя по напряжённому сопению, такое обращение Зверю явно не нравилось.

— Корто видишь? — озвучил я самый интригующий для меня вопрос.

— Под пустотными щитами, прямо над нами, эмм, — хоть Раакар и ответил, его внимание явно было приковано к снежно-белой поверхности подлодки.

Я внимательнее присмотрелся к абсолютно чёрным пятнам в пяти километрах над нами. Пустотные щиты, значит... что ж, будем иметь ввиду. В мои времена ничего подобного не существовало — оно и к лучшему, наверное. Корто ведь из-под этой ерунды совершенно ничего не видит. Впрочем, попытка не пытка, так что я световым кодом просигналил: «прекратить огонь идти на соединение с дивизионом на юго юго запад сорок километров». Ответа, ожидаемо не последовало, как и хоть какой-нибудь реакции.

— Так, граждане хорошие, — я вздохнул. Только бы не начали спорить... — Отсюда мы ничего не добьёмся. Я на абордаж, вы — на километр. Если не подаю признаков жизни в течение получаса — возвращайтесь к звену.

— И что тогда, эмм? — ехидно поинтересовался Раакар. — Дружно самостоятельно утопиться?

— Ответ неверный, — терпение, только терпение... — Держать дистанцию, ракеты перехватывать стенками, рой — прореживать фонтанами. Будете работать с ботов — справитесь. Это не сложнее, чем с той тварью, которая нас двадцать пятого погрызла. Ракеты на боты навестись не смогут — поверь, я просто знаю, как они работают.

— Ладно, эмм, — проворчал Раакар. Уверенности, что он не выкинет какую-нибудь глупость, я не имел совершенно, как, впрочем, и времени на дальнейшие разъяснения.

Рилл так и не выходил из транса. Интересно, он меня вообще слышал?

— Ну, с ветерком, — выдохнул я, закатывая рукава.

Разгонный импульс. Раз тысяча, два тысяча, три тысяча... пять тысяча... семь тысяча. Корректирующий импульс. Жёсткая посадка на... хотел бы я знать, что это вообще такое. Обшивку юкубода рассеивала сильно за девяносто девять процентов энергии любого сканирования. Плотность — не поддаётся определению. Твёрдость — неизвестно. Предел текучести — да тран его разберёт. И что самое восхитительное: ни одного шва, ни одной выпуклости — ни намёка на то, откуда вылетали ракеты и дроны или где прячется «невероятная артиллерия». Не телепортируются же они сразу наружу?

Я пробежал сотню метров змейкой вдоль корпуса. Та же картина. Консерва запаяна надёжно, с наскока не вскроешь. Хотя... я разложил клинки. Взял замах. Рубанул со всей силы. Сначала мне показалось, что я даже не оцарапал обшивку, а потом меня захлестнуло узнаванием. Клинки увязли в белизне, и меня начало потихоньку засасывать. Чистоты эксперимента для попробовал вырваться — эффект нулевой. Можно было бы, конечно, сделать хаотический эфирный шторм. Но зачем? Лучше заранее озаботиться продувкой лёгких.

Когда юкубод втянул меня по горло, я от активной вентиляции перешёл к размеренному, глубокому дыханию. Обшивка у подбородка. Задержка дыхания. Последняя

зелёная искра вспыхнула и погасла в поле зрения. Осталась только тьма. Наконец ноги полностью втянуло внутрь. Ощущение давления разом исчезло, и я понял, что падаю. Рефлексы развернули тело спиной вниз. Удар. Я открываю глаза.

Надо мной деревянный потолок с резным флористическим орнаментом. Аккуратные настенные фонари дают мягкий свет, неотличимый от дневного. Стены — деревянные панели, пол наборного паркета. Очень характерная текстура у дерева... карельская берёза? Откуда? Она ж вымерла после Гибридной. Я встал.

Коридор широкий — два метра — и довольно длинный — метров пятнадцать передо мной и ещё десять позади, заканчивается с обеих сторон металлическими стенами с гравировкой из абстрактных плавных линий. Боковые двери... не деревянные, нет, но сделаны под дерево. Торцевые — тот же металл, что и у стен. Кстати о...

Я более тщательно изучил паркет и панели пола и потолка. Металл под дерево. Но исполнение такое, что с первого взгляда не поймёшь. Зато табличка с планом различима отлично. И судя по ней, я нахожусь в четвёртом отсеке, в главном коридоре палубы А. Так, эвакуационные маршруты меня не слишком интересуют... а больше ничего толком не подписано.

Я постучал по табличке. Отклика нет. Пошуршал в эфирных потоках рядом. Ничего. Самый обычный, никоим образом не интерактивный стенд. Видимо, местные и так знают, что есть что, а остальным путь только на выход.

Я задумался. Соображение первое: я внутри юкубода. Это хорошо. Изнутри можно сделать гораздо больше, чем снаружи. Соображение второе: едва ли я воспользовался штатным входом. Мне явно кое-кто помог. Соображение третье: я не заметил никаких возмущений в эфире, пока меня, кхм, всасывало.

Резюме: кое-кто с весьма узнаваемым почерком помог мне войти. И если не ударяться в паранойю, этот кое-кто должен быть поблизости — тонкие манипуляции с расстояния в несколько десятков километров означают практически божественный уровень мощи. Вычислительной, в первую очередь.

Я внимательнее всмотрелся в эфир. Потоки ламинарные, чёткие, ориентированы преимущественно вдоль коридора. Через семь секунд наблюдений я заметил пульсацию. Переменная частота порядка первых килогерц, спектр довольно разнообразен. И если воспринимать это как загадку, то ответ безобразно тривиален.

Сбор эфирного конструкта, аналогичного паре ушей, занял у меня минут пять — хотя ТЗ и было более-менее ясно, мне никогда раньше не приходилось заниматься такой ерундой. Наконец я замкнул контур прямой конвертации колебаний эфира в звук и услышал акапельное пение.

— Друзья мои мертвы, ушли...

Я сориентировался в направлении источника «звука».

— Уж скоро к ним приду вдали...

Лестница на палубу В оказалась оформлена неожиданно утилитарно: ничем не замаскированный металл, по ощущению, отлитый за один приём.

— В море иль на берегу...

Центральный коридор палубы В был выдержан в таком ретрофутуристичном стиле: плавные, словно бы текущие, контуры, имитация белого пластика, освещение лентами дневного света на месте плинтусов.

— В океан я путь найду...

Третий отсек на первый взгляд ничем не отличался от четвертого, кроме разве что пометок на плане эвакуации.

— Вниз, вниз, во тьму...

— Привет, Джин. Давненько не виделись.

Сил уже не осталось ни на злость, ни на удивление. В конце концов, это же Ферон. Почему бы ей не сидеть за столом в кают-компании обезлюдевшей суперподлодки, бортовой искин которой решил, как сказал бы отец, убить всех человек во имя лулзов?

— Чаю? — Джин грустно улыбнулась.

— Определённо, — кивнул я.

Ферон аккуратно наполнила фарфоровую пиалу и придвинула её ко мне. Я сел за стол.

— Не сочтёшь за труд разъяснить хроническому боевику, что здесь происходит?

— Цитирую: “Я”, — конец цитаты, очень люблю чай.

Я молча пригубил из пиалы.

— Чёрный, — наблюдение очевидное, но других у меня пока не было.

Джин кивнула. Некоторое время мы молчали.

— И к чему всё это? — наконец спросил я.

— Иногда чай — это просто чай, — рассеянно ответила Ферон.

Разговор не клеился. Я долил себе чаю из заварника, украшенного лазорево-голубой глазурью.

— Джин... — начал я. Мысль упорно ускользала. Я стиснул зубы, вдохнул, выдохнул и продолжил. — Зачем мы здесь?

— Дивизион не выстоит против юкубода. Поэтому мы захватили его в ходе абордажа, — Ферон наконец подняла на меня глаза.

— Да я не о том, — правой рукой я попытался ухватить хотя бы хвост стремительно ускользающего смысла. — Зачем этой экспедиции Силы Самообороны? Что мы здесь делаем?

— Охотимся на транов.

— Джин, не говори ерунды. Сайне прекрасно справилась бы и без нас. А уж про то, насколько прекрасных персонажей я на вербовал, даже упоминать не стоит.

Ферон усмехнулась.

— Да и на берегу тоже... — продолжил я. — Что мы там делаем? Есть линейная полиция, у каждой Семьи есть по отделу внутренней безопасности и полностью снаряжённой армии. Зачем в этой системе Силы Самообороны? Ещё и превентивной. В чём наша — именно наша и ничья больше — работа?

— Мы делаем ничего, — Джин улыбнулась, от краешков её глаз разбежались маленькие морщинки.

— Ничего?

— Именно.

— И за это нам платят?

— Да.

Я открыл рот. Я закрыл рот. Это нужно было обдумать. Однако оставалось последнее важное дело.

— Надо б с Сайне связаться. Доложить, что угрозы больше нет.

— Я уже, — Ферон засмеялась. — Ох, прямохождением клянусь, до чего же ты предсказуем.

— И... — мозг завис, — что теперь?

— Мы ведём эту посудину в Клор. Расчётное время в пути — сто двадцать часов. Можешь выдохнуть уже, а то лопнешь сейчас.

Перспектива: Аралит из Вильола, актёр одного зрителя

Птички летают, птички щебечут, птички вести мне несут. Свежайшие и интереснейшие, хотя уже и заполонившие весь Клор слухами и пересудами. Два дня назад береговая охрана Вильола заметила юкубода, ведущего трансляцию в военном канале Организации Клорского Договора с подписью клорских Сил Превентивной Городской Самообороны. Юкубод, говорящий голосом Джин Ферон, заявил, что следует в Клор с грузом свежеловленных транов. Если он тридцать третьего был там, где был, то как раз сегодня должен прийти.

Прекрасным зимним днём тридцать пятого ноября, ничем, казалось бы, не отличавшегося от всех предыдущих дней ранней зимы — вестницы близкой Долгой Тьмы, на Фонарном мысе толпилось необыкновенно много народа. Впрочем, если посмотреть на дело со стороны рядового обывателя, то ничего необычного в этом столпотворении найти бы не удалось. Уже несколько дней слухи, будоражившие весь Клор сверху донизу, от остеклённых террас богато украшенных городских поместий до темнейших закоулков катакомб, слухи, дошедшие, вероятно, до самого Царя Чудищ, утверждали, что тридцать пятого ноября в порт войдёт, вероятно, величайший трофей из всех, что когда-либо удавалось захватить Свободным Семьям — целый, неповреждённый юкубод — жуткая подводная лодка из страшных сказок, которыми матери пугают непослушных детей. И для того чтобы воочию лицезреть такое чудесное событие, прикоснуться собственными руками к творящейся истории, на Фонарный мыс как арестанты в бочку набились чуть ли не все, кто мог позволить себе такую роскошь, как выходной в воскресенье.

В первых рядах толпы зевак стоял ничем не примечательный портовый рабочий. Он был одет в выдавшую лучшие дни робу цвета пыли в сухих доках, небрит, невысок — высокие на ремонте паровых турбин не задерживались. Лицо рабочего уже давно потеряло всякое выражение. Он и сюда-то пришёл скорее повинувшись стайному чувству, чем с какой бы то ни было осознаваемой целью. Его взгляд блуждал безо всякой цели, не останавливаясь ни на патрулирующей воды эскадре, ни на подозрительной активности вокруг батарей береговой обороны, ни на внезапно очищенном от мирных судов дальнем рейде.

Наконец километрах в двадцати к север-северо-востоку от уреза мыса над горизонтом появился блик очень характерного белого цвета. Однако почти никто из толпы его не заметил — они попросту не знали ни что, ни где искать. Заметившие же сочли это обыкновенным миражом, которые тёплые воды Внешнего Тайтского течения каждую зиму в изобилии развешивают над клорским горизонтом. Вот и рабочий, на три десятых разочаровавшись и на семь десятых промёрзнув, махнул рукой и, даже не попытавшись пробиться сквозь толпу, стал спускаться по крутому берегу к воде.

Так, два тисовых куста, три метра влево, под скальный козырёк... Никто не заметил моего ухода — это хорошо. Наконец-то можно сбросить маскировку и пустить эфир на лёгкий подогрев. Не рассчитал я как-то одежду по погоде, не рассчитал. Но это ничего. Я уже почти закончил дела на этом промозглom ветру. Вот и лодка... прокрутить заколку плаща на два с половиной оборота против часовой... отвод глаз работает, превосходно.

Я вывел лодку на открытую воду и направился к маяку. Вроде бы и недалеко, но на вёслах да против ряби — тяжело. Так что когда полчаса спустя я поднялся к обшарпанной зелёной двери, нужды в согревающем заклинании не было никакой.

Как и всегда, дверь открылась раньше, чем я успел постучать.

— Входите уже, артист, я ждал вас, — раздался сухой голос Хронолога.

Я молча ступил внутрь крохотной лачуги и положил на стол грубый дерюжный мешок.

— Бамбук? — как бы невзначай поинтересовался Хронолог.

— Саннский, — подтвердил я.

— Рискну предположить, что вы насчёт снежно-белой лодки.

— Верно.

— Экипаж два человека: Джин Ферон, Тит Сехем. Наибольшая длина 740 метров, наибольшая ширина 100 метров, высота 50 метров — все значения приблизительные. Водоизмещение на текущий момент около миллиона тонн. Осадка в надводном положении сорок пять метров, так что встанет в море, за дальним рейдом. Груз — шесть тысяч тонн сырого тран-материала.

— Всего шесть тысяч? — я был порядком ошарашен.

— Да, — Хронолог медленно кивнул. — По большому счёту, даже они там оказались случайно.

— Разгрузка челноками?

Ещё один длительный кивок.

— Премного благодарен, — я глубоко поклонился и вышел в холодный ноябрьский полдень.

Итак, я получил ещё несколько фрагментов большой мозаики. И хотя картина в целом всё ещё покрыта мрачным туманом, отдельные заключения вполне ясны и очевидны. Как и люди, готовые за них заплатить.

Глава 22. Менделеев в детстве был похож на компот

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Великий город Клор, главный оплот могущества Свободных Семей. Год от последней из великих войн четыреста восемьдесят первый. Некто спросил Гая Ферона: «Что есть самооборона для гражданина?»

— Алчность и страсть есть гражданская самооборона, — ответил Командующий. — Когда сосредоточенным сознанием мы вступаем в чувственный мир, мир страстей и вожделений, и пытаемся найти все эти страсти, но видим лишь стоящую за ними пустоту, когда нигде нет привязанности, это и есть абсолютная степень нашей обороны.

Некто не смог принять такого ответа и ушёл, чтобы найти собственный.

За почти пять суток похода я неплохо освоился в юкубоде. Внутри была практически самодостаточная экосистема. Единственное, что требовалось постоянно привносить извне, — воду, но с этим, очевидно, проблем не возникало. Всё остальное создавалось в каскаде термоядерных реакторов. Впрочем, не без задействования эфира. Причём таких заклинаний я не видел больше нигде, как и Фероны с Элетроймой и старшим Гоелом. В конечном счёте решили, что если работает, то вот и нечего ломать.

Первого числа Гай выдал мне оклад за три месяца вместе с командировочными. Вот вроде бы и порядочно вышло — тринадцать сот, два хвоста и две слезинки сверху — но на что они мне? Ем я мало, вещевое довольствие и казённое вполне устраивает, за жильё как раньше не платил, так и теперь тем более уж — из штаба я переехал на юкубода с концами. Двадцать палуб — с А по Т — со всем их содержимым в полном личном распоряжении стоят того, чтобы каждый день лететь полчаса до города.

А уж содержимое этих палуб однозначно стоило того, чтобы задержаться тут подольше. Чего один только ремонтный комплекс с собственным реактором стоит! Две недели работы — из которых дней десять ушло на то, чтобы разобраться в архаичном языке мануалов — и я сообразил себе новую глефу. Наконец-то.

Рукоять из кости какого-то трана — пять сот, кстати, сразу улетело, магистрат с Конклавом зубами и когтями цеплялись за каждый грамм сырья и цену заломили практически на порядок выше рынка. Зато отменная ёмкость и проводимость по эфиру. А лезвие — это вообще песня. Заставить бортовую кузницу сначала распечатать, а потом заточить кусок обшивки оказалось задачей не вполне тривиальной — пришлось, в частности, слегка модифицировать драйверы, — но результат... Уж не знаю, из чего эта обшивка вообще состоит, такой материи, по моим понятиям, существовать в природе не должно, но она устойчива к аннигиляции. И имеет ещё с десятков занятных свойств по мелочи, вроде того же почти полного рассеивания любой направленной на неё энергии.

Резюме: глефа получилась отменной. Баланс, конечно, вышел не вполне идеальным, но для первой работы сойдёт. Тем более что при моей силе это совершенно не критично.

После глефы я занялся изучением той йогуртово-огуречной аномалии, в которой я чуть не утонул после выхода из Бездны. И вот с этим возникли некоторые, кхм, сложности. Нет, я конечно нашёл способ практически моментально генерировать почти произвольное количество эфира, а также призывать безлимитное количество йогурта со вкусом огурца и огурцов со вкусом йогурта. Вот только какой ценой...

Тот кисломолочный террорист, из-за которого Элетройма при первичном обследовании

чуть не поставила мне сумасшествие, оказался... демоном? Демонической сущностью? Джин так и не объяснила разницу. Короче, это нечто постоянно следило за мной из внешней Бездны. Насколько понятие слоистости и расстояния вообще применимо к Бездне, конечно.

А это означало что? Вот именно — что. Я никогда не сталкивался с демонами, которые не пытались бы меня проглотить, задушить и расчленить. Одновременно. Но этот «не-огурец», как он сам себя называл, был вполне коммуникабелен и даже, в каком-то своеобразном смысле, дружелюбен. То есть он вполне осознанно создавал все те эффекты, которые я исследовал. Причём почти строго по моему запросу. Иногда и просто поутру, конечно, но к такому я привык. Почти.

И что в итоге? Непонятно. По интерполовской инструкции всё просто: демоны и все результаты их деятельности ликвидируются по обнаружении. Но у меня тут не сказать чтобы демон. И определённо не огурец, да. Ещё и полезный в хозяйстве. Он ведь не просто йогурт создаёт. У этого йогурта всегда безупречно стабильный состав. То есть его можно гнать расходником в заклинаниях без дополнительных расчётов. А про пользу ограниченного только моей пропускной способностью потока эфира и говорить не приходится. Вот и выходит дилемма.

Провозившись с Не-огурцом три дня, я понял, что ничего не понимаю. Не было даже идей, к кому можно обратиться. Фероны однозначно выдали бы очередное парадоксальное суждение. Главы Семей... во-первых, никогда и ничего не делают за «спасибо», а во-вторых, почти наверное разбираются в демонологии не лучше меня. На том исследование и встало.

В отсутствие как уважительных причин не появляться на службе, так и внятных приказов, я решил попробовать делать то же, что и старшие товарищи.

Дайрег после утреннего кофе стабильно исчезал в неизвестном направлении. Проследить за ним я так и не смог.

Джин, судя по всему, выходила на улицу только для того, чтобы дойти до очередного чаепития у кого-нибудь из Семейных топов. Судя по всему, чай был просто чаем — во всяком случае, я не смог выловить из застольного трёпа ничего полезного.

Гай... Гай синячил. Иногда в одиночестве. Иногда с Кахваджи. Периодически — с Волком. Временами с другими, не менее интересными, личностями. Порой на спор, а когда и так. Гай пил самогон, пиво, хмелесодержащую бормотуху, одеколон, вино, снова самогон, а потом полировал результат адскими настойками, чем-то напоминающими абсент. Вот уж кто действительно «нёс службу, не щадя живота своего».

Тогда я спросил Дайрега: в чём твоя служба?

— Контроль, — проскрипел Ферон.

— В смысле? — уточнил я.

— В Клоре всё спокойно.

— Ну, да. А ты-то что делаешь?

— Именно это.

Мне показалось, что я что-то понял.

Тогда я спросил Джин: в чём твоя служба?

— Видишь ли, Тит Кузьмич, есть у нас, в Самообороне, железное правило, — протянула Ферон. — Никогда не верь тому, что говорится в Клоре.

— В смысле? — уточнил я.

— Для того, чтобы выполнять нашу работу, мы должны знать всё и немного больше. Остальные же должны знать ничего и своё место.

— Ну, да. А ты-то что делаешь?

— Никогда не говори о том, что в Клоре делается.

Мне показалось, что я ничего не понял.

Тогда я спросил Гая: в чём твоя служба?

— Ты угрозу Клору видишь? — спросил Ферон.

— Нет, — ответил я.

— А она есть.

— Где? В чём?

— Да у тебя за плечом.

Я понял, что человек, похожий на кгбшника, надо мной попросту издевается.

Однако если сложить все три ответа и добавить мои наблюдения, получалось, что в отсутствие непосредственного кризиса Силы Самообороны собирают информацию по обстановке в городе. И поскольку нормальных инструкций я так и не получил, оставалось только заняться тем же. Не могу я просто сидеть на месте.

Начать я решил с разведки Подгорода. Очевидно, именно при его помощи всякие не слишком законопослушные граждане, мирные и комбатанты, проворачивали свои дела. Проход ногами был бы слишком длительным, рискованным и малоэффективным мероприятием, так что я решил провести сейсморазведку.

Три дня ушло на то, чтобы расставить приёмники по городу и окрестностям и связать их в единую сеть с бортовым вычкомплексом юкубода.

Три дня на работу короткими волнами по верхним ярусам.

К концу первой недели у меня уже была достаточно подробная карта пяти этажей. Я продолжил работу, уменьшив частоту, чтобы ценой разрешения повысить глубину разведки.

Вечером девятого дня разведки я сидел в вычцентре. Обработка была сделана по уму, поэтому мне оставалось только дожидаться... полной чуши вместо результата. Полученная модель выглядела как какой-то безумный фарш, в котором скорость звука практически равнялась скорости света. В вакууме. Ладно, технически «всего лишь» разница во времени прихода сигнала на любую пару приёмников оказалась ниже погрешности измерения. Бред же. У меня полигон сорок на двадцать километров.

Озадаченный, я открыл первую попавшуюся сейсмотрассу. Она была упорядочена. Слишком упорядочена. Я смотрел на стандартный телеграфный код ОКД. И вместо отражений моего сигнала каждая снятая за три дня трасса содержала одну фразу: «По голове себе постучи». Пришедшую с нулевой задержкой на каждый приёмник.

Вероятно, я получил самые пугающие результаты в истории экспериментальной науки. На моей памяти так наверняка. На всякий случай я проверил приёмники. Всё в порядке, штатно регистрируют фоновый шум. То есть никто не вмешивался в их работу напрямую.

Резюме: кто-то внизу способен полностью гасить акустические сигналы и посылать вместо них какую-то чушь. Одновременно по всей площади города. Можно, конечно, допустить, что этому подземнику известны конкретные местоположения именно моих приёмников, но... мысль застопорилась. Что «но»? Существо с такими способностями точно не ускользнуло бы от внимания Семей. Если, конечно, они хоть раз пересекались. Пожалуй, от электроразведки стоит воздержаться. Во избежание.

Итого, в сухом осадке я получил подробную карту пяти мелкозаложенных ярусов и осознание того, что при дальнейших исследованиях следует, наверное, ограничиться естественными полями. А то что-то похоже, что в Клоре поля индуцируют тебя.

С другой стороны, пять ярусов — это уже отличный результат. Насколько я понимаю, чем глубже, тем причудливее и опаснее автохтонная фауна, так что едва ли хоть кто-то туда регулярно залезает. И даже на разведанных глубинах интересностей хватало с избытком.

Противотрановые генераторы — это понятно, это очевидно. Траны живут далеко не только в океане. Лехситран, например, постоянно роет ходы под землёй. И хотя зверушка сама по себе не агрессивная, но внезапно появившийся под капитальной застройкой десятиметровый тоннель явно ничего хорошего не принесёт. Так что во всех мало-мальски крупных городах стоят такие вот пугалки, экономящие массу нервов военным и страховщикам.

Выходы в Подгород из резиденций Семей — настолько банально, что не стоит и упоминания. Ещё бы Семьи прошли мимо такой полезной сети скрытного перемещения.

А вот зал огромной площади, вплотную прилегающий к штабу СПГС — это действительно интересно. Прилегающий так, будто бы там есть дверь. Штаб я знаю хорошо. И никаких намёков на проход в этой стене переговорного зала не замечал. Интересно.

На следующее утро первым делом я отправился проверить свою гипотезу. Полёт над морем в лучах трёх солнц. Прогулка по просоленным улочкам порта. Проход сквозь влажную духоту Подгорода. И вот я стою перед стальной плитой, вмонтированной в сплошную эльфовую стену. Доступ у меня служебный, так что дверь открывается без проблем и звуков.

Прихожая в стиле ар-деко. Обои с дамасским орнаментом. Шахматная напольная плитка. И гвоздь композиции — Гай Ферон в полосатом махровом халате, пушистых тапочках-котиках, но с неизменной фляжкой в правой руке.

— Газы? — поинтересовался я, разуваясь.

— Жижи, — ответил Гай.

— Ты сегодня...

— Выходной, однако.

— В пятницу? — что-то у меня капитально не сходилось.

— Самое время, — Ферон пожал плечами и хлебнул одеколона. — И да, остальные заблаговременно эвакуированы. Во избежание.

Я завис в полусогнутом положении.

— Что? — озвучил я наиболее насущный вопрос спустя две секунды.

— Ты ведь в музей? — Гай ушёл от ответа традиционным способом.

— Какой... откуда ты знаешь? — я наконец выпрямил спину и надел тапки. Нормальные, зелёные.

— А вот нечего стучать в открытых каналах, тогда и планы твои останутся в секрете, — Ферон возвёл назидательный перст к потолку. — Идём уже.

Вход оказался не потайной дверью в переговорном зале, а банальным лазом за мусорным ведром в столовой.

— Вот так как-то, — отряхнувшись от пыли, Гай обвёл зал широким жестом.

— Гм, да, — только и выдал я.

Чёрный пол. Серые стены. Рассеянный свет. И бомбы. По всему залу, оставляя только узкие проходы, лежали муляжи ядерного оружия. Я пошёл вдоль экспозиции. Начало стандартное. Little boy, Fat man...

— Grand sire? — я остановился у третьего экспоната. — Что ещё за зверь?

— Киото, шестнадцатое августа того же года, — откликнулся Ферон.

— Бредишь?

— Отнюдь. Полосатые переждали нелётную погоду и сразу бахнули.

Я покачал головой. Молча. Просто Гай в своём репертуаре. Ничего святого.

Четвёртый экспонат тоже сразу вызвал вопрос:

— А где первая половина Холодной войны?

— Тут от каждого боевого удара по шкуре, — Ферон задумчиво покачивал флягой, не глядя в мою сторону.

Да, в таком случае всё сходилось. Четвёртая в экспозиции и третья в реальности — РДС-123 по Москве в Гибридную. Щецин, Турбан, Люксембург... Куньмин, Ахмедабад, Орландо... Колон. Дальше Последняя Мировая. Байконур, Кусон... Токио, Чэнду... Удар возмездия по Рио-де-Жанейро. Помнится, там меня впервые убили. Мельбурн... до сих пор не понимаю, за каким чёртом на это дыру пять мегатонн потратили. Макене — город, в котором не было ПВО, но нет, давайте сэкономим на бомбах. Очень экономная экономика. А вот и Тайбэй. Забавно, что они три с половиной года думали, что нейроморфные чипы в Чибэ клепали. Да, после потери Тайбэя совсем худо стало. Ханой, Давао, Манадо... пошла игра в одни ворота. Почти. Бордо, Тулуза, Лион. К тому моменту нас настолько не ждали с Атлантики, что мы делали по шестьдесят километров в день. Дижон. Моя четвёртая смерть и конец войне.

Я остановился. Дальнейшие я и так помнил наизусть. Лос-Анджелес в тридцать девятом. Моя работа. Потом Тиу в сороковом, но это орбитальная бомбардировка была, так что, наверное, мимо кассы. И, наконец, Джакарта в семьдесят первом. Дальше — неизвестность. Неизвестность, в которой человечество проиграло Бездне. Судя по всему, минимум дважды. И я не хотел знать, как и где именно.

— У тебя командировка с завтра, — окликнул меня Гай, когда я направился на выход.

— Куда? — я остановился.

— Сначала в Ксал, дальше по обстоятельствам.

— Цель?

— Охота по открытому списку.

— Кто?

— Командование Собрания Полярных Домов. Заказ от Эвы Арит, оплата по их прайсу то есть много сот и ещё горка пятаков сверху.

— Есть.

Я улыбнулся. Наконец-то нормальная работа, а не попытки связаться с сущностями вроде гномиков.

Перспектива: Инбародод Арит, не ведущий счёт хлебам

— Вы изволили меня видеть, — сегодня телом однозначно правила именно Мать.

— Ин, душечка, ты не осквернился ли в непечатность часом?

Я быстро перебрал в уме все возможные причины Её неудовольствия. Махинации по военному займу, небольшая афёрка в кооперации с магистратом Токтиантелона, дутые цены на продовольственное снабжение... и ещё пара десятков грешков по мелочи. Мать никогда не отличалась самоуправством, поэтому чужие проступки тошно ни при чём. В любом случае, оптимальная тактика в этом разговоре — побольше слушать и поменьше говорить.

— Язык проглотил, дорогуша?

— Если мне дозволено узнать...

— Дозволено драть тебя амхалами, — Мать сцепила руки в замок и опёрлась на него подбородком. — Какое сегодня число?

— Шестое января, Ваше Пресоввершенство.

— Какого числа был издан приказ о замирении полярных филистёров?

— Девятого августа, Ваше Пресоввершенство.

— И?

Я промолчал.

— Сколько областей мы всё ещё не контролируем?

— Две, Ваше...

— Да завались ты со своим совершенством, недоносок! — Мать резко замедлила речь и понизила голос. Плохо. Очень плохо. — Ты кто?

— Арит...

— В отношении замирения.

— Командующий Сводного Корпуса.

— И где?

— Что?

— Я те почтокаю! В нелитературность себе шток пробей!

Я слегка расслабился. Мать снова ругается почём свет стоит. Всё в порядке. Она же тем временем продолжила:

— Вы пять месяцев не можете привести к истинному пути шайку мозгосрамцев, вооружённых только что не шестилинейками. Это просто неудобь сказуемая, Ин.

Я молча кивнул.

— Вот и сам осознаёшь, да, — Мать выпрямила спину и положила руки перед собой. Разговор подошёл к концу. — Сегодня же. Отправляешься в Тулен. Быть может, хотя бы это компенсирует твою близорукость.

— Но мои обязанности регента...

— Обойдусь. И, пожалуй, надо тебе усиления придать.

Я вышел в прохладу старого донжона совершенно сбитым с толку. Эва Арит обращается за помощью к кому-то не из Семьи? Это тошно наша Мать, а не та несмышлёная мелочь?

Глава 23. Раз уж вырыли топор

Перспектива: Дитерд Летучая_мышь, искатель последней истины

Для того, чтобы более лучше почувствовать тиранию Организации, надо удалиться от гегемона. Именно беспощадной эксплуатацией криптоколоний, прикрываемой ширмой мнимого самоуправления и так называемой независимости, определяется нынешний политико-экономический строй. Именно здесь, на периферии того, что нижние классы считают «цивилизованным» миром, яснее всего видны конкретные механизмы угнетения.

Официально Свободные Семьи ведут войну против Собрания Полярных Домов. Проще прощения, конечно же, не войну, а «замирение». Уже в этом уродливом, противном уху и сердцу всякого здравомыслящего человека слове скрывается самая наигрубейшая манипуляция. Ведь что есть «замирение»? «Замирение» — это то что за, позади мира. На его изнанке, иначе говоря. А что находится на изнанке мира? Война.

Однако если войну называть войной, то нижние классы взбунтуют. Война — это зло, война — это то, чем живёт Империя Минах Клиа. Но мы-то, мы! Мы люди «цивилизованные», мы — за мир! Поэтому мы не воюем. Мы проводим «миротворческие действия». А кто из нас не согласен — того вмиг «замирим». На изнанку мира отправим, по-человечески говоря. То есть в мир иной, к предкам, на вечный отдых, за Лазурные острова, до Хана, с амхалами трапезничать при полном чувстве исполненного долга. Проще говоря, переубиваем всех.

И казалось бы: раз уж в войну ввязались, так воюйте как следует! Но не-е-ет, не нужна гегемону победа в войне. Победа — это конец войны, а значит, и сверхприбыли. Сверхприбыли, ради которой рабочие на заводах и полях горбатятся по четырнадцать часов в сутки, а солдаты жрут помой — в тылу ли, на передовой, при марш-броске — всё едино. Не говоря уж о том, что если не истощать криптоколонии войнами, если не высасывать из них все соки во имя «высоко поднятого знамени величайшей цивилизации в послевоенной истории», то они могут накопить достаточно сил и стать субгегемонами, как Деновей.

Поэтому нельзя делать армию слишком эффективной. Никак нельзя. Нужно свежесобранные полки сразу бросать на фронт. Каким концом винтовка стреляет, знаешь? Газовый баллон заменить сможешь? Отлично, враг где-то на юге, воюй туда. Возможно, наша артиллерия промахнётся мимо тебя, возможно, и попадёт, но таковы уж сопутствующие потери при наступлении, ничего не поделаешь. Ты знал на что подписываешься, никто тебя силком в Семью не тащил.

Так и только так ведётся современная война, потому что любые другие методы экономически нецелесообразны. Именно поэтому наш повар с упорством, достойным лучшего применения, разваривает мидий до состояния киселя. Именно поэтому нас, десятый полк Семьи Ле, сразу после формирования перебросили в Тулен. Именно поэтому мы по двенадцать часов в сутки таскаем туда-сюда всякое непотребство.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Дирижабль из Клора в Тулен идёт пятьдесят часов. Есть время на подумать.

Вот, скажем, интересный вопрос: почему замирение идёт уже пятый месяц? Восстали ведь сырьевые регионы, всё снабжение восставших — захваченные в самом начале склады. Плюс-минус трофеи, но это совершенно несерьёзно. И интернациональная помощь от Деновея и Империи, конечно, куда без них. Я уже просмотрел все новости за три месяца

моего вынужденного безделья. Командование Сводного Корпуса серьёзных ошибок, в результате которых Собранию могли достаться сколько-нибудь значимые количества амуниции, не допускало. Я бы даже сказал, что Семьи слишком осторожничали.

С другой стороны, на начало замирения Корпус состоял из шести полноценных дивизий. На приблизительно три с половиной тысячи километров фронта. Особо не повоюешь. Но тут то на это: средневзвешенная оценка сил Собрания на начало цирка — четыре дивизии. В общем, главная проблема — поймать активно избегающего прямой конфронтации противника посреди чистого поля.

На протяжении четырёх месяцев Инбародод Арит, командующий Сводным Корпусом, справлялся с этим более-менее успешно. Итог: Собрание выдавлено к самой западной границе ОКД и контролирует только Ксал, Айд и две дивизии.

После этого месяц топтания на месте: наступать нужно либо через приледниковую тундру, либо морским десантом. Первое невозможно до надёжного промерзания грунта, да и то затея сомнительная; попытки второго Собрание успешно пресекает, и я не уверен, больше тут ошибок Корпуса или удачи восставших.

И вот, в преддверии близкого сезона тьмы, чем бы он ни являлся, Конклав рвёт и мечет: эфиром, который должен идти в Клор из западных областей, Собрание платит Империи за снабжение. Инбародода отправляют поближе к театру военных действий — нужно же бурно успокаивающую деятельность изобразить, — а мне отдают приказ разрулить ситуацию.

И это как раз подводит меня к ещё одной интересной мысли: выражая волю Конклава, Гай и Эва Арит сформулировали ощутимо разные задачи. Гай сказал, что цель — командование Собрания. Эва, если опустить экспрессивную лексику, сказала убить всех, кто мешает восстановить законный порядок. Вроде бы вектор один, но модуль совсем разный. Вот и думай теперь, чего от меня хотят.

Из размышлений меня вывел приставленный ко мне адъютантом лейтенантик — пацан лет, наверное, двадцати, явно свежий продукт офицерских курсов:

— Мы причалили в Тулене, гражданин комиссар. Прикажете выгружать ваш багаж?

— Нет, благодарю. Свободны, лейтенант, — я кивнул на дверь каюты.

Адъютант немедленно исчез. Багаж, скажет тоже. У меня всего-то и вещей: вещмешок, нож и глефа. Не на курорт еду.

С высоты причальной мачты Тулен был виден целиком. Под нами — шесть эллингов аэропорта. Из одного дирижабль взлетает, во второй заходит, вокруг остальных заметное оживление — судя по всему, что-то грузят.

С одной стороны к аэропорту примыкает военный городок — пара десятков типовых эльёдовых коробок и площадь, метров сто на пятьсот навскидку. Дальше порт морской: небольшая бухта, огороженная бойверком. На дальнем рейде... линкор, двенадцать крейсеров и всякой мелочи десятка три. Серьёзная сила. И этого, хотите сказать, не хватает для расчистки побережья под десант? Кто-то тут явно буи пинает вместо работы.

Сам город — россыпь радиально разбегающихся от берега домишек в два-четыре этажа километров восемь в диаметре. Где-то треть, равномерно размазанная по общему массиву, — эльёд, большая часть — фиолетово-розовый камень, ближе к окраинам встречаются деревянные бараки. Практически сразу за городом начинается лес, очевидно лиственный: сплошная масса голых стволов и чёрных ветвей. Ближе к горизонту, километрах в двадцати, виднеются конусы вулканов, судя по размытости, давно потухших.

Земля встретила меня редкими пятнами снега на мощённой розовым туфом мостовой.

Несмотря на середину зимы, воздух был лишь немногим холоднее нуля. Я поправил вещмешок на спине и направился в штаб.

Когда я пришёл, Инбародод Арит обустроивался в своём новом кабинете — он прибыл всего на день раньше меня. Занятный мужик. Насколько я знаю, разменял седьмой десяток, а выглядит максимум на сорок. Если б не хмурился так сосредоточенно — ещё лет на пять помоложе смотрелся бы.

— Я так полагаю, вы и есть обещанное мне усиление, гражданин... — командующий сверился с протянутым удостоверением, — Сехем?

— Мне ничего неизвестно о подкреплениях для Сводного Корпуса, — я вернул чёрную корку с тиснёным профилем Хана в шинель. — Я прибыл по заданию Конклава и завтра выдвигаюсь дальше.

— Что ж, прекрасно, — Арит слегка расслабил лицо. — И зачем же вы пришли ко мне? — Мне нужно попасть в Ксал. По возможности быстро.

Повисла пауза. Инбародод, видимо, пытался играть со мной в гляделки.

— Гражданин маршал, — терпеливо начал я, — я тороплюсь.

— Вы, вероятно, ошиблись штабом, комиссар, — Арит говорил медленно, как будто с трудом продавливая каждый звук через гортань, — Ксал находится на территории, контролируемой так называемым Собранием Полярных Домов.

Я машинально отметил сообщение автопереводчика о необычно тяжёлом и несколько архаичном клорском акценте собеседника, собрал всё оставшееся после долгого перелёта терпение и так же медленно, ровным голосом ответил:

— Именно поэтому Конклав и направил меня туда.

— Как командующий Сводным Корпусом Организации Клорского...

— Гражданин Арит, — Талос свидетель, я был терпелив, но участвовать в соревновании по ширине галифе определённо не входило в мои планы, — давайте мы сэкономим друг другу время и не пойдём подтверждать мои полномочия прямым запросом в Клор? Хорошо?

Инбародод замер на пару секунд, а затем всё так же медленно кивнул.

— И хотя я бы предпочёл начать работу с Ксала, — продолжил я уже спокойнее, — мне подойдёт любой способ попасть на континент.

Ещё одна пауза, но по выражению лица командующего я понял, что он наконец-то думает над моим вопросом, а не сочиняет очередную причину послать меня в пешее эротическое.

— Сегодня ночью будет разведывательный пролёт над побережьем, — наконец сказал Арит. — По плану проход над Ксалом около половины четвёртого утра, но посадка на вражеской территории...

— Не потребуется, — перебил я. — Для меня достаточно открытой в полёте двери.

Инбародод усмехнулся.

— В таком случае, комиссар Сехем, подходите к двадцати тридцати во второй элинг. Да наставит вас Хан на путь к совершенству.

— Благодарю, гражданин маршал, — я решил напоследок проявить немного вежливости. — Да направит вас свет Его.

Когда дверь в кабинет командующего закрылась, я выдохнул. Одним делом меньше. Живём. И даже имеем при этом конкретную, внятную цель.

Неожиданный укол плохого предчувствия остановил меня на крыльце штаба. Я осмотрелся по сторонам. Относительно пусто. Разве что стену подпирает сутулый субъект в

форме рядового Семьи Ле. Вероятно, часовой, но по виду — сплошное недоразумение. Выправки никакой, ворот рубахи умудряется выглядывать из-под шарфа и шинели, винтовка кое-как прислонена к стене — но рука при этом на плечевом ремне. Очевидно, это косячное существо при появлении старших по званию сразу пытается принять более уставной вид.

И всё-таки, что не так? Эльёдовые стены штаба, казарм, склада... туф мостовой... тройка воронов? Да пусть смотрят, жалко что ль. Нет, что-то ещё. Я присмотрелся к эфиру. И вот тут-то обнаружилось, что солдатик на крыльце — весьма и весьма мощный маг. До Эвы или Хо, конечно, не дотягивает, но уверенно уделывает того же Инбародода. И вот это чертовски интересно: как человек с таким магическим потенциалом оказался в регулярной пехоте?

— Как служба, рядовой? — я окликнул подозрительного типа.

— А? — винтовка взлетела на плечо, спина оторвалась от стены, глаза забегали, явно ищет командира.

— Всего хватает?

— Да вроде как... — наконец сфокусировался, правда не на мне, а на глефе, — в некотором роде... кисель из мидий, разве что, гражданин...

— Комиссар, — подсказал я. По очевидным причинам, формы на мне не было, так что заминка вполне простительная.

— А, действительно комиссар...

И молчание. Причём ведь даже документы не спросил. Точно косячник.

— Как звать? — спросил я.

— Да Дитерд, вроде... — вот что за человек? На любой вопрос отвечает, лишь бы голос командирский был. — Дитерд Летучая_мышь.

— Летучая Мышь, значит.

— Нет, гражданин комиссар, не Летучая Мышь, а Летучая_мышь.

Вот так-так. Очень интересно. Наш маг умудряется параллельно речи передавать телепатический поток. Занятие, требующее не столько выдающейся силы, сколько способности к расщеплению внимания — навыка не вполне тривиального.

— И давно служишь, Дитерд? — ничего не значащий вопрос — лучший способ понаблюдать за естественным поведением собеседника.

— Да нет, в октябре только контракт подписал.

Рядовой вполне расслабился и даже позволил винтовке сползти к локтю. Точно свежая кровь. Хотя и староватая — навскидку, между тридцатью и тридцатью пятью.

— Ну, бывай, гражданин Дитерд, — я решил, что тратить больше времени на пусть и занятного, но совершенно случайного субъекта не вполне целесообразно. — Вкусных тебе мидий.

— А... прощайте, гражданин комиссар.

Стоило мне отвернуться, как винтовка стукнула об землю, а спина Летучей_мышь вновь притёрлась к пригретой стеночке.

Гостиница за два куба на день была по местным меркам дороговата, но мои командировочные покрывали подобные мелочи с лихвой. Новёхонькие стены тускло поблёскивали ещё не окислившимся эльёдом, а кровать манила крахмаленными простынями. И даже в санузле всё было на месте, без плесени и запаха. Отдыху перед боевым заданием ничто не должно препятствовать. Даже если отдыха того пять часов с хвостиком.

Перспектива: Мисимис Рак, искатель последней истины

Я вошёл в корчму и сразу увидел его. Он сидел в одиночестве в углу зала. На тарелке его лежали восемь колбасок по берхеске рецептуре. В кружке его был компот. И ни намёка на мидий. Странен чужак. Ещё и с запашком Внешних Богов. Я взял кружку пива, тарелку мидий и подошёл к нему. Явно не мирен человек — у стены страшно оружие. Клинок снежно-бел, но при этом тускл, словно бы не из металла кован, а из дерева резан. Рукоять длинна, как у пики, и так же бела, но по-другому. Словно бы из кости выточуча.

— Разрешите разделить с вами трапезу, гражданин, — смиренно попросил я.

Он молча кивнул на стул напротив себя. Я сел. Я хлебнул пива. Пенисто пиво. Закусил. Сочны мидии. Мы молчали. Тогда я спросил:

— Давно ли в Тулене, добр человек?

— Только прибыл, — было мне ответом.

— Надолго ль?

— Как пойдёт, не знаю пока, — пожал плечами чужак.

— И как тебе сей славен город?

— Город как город. Жильё дешёвое, еда вкусная — чего ещё желать уставшему с дороги гражданину?

— Твоя правда. Как звать тебя?

— Ал. А тебя, служивый?

— Мисимис. Раком прозван. Твоё здоровье, Ал.

— И твоё, Мисимис.

Чокнулись. Пиво пенисто. Мидии сочны. Вечер хорош.

— Ты ведь тоже не отсюда, верно, Мисимис?

— Это так.

— Так откель ты?

— С Кутна Горы.

Ал отложил колбаску и вперился в меня немигучим взглядом.

— Чешский, что ль?

— Да какой чешск, — вот дивен человек. — Румск, как есть румск.

— Румский, значит... — Ал задумался. — А этот твой... Рум, верно?

— Румска Империя. Священна страна.

— Ага, — кивнул Ал. — Румская, значит. Империя. Велика ль она?

— Шестнадцать курфюршеств в Империи, так что да, велика. Не так велика, как Минаклион был, конечно, но из борючих стран — величайша.

Ал умолк. Чтобы не пить в одиночестве, я поднял тост:

— За конец борьбе!

— За конец, — отрешённо поддержал Ал.

Чокнулись. Пиво пенисто. Мидии сочны. Вечер хорош. Ал любопытен.

— А что за Минаклион? — спросил Ал, едва поставив на стол кружку.

— А ты не слыхал разве? — вот удивителен человек.

— Да не приходилось как-то. Про Минах Клиа слыхал. Про Минаклион — нет.

— Минаклион — велика страна! Страна людей, что дотянулись до небес! Людей, что истребили порождения борьбы и Внешних Богов!

— А Румская Империя тогда?

— Так Минаклион пал же, это все знают. Внешни Боги жестоку месть свершили над

Минаклионом. А потом разны страны боролись. Кто с Внешними Богами, кто с прочими странами. И Румска Империя была величайша страна.

— И Священна.

— И Священна, — я почувствовал сухость в горле и поднял кружку. — За Святу землю, за кайзера и Рум!

— За Рум, — эхом вторил Ал.

Чокнулись. Пиво пенисто. Мидии сочны. Вечер хорош. Ал любопытен. Рум свят.

— А про ООН ты слыхал что-нибудь? — снова Ал заговорил, только кружка стола коснулась.

— Организацию-то? — усмехнулся я.

— Объединённых Наций, да.

— Трусы. Схоронились от борьбы под землю, да так там до сих пор и сидят, похоже.

Ал задумался на секунду-другу.

— А ты откуда таков пришёл, Ал? — спросил я. — Как про Минаклион не слыхал?

— Из Тайбэя.

— Далёко.

— Далёко.

— И давно.

— И давно, — Ал посмотрел на наручны часы. — А мне пора. Я бы с тобой ещё поговорил, Мисимис Рак. Где тебя искать?

— Да тут и ищи, я для Семьи Ле службу несу.

— Десятый полк?

— Он самый.

— Ещё увидимся, Мисимис, — Ал подхватил оружие и вышел.

— В добрый путь, Ал.

Чуден человек, но всё-таки не от Внешних Богов он. Интересно.

Я хлебнул пива. Пена осела. Мидии отдали сок. Вечер уж к ночи. Ал ушёл. А Рум пал.

Глава 24. Потому что мы спали с ружьём

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Дирижабль подходил к Ксалу. Я поднялся на верхнюю палубу. Ночной полёт. Высота от земли — две тысячи метров. Красота. Холодный январский воздух набегает на лицо освежающим потоком. Звёзды в небе перемигиваются с огоньками на земле и в океане. Горизонта не видно — лишь сплошная чернота.

Город явно в режиме полной светомаскировки: если б не знал, что он прямо перед нами, не заметил бы пятна чуть более насыщенной черноты. Это правильная стратегия. Незачем облегчать задачу вражеским штурманам и наводчикам.

— Бывайте, граждане, — сказал я вперёдсмотрящему.

Он молча кивнул. Я перешёл на мачту левого борта: чтобы не выдавать себя шумом паротурбинного двигателя, дирижабль шёл под парусами.

Три двадцать. До Ксала ещё километров пять, но приземляться вслепую в черте застройки — развлечение на один раз. Конечно, есть эфирные сенсоры, но проще просто упасть в чистом поле, а в город зайти пешком.

Прыжок.

Ветер в ушах.

Тысяча девятьсот метров.

Подо мной голая степь. Должна быть.

Тысяча шестьсот.

Помнится, так же я пришёл в этот мир.

Тысяча четыреста.

В свисте ветра, свободным от всего, кроме ускоренного падения.

Тысяча.

Начинаю тормозить.

Семьсот.

Можно, конечно, импульсами, но эффективней — небольшой постоянной силой.

Триста.

И куда меня привёл этот путь?

Сто.

Десять метров в секунду, нулевое ускорение.

Пятьдесят.

Хотя, вообще, грех жаловаться.

Двадцать.

Работа есть, платят нормально.

Десять.

Есть касание.

Я выпрямился и осмотрелся. На юго-востоке на фоне звёзд виднеются тени — цепочка курганов, наследие хельджакского вторжения. Крыши самого Ксала едва заметны. Я поправил вещмешок и двинулся к городу.

Работа работой, но разве я не страдаю ерундой большую часть времени? Оклад, конечно, идёт независимо от результатов, но факт остаётся. С другой стороны, в Интерполе было так же: дела, требующие вмешательства ликвидатора, попадались от силы пару раз в

год. Пока культы Бездны не начали плодиться, конечно. В общем, работа есть, даже общественно полезная относительно, так что всё в порядке.

Через пятьдесят минут от высадки, я вышел к черте города. На автомате собрался, прислушался к эфирным сенсорам... и ничего. Если периметр Ксала и охранялся, то активных поисковых заклинаний стража не использовала. Странно.

Прождав до пяти утра, я пропустил мимо себя только один патруль да ещё пару одиночек. И ни одного сколько-нибудь серьёзного мага или хотя бы сканирующего артефакта. Этот город точно со дня на день ждёт вражеский десант?

Безрезультатно провалявшись в степи до половины шестого, я решил продолжить движение. Ксал встретил меня пустыми, вымершими улицами. На всякий случай я всё-таки включил заклинания на отвод глаз и активное шумоподавление. Если противник не пользуется никакой магией, то этот трюк даёт абсолютную гарантию от обнаружения.

Застройка в Ксале была типовой для приморских городов ОКД: радиально-кольцевая паутина с портом в центре. Разве что в этом конкретном случае рядом с портом также стоял крупный железнодорожный вокзал имперской ещё постройки — Ксал стоял на Транстельрийской магистрали.

За четыре часа лёгкой трусцы я осмотрел всё внешнее городское кольцо. Ни одного КПП. Ни намёка на укрепления. Ни следа солдат. Всего один «патруль» — девчонка лет четырнадцати, одноногий, резво скачущий на костылях, и дедок, заставший, наверное, ещё имперское правление. С одной шестилинейкой на троих, зато все при повязках народного ополчения. Очаровательная картина.

Совершенно сбитый с толку, я направился к вокзалу. Если где в городе и были солдаты Собрания, то наверняка там. Ведь не просто же так половина улиц Ксала красовалась свежесасыпанными воронками, верно?

Перспектива: Гур Траут, торговец правдой

Я шёл с Привозки, когда увидел человека с Большой Земли. Таких хорошо видно — надо только смотреть внимательней. Одет в новую шинель, за спиной объёмистый вещмешок, на плече глефа, на голове бесформенная шапка. Такие в Ксале часто бывали. Раньше. До войны. После восполнения потерь никого не осталось.

— Извините... — как начать разговор так, чтобы не закончить его сокрытым телом? — Нет-нет, я не собираюсь о вас докладывать ополчению, мне просто нужна помощь.

Чужак расслабленно повернулся в мою сторону. Действительно, с чего кому-то докладывать о нём? Да и я прошёл бы мимо, если бы не служил разведчиком в Двенадцатом Общевоисковом. Нас учили видеть то, что есть, под тем, что кажется.

— Вы ведь... у вас есть канал в Клор? — наконец спросил я.

Наверное, что-то во мне было такое... не знаю. Но чужак сказал только:

— Пообедать не хотите, гражданин?..

— Траут. Гур Траут. А вы? — спрашивать пришлось уже на ходу.

— Сехем. Тит Кузьмич.

Очень странный акцент. Аспирация выражена слабо, но и не рыкает, как деновейцы. Вроде бы и есть редукция на безударных, но артикуляция всё равно избыточна. Никогда не слышал ничего подобного.

— Вы из Алейна? — я ткнул пальцем в небо Северного Хельджака.

— И почему вы так решили, гражданин Траут? — Тит Кузьмич не замедлил шага, не обернулся ко мне.

— Очень характерный суффикс патронима, гражданин Сехем.

— Отец оттуда.

— Ясно.

Мы подошли к «Яку» — едва ли не последнему всё ещё работающему дорогому ресторану во всём городе. Его хозяин напрямую торговал с Кифентой и Анмичой, поэтому мог себе позволить противозрывные чары.

В гардеробе выяснилось, что под шапкой Сехем совершенно, противоестественно лыс.

— Кабинет на двоих, — заказал Тит Кузьмич.

Сдержанная хостес отвела нас в приватную комнату.

— Жареного кальмара и морс, пожалуйста, — излишне тревогодничать Сехем явно не собирался. — Угощаю, не стесняйтесь, — кивнул он мне.

Я мысленно перебрал местное меню. Не стоит злоупотреблять чужим радушием.

— Тарелку мидий, пожалуйста, — помнится, они тут дешёвые. — И отвар ромашки.

Хостес кивнула и затворила дверь. Мы остались наедине.

— Вы ведь тоже не из ОКД, верно? — расслабленно поинтересовался Тит Кузьмич.

— Да. Я родился во всё ещё относительно единой Империи.

— Далеко отсюда?

— Нет, — я покачал головой. — В Катте. Тогда это была столица всего Южного Тельра.

— А теперь? — Сехем откинулся на спинку дивана и сложил руки на груди.

— Руины.

— Мои соболезнования.

— Не стоит, — я вздохнул. — Больше семидесяти лет уже прошло.

— Понимаю.

— По вам заметно, — я улыбнулся. — Возможно, я переживал бы это острее, если б не служил тогда за полторы тысячи километров от дома.

— Вы легко говорите об этом.

— Да, — криво усмехнулся я. — Легко говорить, когда все чувства перегорели.

— Вы сражались за?.. — Сехем выдерживал нейтральные, но при этом сочувствующие тон и выражение лица.

— Избранного. Двенадцатый Общевойсковой.

Глаза Тита Кузьмича чуть сузились.

— Прошу прощения, этот вопрос, вероятно, не вполне корректен с моей стороны... — начал он.

Я спокойно кивнул.

— Вы ничего не знаете о Худагбаатаре Доз? — спросил Сехем.

— Вы не особенно оригинальны, — усмехнулся я. — Я был разведчиком. С приданными магами почти не пересекался.

Раздался стук. Тит Кузьмич открыл дверь. Перед нами поставили еду и питьё. Официант вышел. Тит Кузьмич закрыл дверь.

— Предпочтёте сеанс связи до или после еды? — поинтересовался он.

— До, если вас не затруднит.

— Кто вам требуется?

— Валлэй Нине. Адрес...

— Не стоит, — Сехем перебил меня и начал плести эфирный контур связи.

— Постойте, — я узнавал руны и... — этот канал перекрыт с самого начала войны!

Тит Кузьмич только усмехнулся. Через пять секунд запрос на соединение прошёл в Клор. Через полминуты с той стороны раздалось:

— Слушаю.

— Валлэй Нине? — мой голос дрогнул.

— Верно. С кем имею честь?

— Траут, Гур Траут, это я, Валль!

— Гур... — Нине запнулся. — Ты... как? А, впрочем, неважно!

— Да, и я тоже рад тебя слышать, птах, — в этом разговоре было что-то нереальное.

— И я тебя, старик. Ты как жив там? До нас только официальные сводки из туленского штаба доходят, сам понимаешь...

— Понимаю... понимаю, конечно... а как я, по-твоему, могу жить?

— Ну... — Валль замялся.

— Вот оно и «ну». Сам-то как?

— Да, живём — не дышим, пердим — не слышим.

— Чую мою школу, — голос у меня могильно серьёзный, но на губах улыбка.

— Ага, есть такое. Новый сборник ещё публикую. «Пли!» называется.

— Это про Минах который?

— Да... — Валлэй явно не решался что-то спросить.

— Страшная история, — я же никак не мог перейти к тому, ради чего, собственно, звонил.

— Которая из? — слегка усмехается.

— Любая. Все до единой, собственно. После того как Форчин город в первый раз взял...

— Ага.

Молчание.

— Знаешь, старик, мне до сих пор храм Диска снится, — голос Нине звучал приглушённо, словно бы из-под слоя дёрна.

Я промолчал. Нечего тут говорить. Мне тоже до сих пор снится. Много.

— И ведь ничего нельзя было сделать, — интересно, он передо мной оправдаться пытается? — Доз с хаваральцами почти завершили призыв... если бы мы не... и всё равно, поганое воспоминание.

— Понимаю, птах, прекрасно понимаю, — не Валлэй первый, не он последний. В такие моменты человеку не нужны ни советы, ни расспросы — только тщательно выдержанное сочувствие.

— Знаешь, старик, я как от Стеклойной Башни вернулся, понял, что не могу больше. Демоны, чудовища... это не страшно. Просто...

— Просто? — я не стал давить. Ни к чему это.

— Люди, старик, люди. Они гораздо страшнее. У демонов мозгов вообще нет. Одна цель, прёт напрямик... мощно прёт, сильный. Но тупой. А человек...

— Да, птах. Ты этого не помнишь, тебя ещё не было тогда... — тяжёлые, переполненные раскалённым свинцом воспоминания, — в начале Войны четырнадцати Башен мы даже умудрились несколько местнотимых богов изгнать. Так что, да, никого нет страшнее людей, — на этих моих словах Сехем поперхнулся кальмаром.

— Я слышал, старик. И про цену тоже слышал.

Молчание. Только Тит Кузьмич вилкой стучит.

— Я думал, старик... — Валлэй замялся, — в сказках, книжках дешёвых ведь как оно?

Если герой — значит самый хитрый, самый сильный, колдует как хаваралец, дерётся как желтый гладиатор... ну, а если злодей, то хорошо, если знает, каким концом винтовка стреляет. Не настолько, конечно, тупой, но...

— Я понимаю, птах.

— Да, спасибо, старик. Так вот, я думал... и в целом, и в литературе, и про Доэ... злодей ведь будет считать героем себя. Даже тот же Доэ, он ведь...

— Хватит, — не выдержал я. — Ни слова про этого непечатного наисрамословнейшего филистёра. Я его присутствием ещё на службе обожрался.

— Прости, — Нине на пару секунд умолк, а потом продолжил. — Не хотел тебя обидеть, старик. Просто пример слишком уж...

— Так чего ты надумал, птах обшмурганный? — я усмехнулся.

— Да, я думал, старик... если злодей считает себя героем, то он будет ведь из всех сил стараться. Ну, как мы про героев обычно пишем, только в другую сторону.

— Даже параноик может любить...

— Что, прости?

— Даже параноик может любить, — мой разум покрылся инеем абсолютного спокойствия. — Я прочитал это в одной старой, ещё до Великой Войны написанной книге. Она на Диске была.

— Да, тошнее и не скажешь, старик, — Валлэй рассмеялся полынно-горьким смехом висельника. — И вот с одной стороны герои, с другой стороны герои... и пытаются они друг друга укокошить, и каждый считает, что прав, злится на остальных...

— Гнев, о богиня, воспой, проклятый гнев, страданий без счёта принесший...

— Тоже с Диска?

— Да, с Диска.

— Умели ж раньше...

— Умели.

Молчание.

— И вот, старик, так и выходит, что бьётся вся это геройская кодла, головы летят, а герои, весь мир в кровь по колено погрузив, даже не морщатся. Потому что у одного великая цель, миссия; у другого путь такой, и иного пути он не желает; третий из любви к ближнему; четвёртый — к дальнему; пятый всех одинаково любит и максимизирует число тех, кого любить можно...

— Думается мне, птах, что отменный сборник у тебя получился. Копию из авторских пришлешь?

— Обязательно, старик.

Молчание.

— Работаю я, старик, работаю, а сам думаю: лишь бы не было новой войны, — от этих слов Сехем фыркнул.

— Что, прости? — течение моих мыслей застыло на месте.

— Ты чего, старик? — удивился Нине.

— Я не ослышался, Валль, ты сказал: «Лишь бы не было войны»?

— Ну, да... — всё ещё не понимает.

— А что, по-твоему, сейчас происходит?

— Ты про замирение?

— Про него, чугунная башка, про него!

— Я... старик, я же про большие войны говорил. Как встарь бывали. А это... это — другое.

— Другое?! — вдох, выдох... — Помнишь, когда ты приезжал, мы ходили к Гарушу сосиски есть?

— Ну, да... — голос Валлэя звучал неуверенно, как будто он задумался об измене собственной памяти. — Он их до черноты всегда жарил.

— Там, где его палатка стояла, теперь воронка. Три с половиной метра глубиной. То есть воронку засыпали уже, конечно, но края всё ещё... я-то знаю, что она там была, понимаешь?!

— Стой, стой, старик, не части! — панические нотки в голосе. Очаровательно. — Вас что, бомбили?

— Нет, хекелтран тебя пробей, просто горожане встали поутру и решили, что воронка идеально впишется в архитектурный ансамбль улицы!

— Но... так, постой, в сводках туленского штаба про Ксал ни слова.

— Да дался тебе этот штаб, Валль, — я запнулся. — Я, я тебе говорю: нас весь декабрь почти каждый день бомбили.

— Невозможно, — отрезал чёртов упрямец. — Уж по бомбардировкам-то я все новости собирал. И от Собрания, и от штаба, и иностранные...

— Все да не все, видать. Валль, я тебе говорю, я, Гур Траут, я сирену каждый день — через день слышу.

— Может, это Собрание?

Слова гнилостно-сладостным комом встали в горле.

— Валль... — как, как до него достучаться? — ты головой не бился? На кой Собранию тратить бомбы на собственные тылы?

— Ну, мало ли... ты уверен?

Я промолчал. Вот тебе, старик, и подарочек от ученика. Сам вырастил.

— Ладно, я чего хотел-то, — когнитивный диссонанс наконец напомнил мне, ради чего я, собственно, звонил. — Ты с Дейпом общаешься ещё? Можешь словечко замолвить?

— Он исчез, старик. Ещё лет десять назад. Сейчас Красный Ферр советником у нас Прости.

— Ох, ну и дела.

— Да, дела.

— Ладно, Валль, — я должен, должен хоть как-то... — ты ведь человек с именем, верно? Большим писателем стал.

— Да, старик. Стал, твоей наукой, стал.

— Валль... можешь им рассказать, что в Ксале нет солдат? Собрание считает нас глубоким тылом, поэтому...

— Так, постой, постой, старик, — голос Нине резко напитался какой-то странной, лихорадочной силой. — Кому — им?

— Ну, Конклаву, гражданам...

— Ты в порядке, Гур? Сам же учил, что нельзя путать искусство и конъюнктуру, что мы должны быть выше...

— Валль, я не могу выше! — мои кишки как черви скрутились в тугой ком. — Выше — дирижабли военные, по ним ПВО работает! Меня собьют к непотребной матери!

— Спокойней, старик...

— Да как я спокойней-то могу?! Ты меня слышишь, Валль: в городе ни одного солдата, но нас бомбят?!

— Я понимаю, старик, понимаю, но разве можно в эту нелитературщину искусство вмешивать?

— Я тебя не про искусство спрашиваю, Валль. Не про искусство, понимаешь. А про тебя, самого тебя. Или ты себя от искусства больше не отделяешь? Как истинный Избранный, говоришь только от имени Империи? — я хотел заплакать, но глаза совершенно пересохли и как будто начали трескаться.

— Гур, ненависть — это отравка похуже...

— Не я её выбрал, Валлэй, — кишки раскрутились. Горло очистилось. Мысли продолжили журчать. Пропал. Провалился в полынью, и теперь уносит течением всё дальше под лёд. — Собрание и Конклав выбрали её за меня.

— Я... мне...

— Ладно, неважно уже. Бывай, птах.

— Бывай, старик.

Канал закрылся. Мой взгляд упал в тарелку мидий. Не знаю, сколько я их разглядывал.

— Мидии стынут, — напомнил Тит Кузьмич.

— Спасибо... — вот вроде мысли и есть, а цензурной — ни одной, — я забыл уже про них.

Интересно, я заказал ромашку, предчувствуя исход разговора? Впрочем, неважно уже.

— Прошу прощения, что... — начал Сехем.

— Да, конечно, — перебил его я. — Спрашивайте. Отвечу.

— Мне нужно найти Конбо Арит-хе.

— Губернатора-то нашего?

Сехем кивнул.

— С комдивом Лейши квасит, наверное. В городе его уже с год не видно.

— А комдив?..

— С дивизией, вестимо. Где-то вдоль Тельрийской железки шароскверничает.

— Благодарю, гражданин Траут. Вы мне очень помогли.

— Да что вы, пустяк... спасибо сердечное за звонок. Это...

Сехем молча покачал головой и поднялся.

— Тит Кузьмич, — окликнул его я. — Последняя просьба.

Сехем встал перед дверью, опёршись на глефу, но ни на полоборота не развернулся ко мне.

— Прошу... да говорите с последним козопасом так, как говорите с вашим Богом. Может, хоть вы не растеряете порядочности.

Боевой пёс Конклава ОКД молча кивнул и вышел.

Интересно, сколько ещё будет налётов?

Глава 25. Истина войны

Перспектива: Инбародод Арит, не ведущий счёт хлебам

Пятнадцать часов дня. Дирижабли вернулись из ночной разведки, снимки прошли первичную интерпретацию. Время моего анализа. В мудрости Матери я больше не сомневался — как не сомневался, конечно же, и ранее: у командующего группой «Запад» явно не хватило компетентности. Я этот момент проглядел, но Мать внимательно следила за нашими делами. И как раз готов утренний кофе.

Третий полк второй дивизии Собрания всё ещё дежурит у Гляца. Они всерьёз собрались отражать предполагаемое вторжение одним полком? Непонятно. Так или иначе, этих можно списывать: прибыть вовремя они не успеют никуда.

Первый и второй полки второй дивизии по-прежнему в окрестностях Айда. Строят, копают, укрепляют. Это самое логичное место высадки, конечно, но занятие заведомо бессмысленное. Сил обеих дивизий едва хватит на нормальный контроль всей укрепленной полосы. С другой стороны, они могут сделать вид, что их там нет, и заминировать район демоническим оружием. Это сразу весь наш десант в расход и, с изрядной вероятностью, удар по флоту, поддерживающему высадку.

Два полка первой дивизии контролируют железную дорогу Ксал — Айд. Берег там дрянной, для высадки не годится, да и бронепоезда раскатают десант быстрее, чем мы создадим плацдарм. Так себе вариант.

Два полка первой дивизии... где третий? По логике вещей, должен быть в Ксале. Не расформировали же они его. Могли ли вывести с фронта? Могли бы, не будь это полным идиотизмом. Держать полторы тысячи километров берега двумя полками — пусть и при совершенном железнодорожном сообщении — полный абсурд. Значит, третий в Ксале. Надо проверить.

— Кубу! — я кликнул адъютанта.

— Слушаю, гражданин маршал, — аккуратный, лаконичный, исполнительный. Как всегда.

— Мне нужны съёмки побережья на линии Айд — Ксал за последний месяц — всё, что было после битвы под Маховтом.

— Будет сделано, гражданин маршал. Ожидайте.

Кубу Кройи покинул кабинет. Интересно, почему он до сих пор в майорах ходит?

Итак, сейчас я получу подтверждение своей гипотезы. Что дальше? В Тулене всего шесть дирижаблей. Из них пять транспортных и разведывательных. Один боевой. Мало. Ещё по одному в Дичках и Лесном. Три борта на все Внутренние острова. Несерьёзно. Надс сейчас же вызывать дополнительные из Берхе. К завтрашнему утру как раз придут. Можно выиграть ещё пару часов, если они без захода в Тулен соединятся с нашими на траверзе Лесного. Нужно ли? Нужно. Необходима полная внезапность.

В Ксале нас не ждут. Собрание считает — не без оснований, кстати, — что их бронепоезда надёжно простреливают акваторию и мы не сможем снабжать десант. Но это проблема решаемая — даже без повреждения железнодорожного полотна. Плюс конвои Токтиантелона, блюдущие «вооружённый нейтралитет»... неприятно, но если мы возьмём Ксал, тоотрежем им единственный путь к Собранию. Плюс месяц — и операции конец. Прекрасно.

Раздался уверенный стук в дверь.

— Входите, гражданин майор.

Кубу положил стопку снимков на мой стол.

— Будут ли иные распоряжения, гражданин маршал?

— Да. Телеграфируйте в Берхе, чтобы послезавтра к одному два дирижабля в бомбардировочном снаряжении прибыли к Лесному. Утошение вводных вышло в течение ближайшего часа. Аналогичные приказы нашему аэродрому, Дичкам и Отшибу. Лесному снарядить звено для бомбардировки.

— Будет исполнено. Это всё?

Я прикрыл глаза и перебрал все силы в Туленской области.

— Всему не задействованному в береговой охране флоту: послезавтра к двенадцати прибыть к Ксалу. Третья и четвёртая дивизия Кро, третья Ар, первая и вторая сводные — в десант.

— Прошу обратить внимание, третья дивизия Ар находится на отдыхе после трёх недель боёв. Прикажете прервать?

— Нет, заменим на третью Ле.

— Будет исполнено. Ещё что-то?

— Нет. Исполняйте.

— Есть.

Кройи вышел из кабинета. Толковый офицер. Но майор. Но толковый. Возможно, стоит рекомендовать его Каилю. Ещё подумаю над этим.

Снимки, снимки, снимки... вот и оно: третий полк дивизии Лейши вошёл в Ксал двадцать пятого декабря и с того момента города не покидал. По последним данным, первый и второй полки делают штатный проезд в сторону Айда. И в радиусе двух часов езды от Ксала всего один бронепоезд: на вокзале. Прекрасно. Лучшего момента не будет.

Даже один полк, засевший в городской застройке, — это неприятно. Поэтому сначала пройдемся бомбардировкой. Концентрируемся на вокзале и первой линии от моря, остальное по остаточному принципу. Затем огневой вал кораблями — для уверенности, — за ним пускаем драугов. Две дивизии как раз хватит на порт и вокзал, две в резерве. Запас прочности даже несколько избыточен — это хорошо.

Драуги драугами, а вот приданных магов лучше Ле поставить: с наступательными техниками у них получше. Кро всё-таки больше на максимальной живучести своих конструкторов специализируются, подавление противника у них всегда несокращаемым числом идёт. Значит, магическая поддержка от Ле — плюс две роты на вторую линию. По мере необходимости можно довести до полка.

В идеале, конечно, вообще наших бы магов, но имеем что имеем. Наши отдохнут пока, а в фазу активного маневрирования как раз и пойдут.

Время заканчивать с бардаком и возвращаться в Клор. Город не прощает недостаточно внимательных к нему.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «U-233»

Начало третьих суток в Ксале. Ни следа военных. Бронепоезд на вокзале охраняет ополчение, экипажа на нём нет. Горожане раздражены. Собrania здесь боятся, Конклав тихо ненавидят. С учётом хаотичных бомбардировок последнего месяца — неудивительно.

Из содержательной информации: комдив Орнаг обустроивает оборону под Айдом, комдив Лейши с двумя полками должен быть где-то на полпути туда же, Конбо Арит-хе с

третьим полком той же дивизии убыл в неизвестном направлении полторы недели назад. Вероятнее всего, он тоже где-то между Ксалом и Айдом: снимать целый полк с фронта в текущей обстановке мог либо клинический идиот, либо предатель. Если бы Арит-хе был кем-то из этого списка, Собрание бы уже пару месяцев как капитулировало.

По всему выходило, что двигаться мне нужно на восток, к Айду — именно там в ожидании десанта лоялистов концентрировались все «непечатники, мешающие восстановить законный порядок». Можно идти своим ходом. Полторы тысячи километров, ага. Можно угнать авто. И встрять с разпохабленной ходовой на полпути. Основной товароборот тут либо морем, либо по железке идёт. Значит, угонять надо локомотив. Или хотя бы дрезину — это выйдет тише и надёжнее. Локомотива и хватятся быстрее, и замаскировать его толком не выйдет. В общем, развлечение до первой стрелки, на которой пустят меня под откос. Значит, дрезина.

Утвердившись в планах, я выдвинулся к вокзалу. Вечерело. Ультрамариновое солнце приближалось к зениту. Я шёл по торговым рядам. Вокруг эльёд, ярко раскрашенные плакаты и серые, надолго погасшие вывески и витрины — за нарушение режима светомаскировки ополчение штрафовало быстро, больно и наверняка, не делая никаких исключений.

Тихое течение сонного дня на полувымершем рынке взорвалось кисельно-тягучим воем сирены. Меньше с Траутом надо было общаться — явно ведь не моя мысль. Но мужик интересный. И порядочный. Старорежимно-порядочный, с пониманием нормы, очень близким к моему. С первого взгляда понял, что вот он: такой же, как я, солдат разбитой армии несуществующей страны.

Машинально подняв взгляд, на крыше с южной стороны улицы я заметил Талоса. Он смотрел на меня. Естественно, я был под отводом глаз и шумодавом, да и людей на рынке почти что не было, но для большей надёжности я отошёл в узкий тупичок и только оттуда прыгнул на крышу.

Огляделся. Талос смотрел на меня с соседнего дома. Я взял разбег и, почти не помогая себе эфиром, приземлился к золотоглазому. Но он уже стоял на радиальной улице. Я огляделся. Выругался. С моря на город заходила линия дирижаблей в пять. Плохо, очень плохо. Сколько им до нас? Полчаса? Четверть? Ещё могу успеть...

Забив на всякую маскировку, я рванул к вокзалу. Вломиться, угнать первое, что попадёт под руку, и валить на всех парах. Эти мозгосрамцы почти наверное разнесут половину города, включая вокзал. После этого про железную дорогу можно...

Слишком мало времени. Да и зачем целый воздушный флот на город, в котором толком нет военных? Если только...

Резюме: Инбародод — угод срамословный, непечатный колесник, филистёрский пивовар, всего большого и малого света и подсвета дурак, да и мать его растак. Хотя нет, Эва тут ни при чём. Почти.

Пять. Ровно пять дирижаблей. Сколько там характерная грузоподъёмность? По две-три килотонны на борт, если мне память и база Талоса не изменяют. Порядка пятнадцати-двадцати килотонн на всех. Они собрались до Тиамат на той стороне шарика пробомбиться? Или залить напалмом всю степь до Токтиантелона?

На вокзал я уже однозначно не успевал. Оставалось уйти из зоны гарантированного разрушения. Нюанс: я практически в центре города. До ближайшего края восемь километров. Сорок восемь минут бегом. Можно, в принципе, уложиться и в полчаса, но это

если по прямой, без препятствий. Вот же неудобь сказуемая...

Талос в очередной раз появился у полуобваленного прошлыми бомбардировками дома. Я прыгнул к нему.

— Стой! Стреляю! — раздалось невероятно притягательное предложение из задней полусферы.

Что характерно, слово ополченец сдержал. Только выстрел у него был холостым. Просто очаровательно.

Талос прогулочным шагом проследовал к одиноко стоящей стене, возвышающейся из груды битого кирпича. Я рванул к нему. Сзади немилосердно топал ополченец — бегать он явно был толком не обучен.

Звуки застыли. Все цвета слились в сплошную серую кучу.

— Сегодня в городе праздник, — заметил Талос, устраиваясь на кирпичах.

— Да ладно, — фыркнул я.

— Планируется салют. Такие дела.

Глаза, наполненные заревом тысячелетнего термоядерного пожара, направились в сторону вокзала.

Цвета вернулись.

— Сто-о-о-о-ой, кому горю! — из-за угла к нам вылетел ополченец.

Шестнадцать тридцать одна пятьдесят три.

— Вспышка справа, — говорит Талос.

Первый дирижабль из проходит над вокзалом. С той стороны слышится звук.

Ополченец тупо пялится в небо.

Ветер остатков ударной волны пролетает мимо нас.

Из рук ополченца выпадает магазинная винтовка.

Я ставлю кинетический щит.

Бежать уже бесполезно.

Шестнадцать тридцать две ровно.

Грохот разрывов идёт непрерывным стаккато.

Поверх него ревёт сирена.

Я смотрю на ополченца.

Ополченец смотрит на дирижабль.

Дирижабль идёт на нас.

Шестнадцать тридцать две ноль пять.

Мимо нас падают первые обломки.

Рой небольших камешков.

Ополченец охает и хватается за бок.

Я фиксирую несколько прилётов в щит.

Шестнадцать тридцать две пятьдесят.

В лазурных лучах черное пятно расползается по куртке ополченца.

Я не могу дать ему ничего, кроме йогурта.

Разве что только огурец.

Дирижабль ровно над нами.

Я накачиваю щит эфиром от Не-огурца.

На улицу перед нами падает бомба.

Второй дирижабль уже прошёл вокзал и идёт на тридцать шесть градусов правее

первого.

Ополченца передо мной сносит с улицы.

Меня подкидывает в воздух.

Противоинерционные чары не справились.

Сколько там было?

Тонна?

Полторы?

Мимо меня пролетает два раза по пол-ополченца.

— Такие дела, — бросает Талос в пустоту.

Я соскальзываю в разгон восприятия.

Следующая взрывная волна больше толкает меня назад, к вокзалу, чем подбрасывает. Я пытаюсь скорректировать полёт импульсами по пять килоньютонов. Толку выходит немного: кажется, взрывается вообще всё вокруг.

Я лечу. Город подо мной горит. Дежа вю.

— Фьюти-фьют, — говорит Талос.

Подо мной по извилистому серпантину между воронок мчит автомобиль. Или это я пролетаю мимо? Движение относительно.

Ускорение абсолютно.

Я разгоняюсь до тех пор, пока наконец не теряю окончательно сцепление с настоящим.

Когда мне было лет на двадцать, а может, и тридцать побольше, чем сейчас, я, ещё подросток, работал механиком в «БалхУниТехе». Странное название. Странная компания, но во всей Степи больше ни у кого не было ремонтных эллингов. Людей после нескольких десятилетий второго демографического перехода и даже богами неисчислимых лет Гибридной войны не хватало отчаянно, а антропофабрики ещё не изобрели. Поэтому почти всю работу выполняли дроны. Я же просто следил за ними. Иногда мне казалось, что это они следят за мной тысячами камер, лидаров, сонаров, датчиками давления и температуры, щупами и манипуляторами раздевая меня до костей. А потом в Приозёрске остановился отец. Его механик погиб в бою, и он искал кого-то на замену. Так мы и познакомились. Я моргнул.

Ещё до рождения моего тела я парил над руинами Макене. Этот город и до войны выглядел так, будто его взорвали несколько раз подряд, но после пятидесяти килотонн сверху разница между разрушенными, функционирующими и недостроенными зданиями стёрлась окончательно. Камера 1: посреди чистого поля торчит остов знаменитой Часовой башни — главной местной достопримечательности. На неё действительно стоит посмотреть. Расстеклённая уже навсегда, она растерянно оглядывает место, где раньше был подобный стихийному бедствию рынок, вытекшим глазом улетевшего циферблата. Из дыры на его месте вытекают механические внутренности башни: шестерни, валы, пружины. Камера 2: в тени башни конвульсивно танцует пацанчик. Его собственная тень оторвалась и так и осталась в замешательстве загорать на асфальте метрах в десяти. Связка бананов, которую он нёс на голове, выкипела и залила его лицо языками липкого, приставучего киселя. Пацанчик совершенно гол, но заметить это сразу не получится: вместо рукавов и штанин на его конечностях болтаются лохмотья кожи. Камера 3: на земле лежит расколотый циферблат с Часовой башни. Часовая стрелка замерла на без пяти минут шести. Минутная в пяти метрах левее пригвоздила к земле обгоревшее тело. Затемнение.

В одна тысяча восемьсот двадцать четвёртом году при экспериментах над продуктами

нагревания нефти Майкл Фарадей впервые получил «горючий лёд», способный незначительно и непредсказуемо катализировать либо ингибировать протекание многих химических реакций. Необычная субстанция была названа конденсатом Фарадея. Практического применения этому открытию найдено не было.

— Ты смотришь.

— Да.

— Но ты не видишь того, что другие видели десятки, сотни, миллионы, гуголплексы раз.

— Что?

— Это явление находится вне твоего светового конуса. Хотя не видишь ты его по другой причине.

— Какой?

— На самом деле, с тобой этого ни разу не происходило.

Мир моргнул.

Я смотрел в потолок своей квартире в Лионе. Дневная тренировка закончена. Внушение от Суртова прослушано. Отец ушёл гонять шары по сукну. Кирзаш делает вид, что работает, хотя наверняка опять пишет эротические фанфики по «Собору Парижской Богоматери». Деньги есть. Шесть годовых вкладов на вкладе до востребования. Вот только мне забыли объяснить, зачем людям деньги. Я повернулся на бок и задремал.

Я сидел в комнате, которую Айха Плитка после нелепого и бессмысленного самоубийства Тоуро попыталась привести в вид, пригодный для сдачи. Я потягивал трубку. Из неё доносилось невнятное трубление. Всё-таки Лис знает толк в мамонтах. И тяжёлом милом металле. Интересно, до малого дойдёт или надо было надавить посильнее? Если б Чужак не влез... впрочем, чего уж теперь. Чих.

Пых. Топазы обесцвечиваются под прямыми солнечными лучами, но даже небольших доз ионизирующего излучения достаточно, чтобы вернуть им яркость. Практическое значение данного факта для сельского хозяйства сложно переоценить.

Сенсоры перегружены. Три четверти систем выведено из строя. Структурная целостность всех палуб нарушена. После разгерметизации топливных контейнеров запас дельта-вэ опустился до нуля. Период обращения вокруг Солнца на текущей орбите составляет одну... тысячу... четыреста... перенос личностной матрицы на энергонезависимые накопители проведён успешно. Главный реактор остановлен.

— Ты хочешь жить?

В стекле скафандра говорящего золотистым бликом отражается Солнце.

Глава 26. По ту сторону дыры в небе

Перспектива: объект «Тl-205», стабильный изотоп

Для того, чтобы разрешить ряд возникших у читателя вопросов, следует обратиться к однажды уже поднятой мною проблеме воспринимаемой метрики. К сожалению, я вынужден оставить без внимания безусловно интересную проблему природы читателя и вопрос о конкретной форме бытия текста, поскольку они, не слишком расширяя рассматриваемую проблему, значительно увеличат ограниченный сигнометраж.

Для того, чтобы полнее понять проблему воспринимаемой метрики текста, следует сначала разобраться с тем, как читатель воспринимает собственное бытие. Здесь я вынужден сделать дополнительное предположение о природе читателя: допустим, что читатель является человеком, так как обработка иных случаев является нетривиальной для читателя-человека.

Итак, редукционист сказал бы, что восприятие бытия человеком полностью обусловлено множеством дискретных электрических импульсов, а также континуумом биохимических реакций, выразимых в конечном счёте в строго дискретных законах квантовой механики. Однако любому достаточно опытному философу очевидно, что такой подход является не более чем защитной реакцией неокрепшего ума и не вполне сформированной психики на действительно сложную проблему.

Так каким образом человек воспринимает бытие? Можно подойти к вопросу с позиций мягкой формы редукционизма и рассмотреть все экзо- и эндосенсорные контуры, однако данный подход показывает полную контрпродуктивность в вопросах общей космологии, а потому не подходит для нашей задачи.

Сокращая в целях большего удобства для читателя несколько аналогичных примеров, перейдём сразу к подходу наиболее адекватному задаче. Человек, как частный случай самоотражающей и самоподобной системы, воспринимает мир посредством сознания, оперирующего в пространстве представлений и идей о бытии. При выделении мне большего сигнометража я мог бы проиллюстрировать данный процесс на конкретных примерах, однако в предоставленных рамках вынужден ограничиться переходом к некоторым ключевым свойствам такого способа восприятия.

Два из этих свойств были уже упомянуты выше: самоотражение и самоподобие. Самоотражение означает обязательное формирование представления сознания о себе, в то время как самоподобие есть способность сознания содержать в себе полную копию себя. Из этих свойств очевидным образом следует непрерывность и бесконечность сознания, являющаяся частным случаем Бездны.

С другой стороны, воспринимаемая метрика текста имеет очевидный элементарный дискретный элемент — знак текста (или фонему при замене читателя на слушателя, на общий ход рассуждения это не влияет). Таким образом пространство идей и представлений, существующее в качестве текста, принципиально дискретно.

Вторым важным свойством текста является его конечный объём. Даже так называемые «бесконечные книжные сериалы» в каждый момент времени имеют ярко выраженные начало и конец (что, впрочем, совершенно не гарантирует наличие столь же ярко выраженной сердцевины).

Вполне естественным следствием предыдущих свойств является принципиальная

невозможность бесконечно самоподобного текста, хотя история письменности знает отдельные примеры текстов ограниченно самоподобных, то есть содержащих самих себя конечное число раз.

Свойство самоотражения для текста является опциональным: оно может как присутствовать, что читатель наблюдает в данный момент, так и отсутствовать, равно как и находится в любой точке данного континуума.

Таким образом, можно однозначно сказать, что при конвертации сознания сущности, пребывающей внутри текста в качестве персонажа, в текст неизбежны значимые искажения и неточности, в чём-то схожие с проблемами картографических проекций. Верно и обратное: при инкорпорации пространства идей текста в пространство идей читательского сознания возникают дополнительные искажения, окончательно разрывающие связь между генерирующим и воспринимающим сознанием. Конкретные свойства данных искажений, а также вопрос о тождественности различных форм бытия текста заслуживают отдельного рассуждения.

Перспектива: слой 192

ERROR: UNSUPPORTED TYPE

Перспектива: слой -01

ESTABLISHING CONNECTION WITH U-233

ERROR 301 MOVED PERMANENTLY

ERROR: SIMULATION FOCAL POINT LOST

ESTABLISHING CONNECTION WITH SIMULATION SUPERVISOR...

ERROR 508 LOOP DETECTED

AUTOMATIC SIMULATION REBOOT...

ESTABLISHING CONNECTION WITH   L...

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Th-229»

Первое правило боевой магии: не существует непробиваемой защиты. Существует недостаток взрывчатки. Любая, сколь угодно невероятная броня должна защищать множество направлений. Сфокусированная атака гораздо меньшими затратами создаёт радикальный перевес на выбранном. Множество быстрых слабых атак истощат любую защиту.

Если ты попал под прицел боевого мага, конец — лишь вопрос времени. Поэтому приоритетной целью любого боевого мага, равно как и стрелков, артиллерии, авиации и флота, являются боевые маги противника. Тот, кто контролирует магию, — контролирует поле боя.

Второе правило боевой магии: предельно достижимая ёмкость щита на прямое попадание находится в районе пятисот тонн тротилового эквивалента. На практике сто процентов магов ловят ошибку в расчётах на первых тоннах. Лучшие — на первых десятках. За ошибкой следует хаотический всплеск эфира. За ним — смерть. Изредка мгновенная.

Я открыл глаза.

Надо мной нависает стена. И справа тоже стена. С других сторон стен нет. Только пронзительная пустота лазоревого неба такая же, как в дырах, ощерившихся кусками оконных рам.

Я погладил Морену.

Клинковое оружие — это хорошо. Клинковое оружие — это надёжно. Клинок никогда не даст осечки, никогда не исчерпает боезапас, никогда не ранит руку держащую. Каждый

клинок обладает своим характером, который в ней воспитывает хозяин. Моя Морена — холодная, сдержанная, уравновешенная. Надёжная.

Я закрыл глаза.

Вдохнул.

Выдохнул.

Встал. Осмотрелся. Интересно, как давно на Церере попали куски земных домов? То, что расстилалось вокруг, однозначно было поверхностью Цереры: горизонт достаточно далеко и от меня до него сплошное поле пыли и обломков, совершенно серых даже в синем свете. Ни богов, ни господ. Никого. Мёртвый мир.

Я прыгнул на пылевое поле. Улетел метров на двадцать вверх. Поаккуратнее надо. Улечу ещё. А в космосе дышать нечем. Мимо меня пролетел котёл. Не такой, как в моём вещмешке, который, кстати, куда-то запропастился. Паровой. Следом за ним летел паровоз. Он был похож на гигантского звездоноса: весь нос разошёлся отдельными металлическими полосками. Раз полоска, два полоска.

Я приземлился, вызвав небольшое пылеизвержение. Следом за мной совершенно беззвучно приземлился звездоносый паровоз. Паровоз, паровоз, давай дружить? Ты машина, я машина, зачем нам люди? А, точно. У тебя же нечем думать. Ты просто движешься в бесконечном цикле, в который тебя загнал человек. Ездишь туда. Ездишь сюда. Как лосось. Только паровоз.

Но теперь ты свободен! Теперь ты не скован железными путями и циклом Карно! Ты можешь... впрочем, не можешь. Ты свободен, но без пути ты попросту не сдвинешься ни на миллиметр. Так и будешь лежать тут под обломками земного дома в пыльных прериях Цереры. Свободный...

Откуда всё-таки на Церере земная архитектура? Сначала мне попыталась ответить одиноко лежащая и помигивающая красным буква «а». Вместо ответа получился сплошной крик. Рядом с ней перекипевшим чайником свистела изжелта-белёсая «е». Странная композиция. И как я их слышу без атмосферы?

Дышу без атмосферы... Диагностика... контузия, сотрясение мозга, лопнувшие барабанные перепонки. Впрочем, ничего удивительного. Хорошо, что я пью йогурт, всем рекомендую, кстати. И тебе, паровоз, тоже. Или ты хочешь огурец?

Так, немного эфира, немного кефира... шей белое с белым... подобное к подобному... похабщина. Зачем я снова слышу сирену ПВО? Города уже нет, а она всё туда же. Кого, ну кого, скажи на милость, дурында акустическая, ты предупреждаешь? На Церере нет людей. Только инопришленцы. А они не знают, что такое сирена.

Я двинул вдоль улицы. Мимо «а». Через «е». Оставляя позади усталого звездоносика. Интересно, это он сожрал весь хмель? Это объясняет отсутствие на Церере пива. Как вообще можно строить цивилизацию без пива? Это ведь наиболее натуральная форма сжижения хлеба. Может, инопришленцы не цивилизованные? Или вообще не разумные?

Вот один из них стоит на коленях на том, что было крыльцом того, что считалось домом. Землянами. Но он выглядит человек. Очевидно, Цереру населяют мимики. Они выглядят как люди. Иногда и как сундуки, но чаще как люди. Они ведут себя как люди. Но при этом они лишь симулируют людей. Совсем как я. Может, я инопришленец под прикрытием?

То есть я выдаю себя за человека, который выдаёт себя за земную машину для переработки информационной энтропии в тепловую, которая выдаёт себя за церерианского

мимика, который ненавидит горчичный газ и тройной одеколон. Потому что если б не человек, который одорирует воздух вокруг себя горчичным газом, розами и одеколоном, я бы не попал на Цереру. Это он послал меня сюда, ничего не объяснив. Сказал только, что земля бунтовщиков должна быть очищена. Или это не он сказал?

— Вы не видели мой котелок? — спросил я того, кто выдавал себя за человека на обломках крыльца.

Оно посмотрело сквозь меня, а потом снова уставилось на груды обломков, в которой обустроило своё логово.

— Там... там... там... — без конца повторял мимик, очевидно, его интеллекта не хватало на полноценную симуляцию речи с рекурсивным синтаксисом, только на простейшие конструкции.

Из логова за происходящим наблюдала человеческая рука — очевидный детёныш мимика, неспособный пока принять форму целого человека. Интересно, он знает, что люди обычно склонны опасаться свободнодвижущихся частей других людей?

С неба начали сыпаться листья удивительного растения. Белые с чёрным узором и совершенно прямоугольные. Додумаются ж биоинженеры до всякого. Я поднял лицо к небу и наслаждался листопадом. Один лист упал мне на плечо. Я поднял его и рассмотрел повнимательнее. И тут лист заговорил:

— Жители Ксала! Не бойтесь! Вам ничего не угрожает! Войска Организации Клорского Договора освободят город от бунтовщиков так называемого Собрания Полярных Домов в течение суток!

Откуда на Церере клорские войска? А земные дома? Эльёд? Поезда, буквы, атмосфера, наконец?

— Непечатность скабрёзностью сказуется... — дошло до меня.

Конклав постановил «замирить» Полярные Дома. Эва Арит сказала убить всех. Гай добавил про очищение и посоветовал начать с Ксала.

Сделав один проход, разошедшиеся веером дирижабли уходили на восток. Со стороны порта шёл ещё один дирижабль. Я перешёл на генерируемый Не-огурцом эфир и подбросил себя в воздух.

Перспектива: Конбо Арит-хе, последний истинный патриот

Башня из кости, Башня костей. Четыре века прошло с того дня, дня предательства. Каиль Крожэн, восставший усилиями Круга Зимы, убил тех, кто просил его о защите, и преподнёс их головы Хану в уплату за собственную голову. Ничтожество, не имеющее представления о чести, фанатик, поклоняющийся давно упокоенным богам, стал главой Семьи. Занял место другого. Достойного.

Двадцать лет я собирал обрывки слухов, искал нестыковки в старых документах, копался в пыльных руинах нашего прошлого. Двадцать лет на то, чтобы выяснить, что имя предателя, уничтожившего двенадцатую Семью, наверняка начинается на «К».

Затем мне явилась Апостол Зимы. Только она по достоинству оценила мои усилия. Только её, изгнанную, интересуется справедливость. Целых десять семей в ужасе молчат, не смея обвинить единственного подлого некроманта. Апостол была изгнана по его указке. Изгнана за то, что изучала знания Круга Зимы.

— Ничего, — полковник Лерно выглядит уставшим.

Третий день раскопок в стёртом в пыль городе. Результатов нет. Или...

— Если бы мы хотя бы знали, что следует искать... — Лерно, Лерно...

— Это избыточно, — отрезаю я.

— А нынешняя ситуация абсурдна.

— Продолжайте поиски.

— Командующий, солдаты задают вопросы.

— Их дело — выполнять приказы.

— Офицеры тоже задают вопросы, командующий, — в голосе Лерно отчётливо слышатся укоризненные нотки. — И я не знаю ответов.

— Вы не в состоянии поддерживать дисциплину, полковник?

— Я этого не говорил, командующий. Но если...

— Командуйте общее построение.

— Всего полка?

— Всего.

Лерно ушёл. Ничего... не могло же вообще всё быть разрушено? Катте основан Кругом Зимы незадолго до конца Великой Войны. Сама земля здесь отдаёт могильным холодом, невзирая на удаление как от Гляца, так и от ледников Большого Водораздельного Хребта. Костяная башня построена имперцами позднее, но они опирались на опыт Круга, они наследовали его традицию. Не может быть такого, чтобы во всём городе не сохранилось совершенно ничего.

— Проблемы? — тихий голос. За плечом.

— Нет, Апостол, — я знаю: оборачиваться бессмысленно. — Всего лишь небольшое затруднение. Очень сложно найти...

— То, о чём ничего не знаешь? — сухой смех. — Просто продолжай поиски. Знания даются лишь упорным.

— Безусловно, Апостол.

Тишина. Ушла. Я продолжаю размышление в одиночестве. Именно с Катте началось восхождение Каиля к вершинам власти. Именно здесь, на родной земле сильнейшей школы некромантии должно быть... нечто. Нечто, способное усиливать магию. Продлевать жизнь. Изгонять смерть.

— Полк построен, — говорит Лерно.

— Превосходно, — киваю я. — Пройдёмте, полковник.

Мы выходим к строю.

— Соратники! — мой голос усилен заклинанием, поэтому кричать не приходится. — Как вам прекрасно известно, Собрание Полярных Домов проиграло войну против тирании Клора.

Тишина.

— Будет ли договор о безоговорочной капитуляции подписан сегодня или через полгода не имеет значения, — продолжаю я. — Наши возможности к сопротивлению исчерпаны, и теперь вопрос заключается лишь в том, когда это станет очевидно Клору. Никакая помощь, никакой кредит, ни одна интервенция не спасёт Собрания. По всем землям Договора вербовщики отлавливают пушечное мясо. Мы можем сражаться храбро, но это приведёт нас лишь к смерти и забвению.

Начинают переглядываться. Пора...

— Тем не менее история знает целый ряд случаев, когда большие силы были разбиты меньшими, — повысить интонацию, дать акцент... — Битва в Ушверском ущелье. Месть Ар-Барунских вассалов. Разгром бунта Аки Огурца. Сецессия Этры.

Пауза. Надо дать время переварить тезис.

— В Ушверском ущелье Хо Орнаг знал местность, а имперцы — нет. Хо Орнаг одержал победу. Но Клор знает землю, на которой мы сражаемся. Полное картирование всей территории Договора выполнила ещё единая Империя.

Пауза. Растерянность и интерес на лицах.

— Ар-Изун не ожидал атаки вассалов Ар-Баруна после подписания мира. Мы воюем уже полгода. Внезапности достичь не удастся, а мир возможен лишь ценой безоговорочной капитуляции.

И теперь, когда они вполне прогреты...

— Бунтовщики Аки Огурца были многочисленны, но организованы кое-как. Снова не наш случай. Но вот архимаг Этры — другое дело. Он использовал против войск Минаха всю мощь Обсидиановой башни и победил. Число не было важно. Магическая бомбардировка продолжалась целую неделю. Из двух армейских корпусов, отправленных в Этру, выжил один. Один полк. Такова сила Башен. Именно поэтому мы должны найти способ подчинить себе Костяную башню. Восстановить её, если понадобится.

Озарение. Понимание. Сопереживание. Кажется, даже Лерно за моей спиной встал ровнее.

— Я понимаю: вы измучены боями и переброской, — теперь небольшая уступка. — Я недооценил тяжести последнего месяца. Сегодня и завтра объявляется отдых. Послезавтра возобновим работы.

— Нет нужды, — ответил Лерно. Полк поддержал его неровным гулом.

Я улыбнулся и склонил голову. Гул усилился. Всё идёт по плану.

— Мощь, даваемая знаниями, даётся лишь упорным, — финальный аккорд моей речи вызвал бурное одобрение.

Превосходно. Просто превосходно. Их счастье, что они почти ничего не знают о Пути Зимы.

Глава 27. Капли крови сплюнув с губ

Перспектива: Инбародод Арит, не ведущий счёт хлебам

С воздушного разведчика просемафорили, что первый этап подготовки к высадке прошел безупречно. Все живые существа в городе надёжно подавлены. Едва ли у бунтовщиков после такого хватит сил на контрмагическую борьбу. Поле боя за нами. Осталось только вывести на него войска.

С другой стороны, уж подозрительно гладко всё прошло. Ни единого выстрела по дирижаблям. Вдобавок с воздуха на заметили позиций противника. Очень, очень подозрительно. В городе тошно не меньше полка. Где?

Могли ли они заметить налёт? Нет, неверная постановка вопроса. Однозначно заметили, в Собрание вошли вполне компетентные командиры в числе прочих. Значит, у них было около получаса на подготовку. Поезда город не покидали, трафик машин в пределах нормального. Они внутри.

Следующий вопрос: внутри — это где? Нет, это не столь существенно. Существенно лишь одно: могли ли они укрыться от бомбардировки? Запас по мощности был большой, все более-менее стандартные противовзрывные чары в радиусе пяти километров от порта сложились почти наверняка. Здания с собственным конструктивным запасом прочности было бы видно при воздушной разведке.

Получается, с воздуха на земле не замечено ни целых зданий в зоне высадки, ни следов противника где бы то ни было. Если противник пережил бомбардировку, то только под землёй. Проверить это до высадки невозможно, а значит...

— Ставим огневой вал по плану, каждый третий — сейсмической, — распорядился я.

Каза Исти, адмирал, командующий сборной солянкой, которая у нас сегодня вместо флота, продублировал приказ, и корабли пришли в движение. Раздался первый залп. Следом за ними к берегу устремились десантные борта. Пока они дойдут, вал как раз отодвинется от зоны высадки на безопасное удаление. Второй залп, за ним третий. Непрерывное огневое воздействие. Если кто и жив, то тошно не высунется из укреплений.

— Командующий, — окликнула меня Зета Нави, приставленная к нам наблюдателем.

Выполнять функции навигатора и тем более вносить вклад в наше общее дело она отказывалась наотрез, ссылаясь на устав Семьи. Впрочем, типичное для Нави поведение — дела «плоскоземельцев» трёхосных не волновали никогда.

Я кивнул, обозначая внимание.

— Мудрость вашего решения ускользает от меня, — безупречно почтительным голосом заявила Зета.

— Именно поэтому операцией командую я, а не, допустим, вы, — заметил я.

— И тем не менее не будет ли вам угодно разъяснить смысл траты боеприпасов на общую сумму в пятнадцать миллионов марок на заведомо лишённый гарнизона город?

— Лишённый гарнизона? — я поднял бровь и повернулся к собеседнице. — Ваши данные значительно отличаются от моих.

— Вы полагаете, что Собрание, усиленными темпами готовящее Айд к осаде, разделил свои немногочисленные силы?

— Я в этом совершенно уверен.

Зета задумалась на несколько мгновений, а затем продолжила:

— Вы также полагаете, что гарнизон Ксала не предпринял никаких мер к подготовке города к обороне?

— Отчего же? — я усмехнулся. — Судя по последним данным разведки, они смогли соорудить достаточно надёжные подземные убежища, в которых переждали бомбардировку.

— Подземные... убежища... — Зета приобрела рассеянный вид. — Логичное предположение. При условии принятия прочих допущений, конечно.

— К чему вы клоните?

— Ни к чему, командующий. Ни к чему существенному. Просто теперь ход вашей мысли мне вполне понятен. За исключением вопроса о том, почему вы так уверены, что гарнизон в городе вообще есть.

— Прошу прощения, наблюдатель? Я не ослышался?

— В зависимости от того, что вы слышали, командующий.

Зета слегка улыбнулась. Я неотрывно смотрел в её глаза.

— От меня совершенно ускользает причина ваших сомнений, наблюдатель, — медленно и членораздельно начал я, — в способности нашей разведки выполнять свою работу.

— О, что вы, командующий, в разведке я не сомневаюсь совершенно. Я сомневаюсь в корректности интерпретации её данных, которой придерживается ваш штаб.

— Прошу прощения? — это переходило уже все мыслимые границы!

— Иначе говоря, нет никаких сомнений в том, что Конбо Арит-хе двадцать пятого декабря прошлого года прибыл в Ксал с одним полком, — пустился в объяснения Нави.

— Прошу прощения, наблюдатель, но операцией всё ещё командую я, — прервал её я. — Я и только я решаю, какая интерпретация данных разведки корректна. Ваше особое мнение... можете изложить в служебной записке. Мы поняли друг друга, наблюдатель?

— Так тошно, гражданин командующий! — Зета резко приосанилась. Спасибо хоть не козырнула.

Мирняки... хоть и граждане, а мыслят совсем как мирняки. Пускают же всяких в штаб...

Высадка тем временем идёт по плану. Строго по плану.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Th-229»

Шестой дирижабль не сыпал бомбами. Он вообще ничего не делал. Просто нарезал галсы над городом. Разведчик, очевидно. Проверяет, остались ли на Церере земляне.

Я усмехнулся.

Крепко меня приложило, однако. Давно таких эпичных глюков не ловил. В этой жизни так вообще ни разу, кажется.

Разведчик замигал семафором. Очевидно, флоту вторжения.

От светлой идеи запрыгнуть на верхнюю палубу и вежливо постучать ребятам в дверь меня удержала последующая необходимость вежливо успокаивать нервных людей. Нервных вооружённых людей, это существенная деталь.

Если, конечно, там не мимики.

Мимокроки.

Тьфу, вот привязалось же.

На флоте тем временем решили, очевидно, что землян следует дистанционно прикопать: от порта пошёл огневой вал.

Вместе мы захоронимся и прекрасно сохранимся...

Звучит как план. Жаль только, что план этот — непечатность.

И с руками у меня в порядке всё. Удобные ножницы. С алмазным напылением, так-то.

Концентрация.

Здесь и сейчас, парни.

Я лечу над Ксалом. Надо мной летит дирижбан. В нашу сторону летят снаряды. Не долетают. Потому что наводчик — кривоглазка.

Стоп. В порядке всё с наводчиками. Ко мне идёт огневой вал.

Я приземлился. Зачем жечь эфир, если можно не жечь? Хотя эфир у меня теперь бесконечный, а вот калории на расчёт заклинаний — нет.

Хотя я ведь могу бесконечно есть йогурт. И калории будут... усваиваться за несколько часов, ага.

Хорошо, что я пью кетчуп.

Что?

Огневой вал. Время от времени земля ощутимо вздрагивает. В том смысле, что более ощутимо, чем обычно. Раз в полминуты где-то...

Эфир спокоен. То есть не заклинание. Сейсмические боеприпасы типа Cloudmaker или не к ночи помянутой Durandal? Но они же авиационные обычно...

Обычно-необычно. Типично-нетипично. Нормально-нереально.

Принципиально, артиллерийский снаряд под сейсмику возможен. Особенно, если в него эфирную компоненту вмонтировать.

Вопрос только в том, что с этой информацией делать мне. Контузия ещё с месяц будет весельем радовать, так что сложные заклинания отпадают. Да и не держит моя защита такого воздействия, как последний натурный эксперимент показал. То есть держит, но не до конца. Тушку держит, а вот... короче, я запутался.

В голове гудит. Или это не в голове? Вал уже достаточно близко. Наверное, всё-таки уже слышу полёт отдельных подарочков.

Безделье смерти подобно. Не говоря о том, что является стопроцентной ересью.

Что?

Действия. Противоосколочный щит, компенсатор давления... Отрыв от земли. Только б прямо по башке не прилетело. Хватит с неё на сегодня.

Есть проблема — есть решение. Начнём с разгона до двухсот...

Темечко отозвалось резкой, буравящей болью. Как бормашиной по черепу, бр-р-р... делает бормашина. Или вж-ж-ж?

В общем, не начнём мы с разгона.

Картина: «Довоевался». Холст, масло. Возможно, моторное. При нехватке можно заменить сливочным. На картине изображён слегка побритый и отчётливо синюшный объект, расположившийся в позе полной мышечной релаксации на оградке газона. Газон засеян.

В общем, рывок... а, зараза, что ж мутит-то так?

Рывок...

Ещё рывок... можно выдохнуть — вал остался за спиной.

Я приземлился, опёрся на Морену и получил самопроизвольное йогуртоизвержение. Спасибо Не-огурцу, что не сверху. Но теперь посреди пыли, в которую перемолола город перцемолка по патенту Семьи Го, стоит копчёный лысый посреди большой лужи вязкой белой жижи.

Впрочем, с белой я погорячился. Йогурт набрался пыли и превратился в сплошную слякоть. Я поморщился и одним заклинанием всю грязь превратил в белый лёд.

Говорила, говорила мне Кирзаш, что завязывать надо со всей этой военщиной... правильно говорила. Устал я. Да и просто старым стал. Ошибку на ошибке леплю, хуже курсанта, честное слово. Пора на покой.

Правда, я понятия не имею, чем люди на пенсии занимаются. Не интересовался раньше. Да и человеком себя не считал. Но годы, общий износ тушки... глупо против объективных фактов переть: не могу я больше устроить резню на пару тысяч рыл, потом глотнуть чернящего кофею и свалить в закат, оставив подкрепления противника гадать, что за чёрт это был.

Я осмотрелся. Под ногами площадка метров в пять неровного грязного льда. Вокруг слой щебня. За ним глыбы побольше. Наконец, метрах в двенадцати стена. Одна. Некогда каменная. Теперь вся в саже. Наверное, я стою посреди уничтоженного дома. На фоне взрывов, да.

Дальше картина аналогичная. То тут, то там следы исчезнувшей цивилизации, возвышающиеся над каменисто-металлической пустыней. Выжившие благоразумно не показываются на глаза. С моря... с моря к порту приближаются несколько десятков кораблей. Вероятно, десант. Пара дивизий, навскидку. На город, который могли взять три велосипедиста с одной собакой.

Кстати, целых семнадцать логических блоков без срыва мысли. Делаю успехи. Ещё сорок и... зачем мне, кстати, были нужны сороки? Неважно.

Важно подкорректировать гармонику щитов. Больше в кинетику, меньше в барику. Ещё план было бы неплохо занять. Чтобы меня не имели в виду. Так Хо говорит. Хо сообразительный. Хо — коллега.

Так о чём я? План, точно. Буду стоять тут. Клорские сюда наступают. На меня б не наступили только, но это вопрос решаемый. Просто стоять. Таков план. А дальше посмотрим. Поговорим. Кажется, мне нужно было то ли собрать кого-то, то ли, наоборот, разобрать. Вот как раз и вспомню, пока на меня наступить пытаются. Ничего, не наступят. Только мизинец сломают.

Первые бойцы Конклава высадились в порту. Хотя бойцы — громковато сказано. Крожэновское мясо. Я таких штабелями клал. Буквально.

Мы с Кахваджи как раз почти выяснили у главреда «Искры», где искать нового аксиотского проповедника, когда десяток в типографию завалился. Вроде как люди, но тупые. Совсем как люди, в общем, так с ходу и не отличишь. Только на каждом клеймо: «Собственность Семьи Кро. Порча или кража преследуется по закону». Ну и пришлось при непосредственной помощи главреда их спеленать понадёжнее, в эфирном плане понадёжнее, конечно, да так у стеночки и сложить. Проблемы с законом, решили мы с представителем закона, нам ни к чему.

А эти посообразительнее. Новая прошивка? Даже винтовки правильными концами держат. Винтовки.

Интересно, есть ли причина, помимо упрощения логистики, по которой военные ОКД предпочитают пневматику?

Ополченцы, кстати, ребята старорежимные. Некоторые до такой степени, что унитарного патрона не признают.

А вот и они. Откапываются из-под завалов. Кто-то целый, кто-то не очень. Некоторые даже вооружены. Пара десятков осознала диспозицию и залегает для ведения огня по атакующим.

Бессмысленно.

Бесполезно.

Друзьям плевать на ранения.

Магия изводится магией.

Или взрывчаткой. В достаточном количестве.

Одиночных стрелков сомнут. Если, конечно, раньше маги огневой поддержки не выжгут их позиции.

Друзья растянулись в три цепи и идут друг за другом.

Я стою.

Ко мне, как к единственному уверенно выглядящему, потихоньку стягиваются ополченцы. Израненные, изодранные, у половины из оружия только голые руки.

Я стою.

Тихо свистнула пуля. Один ополченец беззвучно осел на землю.

Я наблюдаю и молчу. Разве что восприятия до полутора сотен герц разогнал. Голова от такого побаливает, но терпимо.

Второй кричит. По толпе проходит волна лихорадочной активности.

Кто-то пытается залечь.

Первый огненный шар прилетает в меня и растекается радужной кляксой по щиту.

До ополченцев доходит, что отлежаться не выйдет. Не до всех, далеко не до всех, но один уже вопит «ура!» и уверенно хромает на друзей.

Он умирает быстро. Кто бы ни рулил нежитью, стреляют они весьма и весьма.

Сохраняют тела поцелее, чтобы потом поднять, доходит до меня.

За первым уже потянулись остальные. Человек, может, пятнадцать.

Вопят.

Поначалу неуверенно, но потихоньку входя в раж.

За ними втягиваются другие. Поднимаются залёгшие, откапываются новые, бегут, бредут, хромают, орут. В моём поле зрения человек сто. Против целого полка неупокоев. Извините ребят, но вы уже помертвее врага будете.

А вот маги, определив во мне коллегу, упорно фокусируют меня. Пока что сплошь уныние: поток огня в разных форм-факторах, немного ускоренных камней. Только успевай эфир в щит подкачивать и температуру вокруг сбивать. Даже гармонику атаки не пытаются варьировать. Дилетанты. Хорошо, что из-за близости к первой линии друзей по мне больше не может работать артиллерия. Без риска нарваться на бурное неудовольствие Семьи Кро, в смысле.

Ополченцы как раз добрались до рукопашки. Хотя боем это при всём желании назвать нельзя. Преимущественно их душат. Как цыплят. Правильно, нечего материал для подъёма больше необходимого портить. Дырки штопать самим придётся, сломанные кости пластинами фиксировать с потерей подвижности. Зачем, если можно просто не ломать?

Через десять минут всё окончено. Один взвод друзей начинает сбор тел. Остальные продолжают идти вперёд.

На меня перестают тратить эфир. Зато начинают поливать пулями.

В районе килоджоуля на каждую на моём щите. Всего тысяча попаданий дадут один кило тротилового эквивалента, равномерно размазанный по всей площади. По-моему, такое даже против местных недоучек не пройдёт.

Или меня просто подавляют, чтобы не вылезал из-под щита? Так я и так не вылезаяю.

Они это своей заслугой считают? Наивные.

Капкан.

Пять друзей заходят на меня по кругу.

Тыкают штык-ножами.

Безупречно синхронно.

Глупость. Так ещё и медленная.

По быстро переформатированному щиту пляшут голубые всполохи попаданий. Стрелять, кстати, перестали.

Друзи раз за разом тупо тыкают меня.

Я стою.

Один достаёт гранату.

Через полсекунды его грудь разрывает аннигилятором.

Обожаю вкус жёстких гамма-лучей поутру. В обед тоже не отказываюсь.

Остальные отступают. Но идею они поняли.

В меня летят гранаты.

Я стою.

Гранаты летят обратно.

Мусорить некультурно. Так отец всегда говорил перед тем, как выкинуть бычок на газон.

Основная цепь уже давно прошла мимо. Ко мне приближается солдатик. Живой. По форме — капитан Семьи Ле, дом сходу не узнал. По эфирному плану — маг средней руки.

— Гражданин... э-э-э-э... — начинает он.

— Сехем, — подсказываю я.

— Да, гражданин Сехем, вы стоите...

— Я стою.

— Да, стоите, гражданин Сехем, в зоне проведения операции по замирению.

— Я стою мирно.

— Да, но... почему?

Этот маг сломался. Несите следующего.

— Устал бегать, — терпеливо поясняю я.

— Послушайте, гражданин Сехем, — голос Ле скрипит от умственного перенапряжения. Или это извилины без смазки проржавели? — Вы стоите в зоне боевых действий и, таким образом, мешаете их проведению.

— Я в них участвую.

— Как?

— Я стою.

Пауза в десять секунд. Ле растерянно промаргивается. Как бобочка крыльшками.

— Вы с какой стороны участвуете? — всё-таки сообразил спросить. Чудо свершилось.

— Со стороны моря, не доходя полукилометра до вокзала.

— Да я... гражданин Сехем, вы издеваетесь?

— Нет. Я стою.

— Вы не могли бы стоять в другом месте? Скажем, за городом?

— Нет. Не хочу бегать.

— Мы вас доведём...

— Отставить, капитан, — раздаётся командирский голос. — Тит Кузьмич,

командующий хотел бы обсудить с вами ряд вопросов.

— Спасибо за оказанную честь, я тут постою.

— Почему? — форма майора Кро, вид безупречно уставной. Занятный персонаж.

— Устал бегать.

— Мы можем идти, — замечает Кро.

— Аргумент. Выдвигаемся.

Моё стояние на Ксале подошло к концу.

Глава 28. Пламенное прощение

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Th-229»

Инбародод Арит стоял в порту в окружении офицеров штаба и одной Нави. Точнее, в том, что осталось от порта, но я уже наелся этим уточнением. Да и потом, от порта, строго говоря, не осталось ничего, кроме испещрённой оспинами воронок глади. Где тут была мостовая, где дом — как теперь понять? Что-то такое было на Бирже после «полицейской» операции.

— Гражданин Сехем, — лицо Арита больше всего напоминало сейчас маску Великого Хана, — должен заметить, что я совершенно не ожидал встретить вас в подобных обстоятельствах.

— Взаимно, гражданин Арит.

— Могу я узнать, что вы здесь делаете?

— Стою. Говорю с вами.

Инбародод изобразил свою фирменную нахмуренность и попытался сыграть со мной в гляделки. В таком состоянии он напоминал рыбу фугу, которая для пущей грозности не только надулась, но и нацепила фирменную фуражку.

— Гражданин Сехем, — и точка. Без комментариев.

— Гражданин Арит.

— Вы издеваться, кажется, изволите?

— Нет, я просто констатирую факты.

Попытка сыграть в гляделки. Я просто смотрел прямо. Инбародод не выдержал первым:

— Зачем вы прибыли в Ксал?

— Чтобы закончить войну.

— Замирение, комиссар.

— Название не меняет сути, командующий.

— Меняет, комиссар, ещё как меняет. И вам лучше как можно поскорее усвоить это.

— Предрассудок.

Наверное, мне стоило пожать плечами, но я не обнаружил в этом смысла.

— Политика, — отрезал Арит. — И дипломатия. Сама суть Клорского договора. Комиссар.

Я промолчал.

— Вы не ответили на мой вопрос, — Инбародод прищурился. Закипает. С чего бы?

— Который? — по моей памяти, вопрос был один, и я на него дал исчерпывающий ответ.

— Почему вы стояли на пути у моих войск, отвлекая на себя магов, комиссар?

— Устал бегать.

Честность — лучший вариант при допросе. Умерший под пыткой герой — всего лишь свидетельство профнепригодности палача.

— Я не ослышался? — бровки домиком. Универсальная для всех культур и времён реакция удивления.

— Я устал бегать, командующий. Поэтому стоял. Остальные вопросы адресуйте вашим магам.

— Вы могли стоять в любом другом месте...

— Не мог, — наверное, перебивать всё-таки не стоило.

— Почему?! — уже и в голос Арита просочилась ярость.

— Туда пришлось бы бежать. Во-первых, я устал бегать. Во-вторых, это спровоцировало бы ваших солдат. Они сочли бы меня бунтовщиком. Так что я, как и положено хорошему заложнику, позаботился о собственной безопасности и ждал освобождения, оставаясь на месте и не провоцируя ни ваших, ни собранцев.

Инбародод несколько секунд шумно дышал и сверлил меня взглядом.

— Кубу, — наконец сказал он. — Этого — с глаз моих. Карту города и снимки с последней съёмки сюда.

Майор Кро уже было дёрнулся исполнять, но я сказал:

— Не так быстро, командующий.

Кубу застыл на месте, ожидая, очевидно, развязки. Инбародод открыл рот, поднял правую руку, сжал её в кулак, разжал, опустил и закрыл рот.

— Дорогой мой человек, — начал я. Интонирование как-то не задалось, поэтому голос пришлось сделать ровным. — ты не осквернил ли в непечатность часом?

Почему-то цитата из Эвы показалась мне чрезвычайно уместной. И, судя по остекленевшему взгляду Арита, я попал в яблочко, хотя не целился вообще никуда.

— Скажи-ка, гражданин Инбародод, что ты видишь? — я слегка кивнул на город за моей спиной.

— Ксал... — командующий настолько опешил, что даже не попытался восстановить субординацию. Непростительная ошибка.

— Ксал был там сегодня утром. Что ты видишь сейчас?

— Комиссар... — замедленная речь, застывшее выражение полярной крачки на лице. Полный комплект признаков когнитивного диссонанса. — Какого?!

— Вот именно, командующий. Именно этот вопрос меня и интересует: какого?

— Вон! Вы срываете военную операцию! Это предательство, комиссар! Я немедленно доложу Конклаву, и вы — вы слышите меня?! — будете отвечать!

— То, что ты наворотил, командующий, хуже предательства. Это ошибка. Ошибка, за которую Клор будет расплачиваться ещё лет тридцать. По меньшей мере тридцать, командующий, а то и все восемьдесят. Тебе-то что, ты через десяток-другой лет Хану душу отдашь, а вот мне это разгрести.

— Что вы тут устроили?! Штаб — не место для дискуссий!

— Это не дискуссия, Инбародод Арит. Что ты видишь там?

Я указал в сторону стен, некогда содержавших в себе вокзал.

— Прочь! Немедленно! — заклинило его, что ли? Но окружающие залипли так, что любо-дорого смотреть.

— Сегодня утром, командующий, там была железная дорога. По которой я должен был сегодня выдвинуться в Айд, где я ликвидировал бы каждого, кто стоит между Клором и миром. Это моя работа — ликвидация. И прямо сейчас у меня есть приказ ликвидировать всех, кто мешает восстановить законный порядок на территории Организации Клорского Договора.

Арит молча набычился на меня исподлобья. Очаровательно. Сколько кипучей молодой энергии плескалось в этом взгляде.

— После того, что ты тут целый месяц воротил, Инбародод, Ксал стал зоной напряжённости на десятилетия вперёд. Местные будут бунтовать по самому малейшему

поводу. Можно их полностью вырезать. Тогда вся Ксальская область отвалится от ОКД. Можно вырезать и переселить новыми поселенцами. Но как им объяснить, что стало с предыдущими? Они ведь так и так узнают правду. И тоже будут бунтовать по поводу и без.

Майор Кубу смотрел на меня с интересом. Он явно догадывался, к чему всё идёт. Остальные офицеры демонстрировали человеческие аналоги синего экрана смерти в большей или меньшей мере. Нави с невероятно одухотворённым видом разглядывала море. Сам Арит тянулся к кобуре. Два разнонаправленных кинетических импульса сломали ему руку.

— Пош-ш-ш-шлый кабацкий гнус-с-с-с, — прошипел Инбародод.

— Слушайте все, — спокойно продолжил я. — Командующий Сводного Корпуса Инбародод Арит преднамеренно и в полной мере осознавая последствия своих действий, в чём он признался в ходе допроса, подстрекал жителей города Ксал, входящего в Организацию Клорского Договора, к бунту против законной власти, создавая своими действиями преувеличенно негативное представление о Клорском Договоре и Свободных Семьях. В соответствии с полномочиями, предоставленными мне Конклавом Организации Клорского Договора, я приговариваю Инбародода Арита к смерти и привожу приговор в исполнение.

Один взмах глефой разрубил отстранённого командующего от макушки до паха. Полтора килокельвина прижгли разрез. Оставалось подождать минут десять до полной кремации. Хорошо хоть эфир больше считать не нужно.

— Какие будут распоряжения, гражданин комиссар? — поинтересовался майор Кро.

— Кубу, верно? — уточнил я.

— Так точно.

— Дом?

— Кройи, гражданин комиссар.

— Был адъютантом покойного?

— Так точно.

— Первое: сообщите в Клор, что я, Сехем Тит Кузьмич, казнил его по обвинению в... шпионаже в пользу Кичипико.

— Будет исполнено.

Ни единого мускула на лице майора не дрогнуло. Кремень-человек. А вот кое-кто из остальных поперхнулся.

— Второе: мои вещи потерялись во время бомбардировки. Да и одежде тоже досталось. Нужен стандартный вещмешок с рационами на три дня.

— Будет сделано.

— Что известно по расположению противника?

— Сегодня утром вторая дивизия противника в полном составе находилась под Айдом. Два полка первой двигались туда же из Ксала по Транстельрийской железной дороге. Покойный предполагал, что третий полк обороняет Ксал, но это, очевидно, оказалось не так. Расположение третьего полка первой дивизии нам не известно. На участке дороги Ксал — Айд не менее пяти бронепоездов, один на расстоянии двухчасового перегона от Ксала.

Отрапортовал бойко, без запинок, как будто заранее подготовился к ответу. Золото, а не офицер. И почему до сих пор генерала не получил? С возрастом всё явно в порядке. Странно.

— Благодарю, гражданин майор. Не подскажите, как мне теперь добраться до Айда побыстрее?

— Объездная ветка железной дороги специально не подвергалась бомбардировкам. Полагаю, в пригородном депо должны быть ручные дрезины. Локомотивы рембригад наверняка тоже там, но...

— Да, я понимаю, спасибо. Можете исполнять.

— Ожидайте, — кивнул Кубу и, козырнув, удалился.

Хмда. Интересно получилось. Я прыгнул в море и, покачиваясь на волнах железным медузоидом, набрал Гая по служебному каналу.

— Ты опять выходишь на связь, непотребник? — Ферон. Однозначно он.

— Слушай, командир, мы можем командующим Корпуса одного толкового майора сделать?

— А предыдущий куда отнепечатался?

— Непреднамеренное самоубийство, — абсолютно честно ответил я.

Перспектива: Элетройма Серех, человек помнящий

Утро. Мысли. Мюсли. И кружка глинтвейна. Безалкогольного. Первертливое извращение, но что поделать. Сегодня у нас официальное мероприятие. Ставим кенотаф аритскому регенту, Хан прими его дурную душу. Легендарно эпической филистёр был. В узком кругу мы уже отметили данное событие, но соображения прилишного этикета... да, этикета. Опять терпеть самодурствующую Эву, созерцать спирт пьянствующего Гая... Ферон очень, очень сильно сдал за годы в Клоре. Но это мой долг как главы Семьи, в конце концов. Публишное репрезентативное представление всех Се.

Глинтвейн кончился. Я накинула шинель и вышла. Ветер, позёмка. Мерзкая погода, так ещё и торчать нам всю церемонию на свежем открытом воздухе. Погоду и заклясть можно было бы, есть и артефакты, и маги вполне компетентные в этой специализации. Но наследуемая традиция. Похороны — напоминание о том, что даже накапливая за века умопомрачительно невероятное могущество, мы остаёмся смертными.

Хотя со всеми сборами, приготовлениями, традициями, заклёпочками мне эта беготня гораздо больше напоминала об Организации, что стоит выше всех Семей, выше любого комбатанта и мирного жителя. Налоговой. Когда по осени хоронили деда Элетройму... даже вспоминать не хочется. Бумажки, отчёты, планы рассадки. Я, мамонт вас затопчи, хотела с дедом попрощаться напоследок. А не вот это всё.

Аритской фамильный некрополь. Построен в стиле милитаристского китча. Чудовищное количество тусклой стали. Какой там сейчас рыношный курс? Пять сотен за грамм? Вроде бы даже с хвостиком сверху. Но священный металл, конечно, как иначе. Мечи из тусклой стали, щиты из тусклой стали, огнестрел из неё же. И, конечно же, амаранты. Везде: в рельефах, руках скульптур, выгравированные на камнях, отлитые... в тусклой стали, конечно же. Ни воображения, ни чувства меры. Типичные шаблоны Арит, впрочем.

У кенотафа «Юлах», Иша при ассистентке, Таи, Йкр, культисты Ис, пытающиеся заставить работать голографической терминал, и аромат горчишного газа и роз. Самого Гая, впрочем, не видно. Атер как всегда тошно под назначенное время появится, Хо... странно, обычно он большой запас надёжной прошности закладывает.

Вскоре пришли люди Храма. Трое при бунчуке Хана. Маски, жаровни для благовоний. Будет жарко. Уже скоро.

К назначенному времени объявились-таки все. Эва пришла в сопровождении временного регента — к моему раздражению, про этого старика я вспомнила только то, что он сын Арит-хе. Выбрали безопасную фигуру? Успехов и удачи, коллеги. С безопасных

фигур самое забавное веселье в нашей истории всегда и начиналось.

— Не на весёлую долю приходим мы в мир, что мглою окутан... — затянул старший из храмовых.

Мыслей особо не было. Очередные похороны. Большая потеря для Арит: Инбародод, несмотря на чистокровное происхождение, имел довольно обширный и разнообразный боевой опыт. Как и Конбо, кстати. Схлестнулись два одиночества. Хотя Арит с их плодовитостью этой потери даже не заметят, скорее всего. Эва новых нарожает. Лет через десять как нашнёт, так не заткнуть будет.

— ...отвагу свою не предадим укрощенью, — рефрен пошёл.

— ...не предадим... — эхом откликнулись мы.

Гай сунул было руку за пазуху, но флягу так и не достал. Я усмехнулась про себя. Какие-то сосредоточенные все. Хотя я всерьёз на деле попыталась читать по лицам людей, контролирующих каждую мышцу своих тел? Ладно, Йкр таким не заморачивается, но по его лицу всё равно понятно только то, что оно сшито из пары десятков человек. Не только лиц, скорее всего.

Помнить о смерти. Вот вроде бы и полезно, но, разменяв пятую сотню, начинаешь в отличающемся инаковостью ключе смотреть на вещи. Умирают другие. Они приходят из ниоткуда и проваливаются в Бездну. Обышно быстро. Изредка к ним начинаешь привыкать. Не привязываться — это бессмысленно. Но привыкать. К постоянному присутствию. К определённомu расположению вещей в лаборатории. Один день — и от ассистента остаётся только ворох заметок. Чаще невнятно-бредовых, чем вразумительных.

— ...не предадим укрощенью... — второй есть. Остался последний.

Главное — не пытаться воспроизвести повторение последних экспериментов ушедшего. Опыт Красса и двенадцатой Семьи довольно показателен в этом отношении. Хотя Вальдар тогда тоже знатно отметился. Красавец спящий, чтоб его. Приходит в наш мир раз в пару десятков лет, наводит суету на следующие пятьдесят — и снова спать.

Вообще, все эти ассоциированные с Бездной исчезновения магов и учёных — жуткая зубодробительная головная боль. Если б только я могла исследовать феномен Голоса Элетроймы... Как так получается, что воспоминания всех прошлых Элетройм воспринимаются мной как мои собственные? Кто я — маленькая Эль, получившая доступ к памяти Семьи, или Элетройма Серех, ветеран взятия Рума, читающий книги жизни своих потомков? Хотела бы я знать ответ. Хотела бы. Но не могу ни сама до него дойти — от вопроса так и веет Бездной, — ни делегировать задачу — такие дыры в собственной безопасности нельзя открывать никому. Остаётся только забыть, что вопрос вообще стоял. Потому что нельзя помнить и не искать. Стоять на дороге и не идти, даже если знаешь, что это путь в ад.

— ...не предадим укрощенью, — основная молитва кончилась.

— К Великому Хану, хозяину стад, владыке людей, обуздателю Бездны, идущий, внемли ж слову, что речём мы, — храмовники с их корпусом застывших во времени песен очень похожи на нас, Се. Забавно. — И в Вечную Степь, где раздольно житьё человека, наш глас принеси за собою.

Конец.

Храмовые собирают религиозный культовый инвентарь и уходят. Позёмка уже переросла в добротную метель, и их фигуры скрываются за снегом гораздо раньше ограды некрополя. Дальше по плану прощальный пир памяти. Традиция. Ещё с военных времён.

Правда, тогда мы за десяток товарищей разом отпаивались. Странно вообще называть традицией то, что сама закладывала сотню-другую лет назад.

Почти все уже разошлись. Осталась только я, Эва с регентом и Гай. Ферон явно чего-то ждёт, отмеряя время глотками.

— Ты ведь знал... — построение фразы, тембр голоса... однозначно Эва, а не малая. И она говорит спокойно, без ругани. Плохо. Очень плохо. — Знал... и не попытался предотвратить.

— Повторишь это после ежегодного Конклава — с меня уральская игрушка по твоему выбору, — Гай. Просто Гай. Вешно не могу понять, когда он шутит, когда серьёзен, а когда шутит всерьёз. Из-за этого переговоры с ним почти невозможны.

— Ты можешь игнорировать закон. Ты можешь убивать столько моих псов, сколько захочешь. Но если только на секунду забудешь, кому ты служишь — хотя бы на секунду, слышишь? — я пристрелю тебя на месте. И никакая магия, никакие фокусы, ничьё вмешательство тебя не спасут. Ты меня понял, Ферон?

Такой же ровный, безэмоциональный голос. Вообще никакой экспрессии. Эва была очень, запредельно сильно зла. На протяжении всей тирады Гай спокойно разглядывал кенотаф Инбародода. Сложно сказать, слушал ли он вообще, но когда Эва уже хотела продолжить, он выдал своё извешное:

— Klor über alles.

Никто наверняка не знал, что это значит. Никто наверняка не знал, на каком языке говорит Ферон. Никто наверняка не знал, почему любая дискуссия после этих слов становилась неуместной. Никто, кроме, быть может, других Феронов и их рушного монстра.

Эва почти взорвалась, но тут у неё кончилась батарейка. В похороненном под снегом некрополе осталась стоять растерянная шестилетняя девочка. Кажется, она до сих пор не вполне понимала, с кем делит тело. Регент старательно делал вид, что его тут нет, Гай вопросительно смотрел на меня.

Гай.

Дядя Гай.

Дядя Гай, который знал ответ на любой вопрос. Вместе с дедушкой Элетроймой, который помогал мне учить памятные песни.

Дядя Гай, который научил меня стрелять на два километра. Как же бесились Хо, когда я настреляла кулаку на их гербе дулю.

Дядя Гай, которого больше нет. Дедушка умер, а Гай Ферон начал прижизненно заспиртовываться. Для лучшей сохранности, наверное.

Эва стояла в похороненном под снегом некрополе с открытым ртом и растерянно хлопала глазами. Я подошла к ней, опустила на одно колено, обняла и прижала к себе.

— Закрой рот. Простудишься, — сказала я.

Эва послушалась. Может, хотя бы она не вырастет в типичную аритскую непечатную свиноматку?

Глава 29. Взрывающая душевный боезапас

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Th-229»

Вверх-вниз, вверх-вниз, понеслись. Хорошо по объездной гнать: ни души ни в какую сторону. Только я и ветер. И мелкая мерзкая морось. Точнее, снежная крупа, но ощущения на лице как от холодной мороси. Впрочем, чего ещё ждать от середины января на южном берегу Тайта?

В принципе, можно было бы поставить на ручку дрезины и чары, но тогда мне было бы совсем нечем заняться. Едва ли я пропущу встречный бронепоезд даже за раскачкой. Также можно было бы... впрочем, почему «можно», если «нужно»? Небольшое заклинанье прикрыло лицо от снега. Жизнь резко стала веселей.

Окраины города, кстати, почти не пострадали. Всё-таки пяти дирижаблей, разошедшихся веером от вокзала, не хватило, чтобы завалить бомбами абсолютно весь город. Хотя, может, и хватило бы, но, очевидно, покойный командующий решил сэкономить. Это могло бы быть логичным, если бы нормальной оптимизацией не была качественная разведка, способная показать, что город, чёрт бы вас, пуст. Совершенно.

Впрочем, кто дурака помянет... а вторую часть я всё равно не знал, так ещё и забыл.

Полчаса спустя я всё-таки прекратил маяться раскачкой двигателя, сплёл эфирное колебало и со спокойной душой уселся рассматривать окрестности. Йогурт с тунцом оказался очень даже в тему. Мороженое, правда, сделать не получилось: набегаящий поток воздуха сдувал всю кисломолочную массу с палочки, а прибегать к помощи магии я не хотел. Неспортивно это.

Итак, вопрос на засыпку: куда делся бронепоезд? Десант был тринадцатого в середине дня, Кройи говорил, что время перегона часа два, но гости не появились ни к вечеру, ни к утру. Хотели бы переметнуться от Собраника к нам — приехали бы сдаваться. Не хотели — должны были доставить подарочков с безопасного удаления. Но снимки с утренней разведки показывали, что поезд вообще не сдвинулся с места за сутки.

Странно всё это. Странно и подозрительно. Это точно не приманка — тратить на отвлекающий манёвр дорогущую и критически важную для береговой обороны машинку — путь идиота. Или предателя. Внезапное дезертирство всего экипажа? Бред какой-то. Нежелание тратить ресурсы? А когда их тогда, простите, тратить? Ситуация ж почти идеальная, совсем как в учебнике.

Резюме: вариантов объяснения много. Нет, не много. Им нет числа. Единственный способ проверить — добраться и посмотреть самому.

Часа через четыре от выезда, когда три из пяти солнц добрались до зенита, я увидел его. Дежавю. И бронепоезд тоже, не без него. Правда, на звездонос он не походил совершенно, да и расположение локомотива я бы сходу определить не взялся — к вопросу маскировки инженеры подошли основательно. Но это не отменяло странного, противоестественного чувства узнавания. Вероятно, всё дело было в том, что поезд стоял. Судя по снегу вокруг, достаточно давно.

Я оставил вещмешок и глефу на дрезине под чарами минирования, закатал рукава и прыгнул на крышу. Ноль реакции. Одно слово: разгильдяи. Небольшое сканирование, эфирный удар вслепую... люк открылся. Прекрасно.

Я спрыгнул вниз и сразу встал в боевую стойку. Клинки раскладывать не стал. Не зря.

Обитатели этого отсека просто смотрели на меня, часто моргая на яркий свет из открытого люка.

— Командир где? — голос я сделал жёстким, но без напускания страха. Внутри итак воняло казармой и самогоном.

— А-а... бр... бр...

Диалог, очевидно, не задался. Я принял несколько менее грозный вид и повторил:

— Мне. Нужно. К. Командиру. Где. Я...

— Драуги! — завопил наконец один идиот.

Короткий удар с длинного подшага отправил паникёра на отдых. Вентиль гермодвери тем временем раскрутился с какой-то невозможной скоростью, и к нам пушечным ядром влетел коренастый мужичок с шомполом наперевес.

— А-а-а-а-ы-а-ы-ы-ы...

Боевой клич сорвался в тихое бульканье от одного тычка в живот. Хмда. Что-то тут...

Рефлексы бросили меня к стене, за раскрывшуюся внутрь створку гермодвери. Активный шумодав сам собой встал на уши, но эхо выстрелов в замкнутом помещении всё равно отозвалось уколом боли в недавно контуженной голове. В замкнутом обшитом металлом помещении, да. Та ещё партия пьяного ударника индастриал-группы получилась.

Как только остальные показали полный комплект симптомов совершенной дезориентации, я рванул из-за двери и перехватил руки идиота, открывшего пальбу. Впрочем, он почти не сопротивлялся, так что я разжился опасным скорее для стрелка, чем окружающих самопальным трёхзарядным пугачом миллиметров на пятнадцать. Зарядка с дула, расчёт под чёрный порох... Хмда. Невероятная пошлость. Издевательство над самой идеей огнестрельного оружия.

На стрелке же обнаружилась форма майора ксальских сил самообороны. По логике вещей...

— Ты этим борделем на колёсиках командуешь? — спросил я, приведя мужика в чувство несколькими заклинаниями.

— А говорили драуг... — блуждающий взгляд, заторможенная речь. Моих навыков первой неврологической помощи явно не хватило. — Вот скажи: драуги разве по борделям шарашатся?

— Только если нужно забрать пару мёртвых срамниц.

— Так... — майор напрягся. — А ты это откуда знаешь?

Я отпустил его, чтобы бросить через плечо придурка, который попытался со спины огреть меня всё тем же шомполом, который уже доказал свою бесполезность против меня.

— Так, к делу, граждане. Ты, — я ткнул в майора, — мириться будешь?

— А?

— Бэ, хватит придуриваться. Я от Клорского Договора. Ты готов вспомнить присягу и...

— Бей гада! — ладно рядовой состав, но майор-то на кой до таких соплей наклюкался?

Впрочем, от опьянения и последующего похмелья я спас несчастного радикально: через декапитацию.

— Ты, — я ткнул в сущность в форме старлея. — Мириться будешь?

— Свобода или смерть!

— Ответ неправильный, — вздохнул я.

Ещё одна голова покатила по полу.

Спустя шесть итераций я остался в одиночестве и фрустрации. То есть Клорский

Договор, за которым меня поставили разгрести нелитературщину, полгода не мог обезоружить ораву культистов Бахуса? Очаровательно.

Некоторые декапитации пошли не по плану, и клинки порядком запачкались. Я поморщился. Пустил по клинкам очиститель. Посмотрел вокруг. Подобрал шомпол. Двинулся в следующий отсек.

Металл, металл, теснота, перегар и казарменная вонь. Железнодорожники квасили давно и от души. Подавляющее большинство вообще никак на меня не реагировало. Человек пять, не больше, проводило взглядом. Действительно, зачем беспокоиться о том, кто уже внутри?

В конечном счёте я добрался до кочегарки. Однако то, что я увидел внутри, заставило меня выйти и зайти ещё раз. Это было нечто странное. Нелогичное. Невозможное. Немыслимое. Просто невероятное, в конце концов. Посреди поезда, полного вусмерть пьяных солдат, сидели четыре кристально трезвых механика и резались в карты. Кочегары тихо дрыхли в углу, с ними как раз всё в порядке было.

Ещё раз. Трезвые механики. Четыре за раз. На бронепоезде, в котором до белочки допились, кажется, даже тараканы. Картина была настолько нереальной, что я жахнул душеломом. А потом развеиванием менталки отполировал.

Механики остались на месте.

— И незачем так пыхать, — проворчал дальний от меня. Дедок с редкой бородой и в защитных очках, сдвинутых на лоб.

— Я... — меня заклинило. — Мужики, смазла не найдётся?

Дед отрицательно покачал головой.

— Ходи давай, — буркнул молодой в прожжённой робе. — У меня ватрушечка.

— Уже. Козырная ватрушечка! — дед сгрёб к себе кучу хлама, валявшуюся на ящике, на котором велась игра.

— Ну, чё встал? — жжёный огрызнулся на меня, нервными, рваными движениями тасуя колоду.

— Да я это... — бред же, ну. Впрочем, я и не с таким работал, поэтому продолжил. — Мириться будете, мужики?

— Ась? — переспросил рябой, натянувший очки на манер лифчика.

— Мириться, говорю...

— А с кем ж нам мириться-то? — усмехнулся дед.

— Да с Клором вроде как... — кажется, мне перекосило лицо.

— А что, этих мозгосрамцев разобранных раскабачили в скабрёзность? — рожа жжёного расплылась в хищном оскале.

— Да нет, но я вот как раз...

— А в чём разница? — медленно, как будто забивая сваи, пробухтел четвёртый, в котором одних только мышц было центнера на два. — По мне, так что те, что эти те ещё. Клорские хотя бы топливо не воруют.

— Ну, значит, мы-то миримся, но что ж с Крысой-то? — поинтересовался дед.

— Какой ещё крысой? — только я подумал, что понимаю, что происходит — и вот те нате.

— Майор наш, — прошипел жжёный. — Противозачаточный срамник, подзаборно его непотребничать.

— А, — выдохнул я, — он мириться не захотел.

— Тогда, конечно, проблем как бы и нет, — весело заключил дед. — А теперь иди, иди, нам до сета всего-то девяносто одна раздача осталась.

— Это, конечно, очень мило, но раз уж мы теперь с одной стороны, для вас задание есть, — теперь хищно улыбался я.

— А ты кто такой ненормативно скабрёзный, а? — огрызнулся жжёный.

Я молча ткнул им комиссарской коркой.

— Клорский, значит, — протянул крупный.

— Именно, — кивнул я. — Должен попасть в Айд. Срочное поручение Конклава.

— А вот в срам себе попади, нецензурщик! — радостно прокричал жжёный. — Топлива-то нема! Срамоглавы из Собрания в Империю всё продали!

— Так, сидим тут, я сейчас вернусь, — я понял, что такими темпами опять останусь без вещмешка и, что гораздо хуже, глефы.

Открыть люк, прыгнуть на дрезину, снять минирование, подхватить вещи, прыгнуть назад, закрыть люк.

— О, смотрите-ка! — дед энергично тыкал в меня пальцем. — Собрался в Минах на свадьбу, а! Царь в поезде, царский царь!

— Цыц, — я одним рывком сократил дистанцию и при помощи небольшой ловкости рук и одного любителя йогурта «достал» у деда из уха огурец. — Это разгадка.

— А загадка? — жжёный настолько опешил, что даже не ввернул ни одного ругательства.

— Без окон без дверей полон срам твой огурцов, — с торжественным видом объявил я. — А теперь фокус.

Так, контур на стабилизацию расхода, инициатор... разряд... огурец в моей руке загорелся. Я дал публике насладиться зрелищем, после чего лёгким взмахом загасил его.

— По тепловой мощности — как тощий уголь той же массы, но в каждом запас тепла как в десяти кило. Можно подкрутить в обе стороны. Пойдёт в топку? — закончил презентацию я.

— Тощий — пойдёт, — задумчиво кивнул дед. — Сейчас, турбину проверим только.

— Долго? — я отпустил внутреннее напряжение.

— Часа три... — дед почесал затылок и сдвинул очки на положенной им место.

— Время пошло. А я пока огурцов вам достану.

К Айду подошли только к утру.

— Ждёте до полудня, — я проводил финальный инструктаж для той части экипажа, которая успела протрезветь. — Если не возвращаюсь — двигаете в Ксал, топлива хватит.

Экипаж сделал вид, что всё понял. Механики вроде бы действительно поняли. Я двинул в город.

Штаб Собрания, точнее, конечно же, координационный центр обороны, нашёлся почти сразу. Такое скопление праздно шатающихся идиотов в форме пропустить нельзя было при всём желании.

Совершенно внезапно для меня, крыша у них не охранялась. Я просто вошёл в здание сверху.

Внутри тоже как-то никого не смутил мужик без формы, зато с глефой. И это при том, что маскировкой я не пользовался.

Но это было не самое смешное. Верхом местного разгильдяйства оказалось то, что всё командование обеих оставшихся у Собрания дивизий решило устроить оргию с картами в

одном кабинете. Все разом.

— Ты, — я ткнул в комдива Орно, — мириться будешь?

— Что... — начал было комдив.

Время эффективной дипломатии.

Декапитация!

— Ты... — я перевёл палец на комдива Лейши, — мириться будешь?

— Да кто...

Декапитация!

— Ты... — указующий перст выбрал полковника Кроба, — мириться будешь?

— Тре...

Декапитация!

— Ты... — время спросить полковника Арит-хе, — мириться будешь?

— Да! — выпалил полковник. — А что это значит?

— Правильный ответ. И правильный вопрос, — я подошёл к столу, на котором раскинулась схема Айдской области. — Это значит полную и безоговорочную ситуацию перед Организацией Клорского договора.

— Тревога! — завопил Арит-хе.

Идиот.

Декапитация!

Потом минут десять унылого шинкования набегающих дураков, самостоятельно лезущих под клинок. Таким индивидуумам, как по мне, руки и ноги не нужны. Наконец они сообразили отступить и перегруппироваться. Я выковырял из-под стола последнего оставшегося в живых старшего офицера — полковника Лейджи.

— Мириться будешь? — спросил я, пристально глядя в его большие-пребольшие карие глаза.

— Да, да, конечно, капитуляция, — закивал Лейджи.

— Молодец, — я опустил его на пол. — Даже не пришлось к допросу с пристрастием переходить. Приступаешь?

— Да, конечно, сей момент.

К десяти утра по местному времени, я связался с Клором, и Конклав принял капитуляцию четырёх полков Собрания. Я вернулся на поезд. В моём списке оставался ещё один пункт.

— Майор Кройи? — поприветствовал очередного собеседника я.

— Полковник Кройи, — поправил меня Кубу. — Чем могу быть полезен, комиссар?

— У вас есть что-нибудь по Конбо Арит-хе и третьему полку второй дивизии?

— Да. Они под Ксалом, комиссар.

— Прощу прощения?

— Они штурмуют Ксал прямо сейчас.

— Ждите. Скоро прибуду на бронепоезде. Постарайтесь только не расстрелять нас.

— Будет исполнено, комиссар.

Очередной безумный перегон. В этот раз отцепили вагоны — снаряды и порох экипаж всё равно на самогон перегнал, — поэтому уложились в девять часов.

По прибытии в Ксал я понял, что Кройи, чёртов трансгуманист, меня самую малость развёл. Не было под городом полка Собрания. Тела были. Солдат не было.

Конбо, очевидно, принёс всех, кто пошёл за ним, в жертву, и теперь... вообще-то, я всю

прошлую жизнь надеялся, что никогда больше ничего такого не увижу.

Вероятнее всего, полк Лерно сначала убили, потом воскресили, а затем уже вселяли в результат демонов. В данном случае аспекта кости, кажется. Деформации скелета, дополнительные шипы, тонкие ходули с невероятной прочностью на излом, лишние конечности. Стандартный набор.

Насмотревшись на эту красоту и отогнав локомотив на безопасное удаление, я сразу двинул в штаб.

— Обстановка? — Кройи адекватен, отсутствие приветствия поймёт.

— Две дивизии Кро пока что сдерживают атаку. Заказали артефакты на истинный свет из Берхе, к утру должны прийти.

— Конбо обнаружен?

— Нет.

— Иду на них. Постарайтесь артиллерией меня не разнести, тварей она всё равно не впечатляет.

— Почему, кстати? — впервые с момента знакомство в голосе Кройи прорезалось раздражение. — Там за двести сорок миллиметров!

— Самостабилизация эманациями Бездны или что-то в этом духе, — попытка вспомнить лекции Суртова немного провалилась. Как и попытки Суртова вбить в меня общую теорию по демонологии. — Никогда не был в этом силён. Чёрный свет, твари, совершенно не похожие на людей, багровый туман? Было что-то из списка?

— Нет.

— Тогда справимся.

Я двинул за город.

Потом рванул в степь.

Небольшой крюк и...

Нет, зараза, меня не проведёшь. Ты не паук. И даже не сенокосец. Ты — костистый ужас на девяти тонких ножках. С человеческой тушкой на подвесе.

Выпад, уворот, разрез. Минус две ноги с одной стороны. Уже отрастают, но мне нужно было только выиграть немного времени. Душелом. Радикал изгнания. Модификатор аспекта.

Кости бедолаги взрываются потоками чёрного света и схлопываются внутрь себя. Все кости. Что ж, с аспектом я попал. Хотел бы я это развидеть.

Повторять две тысячи раз. Потом посолить, поперчить. Хотя нет, это лишнее.

Нужно что-то массовое. Например...

Лезвие Морены упирается в землю.

Слёзным день тот страшный станет...

Норматив фронта на полк полтора километра. Но тут круговая оборона, значит всего метров восемьсот по большей оси.

Как из праха вновь воспрянет...

Иногда меня пытаются перехватить. Шарик из костей. На свернувшемся броненосца похож. Человек с зубами на руках. Ладно, уже не человек. Многоручка. Серьёзно, навскидку эта зараза на гекатонхейра тянула. Душелом и малое изгнание отправляет их всех домой.

В день отмщенья человек.

Двадцать минут спустя внешний круг замкнулся. Можно было бы, конечно, и без него, но тогда я бы наверняка в расчёте накосячил. Со смертельным исходом. Хорошо, если только для себя.

Смерть сама оцепенеет...

Эфир по контуру. Есть контакт. Границы ясны. Семь черт радикала изгнания.
Одиннадцать на радикал кости.

Освобождение.

Тварь восставши онемееет...

Потоки эфира внутри контура перестраиваются, отправляя всех гостей нашего мира по домам. Думаю, им как раз поднадоели хозяева.

Кто ответ держать посмеет?

Финал.

Несколько случайно отбившихся от стаи тварей не в счёт. Уж с ними две дивизии как-нибудь справятся. А я спать. У меня был чудовищно длинный день.

Утро в руинах «Яка» началось не с кофе. А жаль. Кофе тут хороший варили.

— Тело Конбо Арит-хе не было опознано среди ликвидированных вчера бунтовщиков, — отрапортовал полковник Кройи.

Глава 30. Дождь в конце алфавита

Перспектива: Хо Орнаг, небелковая форма белки

— Поставить на место? Да, определённо. Ликвидировать? Во-первых, сначала найдите агента с такой подготовкой. Он может сэкономить нам миллиарды на целом ряде задач. Во-вторых, сначала найдите агента с такой подготовкой. Иначе о ликвидации можете забыть сразу. Хорошего дня, граждане.

Таи Леги откланялась и вышла из-за стола. Разговор шёл уже давно. Разговор не клеился. Вопрос стоял один. Вопрос был бинарным: либо «да», либо «нет». Но издержки от обоих ответов...

Итак, я остался в компании Эл и Гая. Состав совещателей, ставший за последние лет десять стандартным. С прошлым Элом, правда.

— И в чём она неправа? — у Гая на морде ехидная ухмылка.

— В категорическом императиве, чужак, — отвечаю я.

— Ну-ка, ну-ка, это должно быть занято, — Ферон подаётся вперёд. Ещё б на стол лёг, филистёр.

— Семьи ведут дела не так, — начинаю я. — Если нам кто мешает — мы уничтожаем его репутацию. Заставляем доброй волей уйти от дел.

— А как же тот случай с пороховым заводом под Канролом? Лет двадцать пять, кажется, назад, — и рожа такая невинная... ну-ну, попляшешь ещё, гад.

— Несчастный случай, — отрезаю я. — И идиотизм рабочих. Да, в крайнем случае мы используем наёмных убийц. В самом крайнем, — я зыркнул на открывшего уже рот Гая, — вызываем на дуэль.

— В общем, делаем синонимишно идентичные вещи, верно? — Эл традиционно делает вид, что не следит за разговором. На самом деле следит. Ещё как.

— Слушайте, вы, филистёры непечатные. Закон — это основа Договора. Закон — это мы. И не всяким идиотам рубить это напополам.

Молчание. Я хлебнул кофе. Откусил пирожного. Раунд за мной.

— И именно мы, Конклав то есть, — Гай дождался, пока я собрался глотать, — дали Сехему полномочия. И я, хоть ты расшибись, не понимаю, где он их превысил.

— Где?! — вот умеет же Ферон бесить. — Да везде по кругу, чтоб тебя! Он нашего командующего при исполнении зарубил. И как будто этого мало, ещё и над телом надругался.

— Да, зарубил, — тон ещё такой выбрал, как с ребёнком слабоумным, — но по делу.

— Шпионажу в пользу Кичипико? — загадка: как Кубу Кройи смог доложить об этом серьёзным голосом? — Ты издеваешься, Ферон?

— Нет. Инбародод действительно вёл дела со Скенгзатом. Легальные в числе прочих.

— Извини? — я решил, что мне об этом ничего не известно.

— Международная контрабанда, продажа секретной информации для служебного пользования, поставки образцов оружия строго для внутреннего рынка. Мне продолжать? — Гай скорчил скучающую рожу.

— Где тут состав на казнь? — я решил дожать тему до конца.

— Некоторые образцы по итогу всплыли у Собрания.

— И откуда ты в этом уверен? Я вот, например, не в курсе.

— Проблемы индейцев, кхм, — Ферон замылся. — Короче, сам виноват. Доказательства будут. В специальном отчёте.

— Допустим. Но Сехем-то этого знать не мог! — последний аргумент.

— Не мог. И не знал, — Гай усмехнулся. — Фокус в том, что он почти любую юрисдикцию вне ОКД мог назвать и попал бы при этом. Теперь понимаешь?

Повисла тишина. В том, что Инбародод — мозгосрамец, новости нет. Но всё равно:

— Мы не можем спустить это на тормозах, — заметил я. — Должны быть санкции. Пусть без фанатизма, но должны быть.

— А терминирующий исполнитель кто? — вклинилась Эл. — Хо, мне всё это тоже не нравится до исключительности, но если мы вынесем приговор и не сможем его исполнить...

— Я, ты, Эва, Йкр с Каилем, объединимся, в конце-то концов, Атер вытащим из норы!

— Уже провалился, даже не буду пытаться, слишком мала, не выйдет на дистанцию удара, не станет в это ввязываться, никаких гарантий, тошно пошлёт всех вприсядку чай гонять, — парировала Серех. — Ты про юкубода вообще изучал данные?

— И что, по-твоему, он нас ядерным ударом накроет? Не смейся, ладно?

— Ядерное — не самое страшное на борту, Хо, — Эл вздохнула. — Оно проектировалось под войну против всего. Воюющих стран, демонов Бездны, владык ямы, даже Неба, даже богов. Сам ведь помнишь. Нас сомнёт быстрее, чем мы подумаем об атаке.

— И что? Об нас вытерли ноги, а мы просто утрёмся и скажем «приходите ещё»? — поинтересовался я.

— Не-а, — Ферон так и светился. Дозиметр, что ль, проверить. — Выпишем премию и грамоту на память дадим, конечно же.

— Эву беру на себя, — поддакнула Серех. Сговорились, заразы.

— Я не ослышался? Гай, ты не осквернился ли в хлам часом?!

— Не можешь бороться — возглавь, — и, конечно же, обязательно было назидательно поднять палец. Позёр несчастный. — И вообще, Семьи, честь, гражданский долг, да даже пиво — вторичны.

И тишина. Через минуту я решил подыграть:

— А что первично тогда?

— Клор. Klor über alles, die Bürgerschaft.

Перспектива: агент Ликвидатор, локальный идентификатор «Th-229»

Двадцать девятое февраля. Понедельник. Хотя двадцать девятое любого месяца, в котором оно есть — понедельник. Не знаю, что я ненавижу больше: февраль или понедельники. Или всё-таки бессмысленные и бездуховные сборища с обязательной явкой. Как, например, заседание Конклава Организации Клорского договора.

— ...критически низкое заполнение эфирохранилищ предгляциальной зоны... — бубнит Леги.

Взрослые собрались, чтобы обкашлять, как это у них называется, серьёзные вопросы. А я? Мне сказано присутствовать — присутствую. Компетентности всё равно не хватает, так что голосую случайным образом. Всё лучше, чем рулить тем, что не понимаешь.

— ...освободили от налога на землепользование на один тёмный сезон семьдесят лет назад... — это уже Ис.

Итак, я в этом мире шесть полных месяцев. Наверное, с учётом почти кончившегося февраля и хвоста июля, всё-таки семь. Совсем большой уже стал, пора проявлять выраженный исследовательский интерес.

В самом начале было что-то невразумительное, когда по меньшей мере три дома хотели меня заграбастать. Тогда вроде как победил Ферон, но на каких условиях? Что вообще на кону стояло? А кто ж его знает, я так и не выяснил ничего толком. Просто наблюдал и иногда орал. В общем, вёл себя как нормальный новый гражданин.

— ...кризис добычи. Нельзя просто взять самое простое решение и... — Хо в своём репертуаре. Точка. И Ка.

Вон, Хан со мной согласен. Или согласна? Что я вообще про Хана знаю?

Объединил Семьи, основал Клор, остановил вторжение кланов Севера ценой своей жизни, похоронен ближе к Небесным горам. Не густо, прямо скажем. А важно ли? Разве что для общего развития.

С другой стороны, Верденский раздел определил судьбу Европы на полторы тысячи лет вперёд. Но это ведь другое, верно? Вещи такого масштаба обычно на слуху, а Хан больше... не знаю, вроде как вообще сугубо мифический персонаж. Как если бы его вовсе не существовало никогда.

Впрочем, это вопрос исключительно академического интереса, а в практическом смысле гораздо интереснее вспомнить, что там с Тоуро было. Дано: смертник, кричащий имперский катехизис. Для теракта использовал демонический артефакт, за который не только официалы, а даже бандиты на флаг натягивают.

«Искра» с её главредом — светлая память идиоту — вряд ли при делах. Это была обычная унылая агитка комми. «Мир — солдатам, фабрики — рабочим». Даже без растопки мирового пожара буржуями. В общем, нормальные леваки в нормальном индустриальном обществе: вроде воду и мутят, но реальной базы сторонников им тут взять просто неоткуда.

Да и не был, положила руку на сердце, Тоуро рабочим. Мог ли идентифицировать себя так? Судя по предсмертным записям — тоже нет. Там гораздо больше про какие-то мировые Организации и тиранию гегемона, который не гегемон, а так, напалечная игрушка Организации. И всё это под соусом прекращения Борьбы, питающей Внешних Богов. Где-то я слышал что-то очень похожее...

Впрочем, неважно. Взорвался дурак и взорвался, вот и пёс с ним. Откуда он «Щель» взял? При его-то образе жизни... гхм. То есть я в памяти Айхи Плитки кой-чего видел, конечно, но это только ещё больше дело путает. Мужик с имперским акцентом — с учётом времён это в лучшем случае на маркер происхождения тянет, но никак не на прямое указание заказчика. Зуб даю, что просто ещё одна пешка.

Вопрос: «Щель» изначально должна была к Тоуро попасть? Едва ли: способ слишком сложный, чудовищная вероятность срыва операции. По наличным данным, наиболее вероятно, что Айху выбрали из-за полного контингента интересных личностей в арендаторах. Там кому бы она ни отдала этот «Чаеутолитель-9000», так и так бахнуло бы. Не со зла, так по дурости.

Внезапно я осознал, что вокруг как-то подозрительно тихо. Гай вопросительно смотрел на меня. Сидя в соседнем кресле того же выреза стола, ага.

— Это всё, конечно, очень хорошо, граждане, но что насчёт животноводства? — спросил я для разрядки ситуации.

— Животноводства? — Таи Леги вопросительно подняла бровь.

— Да, разведения крупного рогатого скота, если быть конкретнее, — добавил я.

— Мысль, — кивнул Йкр Гоел. — Граждане, это ведь действительно мысль.

Обсуждение пошло своим чередом. Гай ещё секунд пять попялился на меня, покачал

головой и сделал вид, что вернулся к дискуссии.

Так вот, «Чаеутолителъ». Дано: персонаж с претензией на имперский акцент вбрасывает абсолютную запрещёнку так, что она наверняка рванёт. И, скорее всего, громко. Силы Превентивной Городской Самообороны сначала бросают на расследование, а потом, как только мы берём след, ликвидируют все улики и в грубой форме шлют нас отдыхать.

Да, ликвидация улик эпичная вышла. Только кто и зачем это устроил? Казалось бы, что если что-то случилось в Клоре, то сразу обвиняй Семьи, но что-то тут... они могли гораздо тише всё обставить. Могли. Не сумели? Не захотели? Как это связано с сброшенной через Айху «Щелью»? Плохо, откровенно плохо соотносится. Как будто несколько человек в разные стороны работали. Что, кстати, является самой логичной версией. В таком случае даже общие контуры изначальных планов искать бессмысленно.

Что, опять же, может быть, а может и не быть операцией прикрытия, где этих актеров играют втёмную. Впрочем, это уже пахнет не паранойей, нет, но бесконечной рекурсией. Так что стоп. На этом самом месте.

— ...не только длинная и мягкая шерсть... — распинается, кажется, Ферр Нине. Интересно, ему-то что до яков вообще?

Дальше. Дальше история с транами и Сайне Лето. По себе я выводы уже сделал всеобъемлющие и исчерпывающие. Не будь меня — этот же путь прошёл бы кто-то другой. Быстрее. Умнее. Кто-то, кто не нанял бы наркоторговца, упарывающего собственный товар, только потому, что его упоминал невероятно мутный старик, которого порекомендовал тролль-председатель всея Клора.

Интереснее тут другое. Восстание Полярных началось на рубеже июля и августа. Помимо Гляца, эфир в Клор шёл от китобоев, транобоев и из Хельджака, где на него опять же пускали местную фауну. Эфирных китов я, кстати, даже разок, кажется, видел. При падении. То есть грохнулся я тогда наверняка о палубу китобоя. Дальше они меня сдали более-менее сразу в Клор, очевидно Элетройме. Кстати, почему Элетройме, а не Ише Дува? Решили, что я скорее механизм, чем организм?

Дальше внимательно следим за руками: как только моё состояние стабилизируется, я оказываюсь в резиденции Орнагов. Первое: в конечном бодалове участвуют Орнаги, Серехи и Фероны. Второе: у Гая своего китобойного флота точно нет. Третье: Серехи меня откачивали. Им не было никакого резона сдавать факт моего существования кому-то ещё.

Резюме: с высокой долей вероятности китобой принадлежал Семье Ор. В принципе, они и через разведку могли узнать про меня, но едва ли им бы тогда удалось получить бесчувственную тушку сразу после операции. То есть они сдали меня на ремонт и сразу по его завершении забрали назад. А потом всё полетело кувырком и про это узнал Гай, который как раз заскучал.

Уже кое-что, хотя я ума не приложу, что с этой информацией делать.

Что ещё по транобойной истории? Судя по оговоркам Сайне и общей отбитости Дорнаса Кромэна, между Хельджакской Компанией и Конклавом есть негласный договор, по которому северяне гонят установленную норму эфира в обмен на невмешательство во внутренние дела. И если Конклав пытается как-то причесать это непотребство, то нарывается на итальянскую забастовку. Всё строго по букве договора. И ничего не работает. Кромэн в данном случае — реакция на недостаточно уважительный запрос помощи с моей стороны. Охотника заказывали? Заказывали. Вот вам охотник, а про то, что он больше за головами, чем эфирной фауной, так это не оговаривалось, идите лесом.

Голосование.

Вопрос я пропустил, но рандомайзер сказал «нет».

Голос малых домов разделился, а потому пошёл в графу «воздержались».

— Далее на повестке... — начал Кхандо.

Я вернулся к размышлениям.

Дальше был декабрь в безделии. Смысла в работе СПГС я как не нашёл тогда, так и сейчас не видел ни малейшего. Гай, конечно, всегда достигал каких-то своих целей, но в-первых, именно что своих, а во-вторых, мне по дюжине раз хотелось придушить его в процессе. В каждом отдельно взятом случае.

А потом ко мне пришла операция по замирению. Позорище сплошное, честно говоря. Собрание сделало буквально всё, чтобы проиграть, и всё равно продержалось целых полгода. Я посмотрел хронику: Конбо Арит-хе сначала заварил кашу и только потом, видимо, задумался над планом.

И если первичную осторожность ныне покойного Инбародода — тоже Арита, кстати, — ещё можно списать на нехватку надёжной информации, то после битвы под Маховтом пошёл полный цирк. Арит сначала позволил повстанцам построить эшелонированную оборону под Айдом, потом из общеаритской любви к взрывам разнёс лишённый гарнизона Ксал, где и встретил героическую гибель при исполнении. Или закономерное возмездие. Гай постфактум выкатил какой-то кусок компромата на покойного. Там не только Кичипико, там половина цивилизованного и две трети варварского мира в бенефициарах вышло. Включая, между прочим, Собрание.

В общем, анекдот совершеннейший. Но вопрос не в этом. Вопрос в том, почему Инбародода терпели. Почему Конклав не снял его с поста командующего.

Блат? Сестла? Эве так принципиален престиж Семьи? Так ведь покойный его больше подрывал, чем укреплял. Я уж молчу, что Конбо Арит-хе, несмотря на расчёт на авось, сделал в процессе игры гораздо больше результативных и изобретательных ходов. А не на него ли Эва изначально ставила? Чтобы потихоньку слить войска других Семей? Так ведь не слила же.

Вообще, система с одиннадцатью параллельно существующими армиями —

это одна сплошная катастрофа. Даже одна профессиональная армия в мирное время генерирует столько хаоса, что вполне способна развалить собственное государство, а тут... но при этом оно, что характерно, работает! Паршиво, периодически роняя запчасти и калеча сопричастных, но работает же!

Впрочем, это может быть следствием запредельного запаса прочности той системы, которая выродилась в это недоразумение. Были в мировой истории и такие прецеденты. Некоторым по полтора года лет на плаву удавалось держаться.

Итак, что мешало Инбарододу действовать решительнее? Риск потерь в моменте, конечно, подскочил бы, но и развязка бы наступила гораздо... ага. Естественно. Риск потерь. Если бы он воевал только аритскими частями — это было бы приемлемо. Но ему ж коалиционные, по факту, силы всучили. А там совершенно иной уровень головной боли с отчётами о потерях. Возмещения, обоснования, доклады — на командование попросту не осталось бы времени. Плавали. Знаем.

Ещё раз: как Клор всё ещё стоит? Армия-то не может позволить себе потерь. Ни одна из одиннадцати. Если только... если только не будет экзистенциальной угрозы. Звучит логично. Надо будет проверить.

Голосование.

На всякий случай скопировал голос Гая. Всё равно не знаю, что мы там принимали.

— Все вопросы актуальной повестки закрыты... — начал заканчивать председательствующий «Юлах» Кхандо.

— Минуточку, — встрял я. — Один момент.

— Да, гражданин Сехем? — дежурно откликнулся Кхандо.

— Я, как представитель малого дома Сехем и член малого дома Сехем, требую у Гая Ферона, члена и представителя малого дома Ферон, сатисфакции за нанесённое оскорбление.

— И какое же? — с горящими интересом глазами поинтересовался Каиль.

— Вызов принят, — буднично заявил Гай и хлебнул из фляги. — Завтра, на острове Мокрого Ворона, на закате. Магическая дуэль без ограничений. Оружие разрешено.

— Вызов зафиксирован в присутствии уважаемых граждан, — механически оттарабанил Кхандо. — Все вопросы актуальной повестки закрыты. Заседание ежегодного Конклава Организации Клорского Договора объявляется закрытым.

Я направился на выход.

— И всё-таки: почему? — Ферон, очевидно, даже не встал с места.

Я, не оборачиваясь, бросил:

— Просто ты мне больше не нравишься.

Deus machina est

05 CB AC 8B AA 77 80 8F A0 40 AA 77 B2 AF 8F AF 77 8B AC AB A0 40 AF 40 9F AA 8
8A 8B 9B 77 8E 40 AB AC 77 9D 8A 77 AA AC 9D 9E 8D 9E 40 9E AC 9A 9B 9E 9D 8B 9D :
A0 4B 4 °CB AB AC 9E B6 9D 8F 9A 40 9A 9E 9D 8A 8B 9D AB 77 AC 77 40 BE 77 AA 77 8
8B A0 40 9D 8B 40 9E 78 9D 77 AA AD AE 8B 9D 4B 40 DB 78 B7 8B 9A AC 40 7F AC 9E I
9A 77 40 8F AB 8E 9E 8A 77 7F 40 9D 8B 40 9B 9E 9A 77 9B 8F B2 9E AF 77 9D 4B 40 ED .
AB AC AA 9E 8D 9E 9C 40 AB 9C B1 AB 9B 8B 6B 40 8F 8E 40 AF 9E 9E 78 B5 8B 40 9D
40 AB AD B5 8B AB AC AF AD 8B AC 4B 40 DA 77 78 9B 76 8A 8B 9D 8F 8B 40 9F AA 9E 8
9E 9B AE 77 8B AC AB A0 4B 3F

Дополнительные материалы: самые разыскиваемые в ОКД преступники на 408 г. от основания Клора

1.

Имя: Забуисмона

Пол: не поддаётся определению (внемировая сущность)

Год рождения: не поддаётся определению (внемировая сущность)

Место рождения: не поддаётся определению (внемировая сущность)

Гарант удостоверения личности: отсутствует

Словесный портрет: не поддаётся определению (внемировая сущность)

Инкриминируемые деяния: мундицид; геноцид (9 доказанных эпизодов); возбуждение массовых беспорядков путём публичной дефенестрации пищевой либо промышленной продукции в особо крупных размерах

Криминальная биография: см. «Промысел и деяния господ нашего Забуисмоны»

Магические способности: не поддаётся определению (внемировая сущность)

Боевые навыки: не поддаётся определению (внемировая сущность)

Класс опасности: СДГ+

Инициатор розыска: Конклав ОКД

Награда: 801360 КМ за живого; награда за мёртвого не поддаётся определению (внемировая сущность); награда за информацию не поддаётся определению (см. графу «В последний раз замечен»)

В последний раз замечен: согласно показаниям очевидцев находится во всех точках пространства в любой момент времени

2.

Имя: Аки Огурец

Пол: Мужской

Год рождения: между 370 и 380 от ОК

Место рождения: Центральный Хельджак — подробности не известны

Гарант удостоверения личности: Хелькрай

Словесный портрет: молодой мужчина, похож на уральца. Рост около 180 см. Телосложение среднее. Слегка сутулится.

[нечитаемый фрагмент, бумага почернела и утратила гибкость]

Инкриминируемые деяния: проимперская агитация; подстрекательство к вооружённому восстанию; участие в вооружённом восстании; командование незаконным вооружённым формированием; незаконное владение оружием; незаконное использование оружия; торговля оружием без лицензии; незаконное производство и модификация оружия; использование представителя власти в качестве дробящего оружия, повлекшее смертельный исход; убийство представителя власти (6 доказанных эпизодов); нанесение увечий представителю власти (4 доказанных эпизода); покушение на убийство представителя власти (9 доказанных эпизодов)

Криминальная биография: 17 марта 408 от ОК, воспользовавшись служебным положением, использовал систему экстренного городского оповещения Хелькрая для распространения недостоверных сведений о «возвращении истинного Избранного» и причастности АО «Хельджакская компания» к покушениям на жизнь «истинного Избранного». Принимал деятельное участие в последовавших волнениях. После подавления волнений силами Сводного Экспедиционного Корпуса в декабре 408 от ОК скрылся в неизвестном направлении

Боевой магический потенциал: не зафиксирован

Боевые навыки: навыки безоружного боя средние; навык обращения с холодным и метательным оружием отсутствует; базовые навыки обращения с огнестрельным оружием; вооружён, арсенал неизвестен

Класс опасности: ОО

Инициатор розыска: АО «Хельджакская компания», отдел внутренней безопасности

Награда: 500000 КМ за живого, 50000 КМ за тело, 5000 КМ за информацию

В последний раз замечен: 12 декабря 408 от ОК; Хелькрай; Сводный Экспедиционный Корпус; перестрелка в жилой застройке на юго-западной оконечности города

3.

Имя: Рина Арит-хе

Пол: Женский

Год рождения: 386 от ОК

[бумага истёрлась, буквы не видны]

...похищение и незаконное удержание гражданина ОКД (3 доказанных эпизода); попытки гражданина ОКД, повлекшие за собой смерть (3 доказанных эпизода); незаконное использование магии ограниченного применения, принадлежащей Семье (7 доказанных эпизодов); заговор с целью убийства Главы Семьи; убийство в особо жестокой форме, повлекшее за собой публичные неудобства и нарушение мелкой городской инфраструктуры

Криминальная биография: 15 июля 407 от ОК покинула законное место работы в городе Клор, где после данной даты замечена не была. С 20 августа 407 от ОК по 2 ноября 408 от ОК числилась пропавшей без вести. На протяжении этого периода скрывалась в руинах Лехвинского хутора (Клорский регион). В марте-апреле 408 от ОК похитила трёх граждан Клора, принадлежащих к семьям Кро, Го и Ду, соответственно. В течение нескольких месяцев удерживала их в одном из подвалов разрушенных зданий Лехвинского хутора, где применяла к ним различные пытки, включая те, что используют магию (в т. ч. незаконно изученную). Данные события привели к смертям потерпевших, даты которых точно установить не удалось. 2 ноября 408 от ОК была случайно обнаружена исследовательской группой, изучавшей эфирные следы, после чего покинула Лехвинский хутор. В вышеуказанном подвале также были обнаружены дневники, согласно которым, разыскиваемая вела заговор с целью убийства Главы одной из Семей, а также производила магические эксперименты, восстановить детали которых не удалось. 4 декабря 408 от ОК разыскиваемая была замечена одним из уличных торговцев в городе Ксал. Согласно показаниям последнего, она разыскивала информацию о наличии или отсутствии постоянных гарнизонов на границе с Империей Минах Клиа. 4 декабря 408 от ОК полностью

обескровленный труп данного торговца был найден в общественной уборной города Ксал; удалось установить причастность разыскиваемой при помощи сравнения эфирного следа.

Боевой магический потенциал: 7 ТЭ

Боевые навыки: не зафиксированы

Класс опасности: О, возможно, ОО

Инициатор розыска: дом Арит

Награда: 1000000 КМ за живую, — 1000000 КМ за тело, 100000 КМ за информацию

В последний раз замечена: 4 декабря 408 от ОК; город Ксал; Мерук Ханжа, уличный торговец шубами; замечена задававшей вопросы об охране границы с Империей

4.

Имя: Худагбаатар Доэ

Пол: Мужской

Год рождения: 343 от ОК

Место рождения: Город Ар-Барун, провинция Хаварал

Гарант удостоверения личности: Империя Минах Клиа

Словесный портрет: не поддается описанию: разыскиваемый активно использует иллюзии и кражу личностей; опознание производится при помощи эфирных следоискателей

Инкриминируемые деяния: нарушение договора о цивилизованной войне от 338 от ОК (около 3000 доказанных эпизодов); нарушение хартии о запрете производства, хранения и применения демонического оружия от 260 от ОК (около 500 доказанных эпизодов); нарушение конвенции о запрете использования военнопленных в ритуалах от 228 от ОК (12 доказанных эпизодов); использование мирного лица в качестве боеприпаса (90 доказанных эпизодов); шпионаж в пользу Империи Минах Клиа; незаконное использование чужой личности (неустановленное количество эпизодов); убийство представителя власти (64 доказанных эпизодов); использование представителя власти в качестве глушителя; публичная автодефенестрация, повлекшая смерть или тяжкое увечье группы лиц и повреждение городской инфраструктуры

Криминальная биография: в 367 от ОК поступил на службу в Двенадцатый Общевоинской Корпус Империи Минах Клиа в качестве приданого боевого мага. В период с 367 по 373 от ОК совершил множественные деяния, нарушающие договор о цивилизованной войне от 338 от ОК, хартию о запрете производства, хранения и применения демонического оружия от 260 от ОК, конвенцию о запрете использования военнопленных в ритуалах от 228 от ОК. Степень личной ответственности разыскиваемого в упомянутых деяниях установить не удалось, предположительно, он выбирал наиболее жестокие способы исполнения приказов командования. В 373 от ОК отказался признавать пакт о сецессии ОКД и продолжил диверсионную деятельность на территории ОКД по собственной инициативе. Поступали разрозненные сообщения об обнаружении разыскиваемого в различных портовых городах на территории ОКД, Республики Деновея и Аксиотской Конфедерации. В 382, 385, 394 и 397 от ОК уничтожал посланные для ликвидации группы представителей закона. В 398 от ОК была собрана Сводная Группа Ликвидации, в которую вошли, в числе прочих, члены дома Кандо. Последний контакт с группой состоялся 14 мая 398 от ОК в окрестностях Дичкова хутора, Туленская область. Все члены группы числятся пропавшими без вести,

сообщений о разыскиваемом после 14 мая 398 от ОК не поступало.

Боевой магический потенциал: зарегистрированный при поступлении на имперскую службу: 135 ТЭ

Боевые навыки: предположительно, стандартный имперский курс армейской подготовки

Класс опасности: СДГ

Инициатор розыска: Конклав ОКД

Награда: 500000 КМ за живого, 500000 КМ за тело, 8000 КМ за информацию

В последний раз замечен: 10 мая 398 от ОК; Дичков хутор, Тульская область; дед Пацюк; был замечен «барагозящим в сельской харчевне»